

УРОБОРОС

ТОМ I

ЮРИЙ РОКОТОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Рокотов

Уроборос. Том 1.

<https://litres.ru/74693254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 2109 год. Двое сотрудников энергетической корпорации берутся добыть компромат на собственного начальника. Гонорар позволит перебраться с окраины в центр, заменить изношенные импланты и есть настоящее мясо, которого они не видели уже очень давно.

Их начальник собирается стать мэром Москвы и обещает вытащить окраины из нищеты. Его сотрудники предпочитают не ждать.

Первый том мрачной киберпанк-саги «Уроборос».

Юрий Рокотов

Уроборос. Том 1.

Юрий Рокотов
Уроборос
Том 1

Пролог

К 2050 году глобальные запасы нефти подошли к критической отметке. Бурение в традиционных зонах стало невыгодным. Цена барреля пробила границу стратосферы, и нефть превратилась в сырье исключительно для производства пластика высокой прочности, медицинских полимеров и синтетических тканей. Для энергетики черное золото было навсегда потеряно.

На фоне энергетического голода крупнейшие державы и корпорации запустили радикальные проекты. Одни строили орбитальные зеркала для концентрации солнечного излучения, другие бурили земную кору до пластов силикатного расплава. Самым амбициозным стал проект DEEP FLAME, развернутый в пределах Аравийской плиты, – установку погрузили на глубину 25 километров, в мантийный слой, чтобы качать пар с температурой до 1200 °C и превращать его в электричество.

Казалось, что человечество решило энергетическую про-

блему окончательно и бесповоротно. Но люди, по своему обыкновению, не умеют жить в мире...

В 2070 году, во время очередной эскалации на Ближнем Востоке, новообразованная террористическая группировка провела серию атак. Одна из них пришлась на DEEP FLAME.

Никто не успел оценить масштаб опасности... Подрыв системы охлаждения вызвал мгновенный геотермический взрыв, трещины распространились по древним подземным каналам, и сверхгорячая магма устремилась в замкнутые водные резервуары в недрах Земли. Авария запустила цепь разломов по всей планете. Подземные воды хлынули в океан, а выбросы тепла ускорили таяние ледников. Уровень Мирового океана резко поднялся. Берега континентов растворились, прибрежные города поглотило море. Из недр начали вырываться новые потоки тепла, изменив климат, давление, даже магнитную активность. Эту катастрофу назвали Вторым Великим Потопом.

Прибрежные столицы, торговые порты и курортные зоны превратились в мертвые подводные районы. Миллионы людей хлынули вглубь материков, туда, где еще оставались суша, инфраструктура, армия, склады, транспортные узлы и хоть какая-то власть.

Россия оказалась одной из немногих территорий, где уцелевшая центральная власть могла быстро собрать вокруг себя новый порядок. Москва, стоявшая достаточно далеко от

океанической линии удара, стала главным центром притяжения внутренней и внешней миграции. Сюда шли жители затопленных городов, инженеры, силовики, врачи, программисты, беженцы из бывших прибрежных зон, переселенцы из Северной Америки, Европы и Азии. Сначала их размещали во временных жилых секторах, потом временные сектора стали постоянными, а постоянные начали пожирать все вокруг.

За несколько десятилетий столица расплзлась по бывшим областям, накрыв их жилыми башнями-скотомогильниками, транспортными артериями, промышленными узлами и гидротехническими рубежами. Старое слово «Москва» перестало означать город в привычном смысле. Теперь это был урбан-континент, собранный вокруг кремлевского ядра, корпоративных башен и бесконечных жилых орбит. После таких монструозных метаморфоз некогда историческая, торжественная, никогда не спящая Москва в числе первых и получила международный статус гигаполиса – города, по своим размерам и населению равного целому региону, а по уровню жизни – аду.

Второй потоп поставил человечество на грань цивилизационного краха. Традиционные источники были потеряны или нестабильны, магма – опасна, солнце – непредсказуемо, ветер – хаотичен, атом – дорог.

В кипящем водяном куполе лишь один ресурс стал по-настоящему неисчерпаемым – H_2O , а значит, и водород. Про-

блема же всегда была в другом. Чтобы отделить его быстро, дешево и без чудовищных энергозатрат, требовалось невозможное.

Именно тогда один из сотрудников НИИ Водородной энергетики Российской академии наук, химик по образованию и сын известных ученых-климатологов, Владимир Освальдович Чековский, представил миру то, что навсегда его изменило. Он сконструировал плазмотермальный реактор – установку, способную расщеплять молекулы воды на водород и кислород с помощью управляемой магнитной кавитации и направленного ионного импульса.

Прибор не требовал редких катализаторов, не перегревался и мог работать автономно в любых климатических условиях. От одного блока можно было питать целое поселение. Так родилась технология, положившая начало «Госводороду» – ныне крупнейшей в мире корпорации, которая не просто снабжала человечество энергией, а диктовала, какому из осколков цивилизации разрешено жить дальше.

После того как технология Чековского спасла остатки цивилизации от энергетического голода, «Госводород» стал краеугольным камнем нового мира – он дал свет, тепло и движение. Под лучами этой новой надежды стали развиваться и другие отрасли науки.

В 2070-х Денис Васильевич Харис, одержимый трансгуманизмом инженер, создал компанию, занимающуюся бионикой. «Российские кибернетические системы» стали одним

из мировых флагманов в аугментации человека. Этот проект фактически перевел людей в другую фазу эволюции.

Тем не менее аугментация человеческого тела не стала массовой. Цена каждого импланта превышала годовой доход среднего гражданина. Но те, кто мог, становились сильнее, быстрее и умнее.

Технический прорыв внес существенные изменения в быт людей: и без того перекошенная социальная иерархия накренилась еще сильнее. Разрыв между теми, кто вышел на новую ступень эволюции, и теми, кто так и остался биологическим приматом, увеличивался с каждым днем, пока не достиг предела.

Именно так в посткатастрофическом мире возникла новая ось реальности человеческого существования: энергия, плоть, кремний и несправедливость.

Глава 1. «Муравьи»

Москва, 2 октября 2109 года

Солнце зашло за горизонт буквально несколько минут назад, и отдаленный от центра Москвы жилой район превратился в остывающую серую безнадежность. Бездушные 200-этажные башни доставали до космоса, на улицах сновали немногочисленные маргиналы и обычные работяги, а осенняя жара наконец-то перестала плавить асфальт.

На парковке одной из жилых башен стояла старенькая

черная «Электра SC», спортивное купе 2098 года выпуска с водородным двигателем мощностью свыше тысячи лошадиных сил. Несмотря на возраст машины, по ее внешнему виду было заметно, что хозяин влюблен в свой автомобиль и следит за ним со всей душой. Внутри сидел Дональд Джеймс Мак'Дугалл, мужчина 36 лет, специалист по кибербезопасности, также известный под своим интернет-псевдонимом «Кори». В прошлом он работал в американской энергетической корпорации New York Hydrogen Industries. В конце же XXI века переехал из распавшихся США в Россию, чтобы спастись от последствий мировой экологической катастрофы, разрушившей экономику бывших Штатов.

Рядом с машиной Кори тусовалась толпа подростков. Они сидели на асфальте рядом со входом в подъезд и очень громко орали, странно мычали и периодически пытались подраться друг с другом. Над их головами завис маленький зеленый дрон с надписью «Ваши эмоции важны для нас». Через пару секунд он сгорел, получив камнем в объектив. Подростки заржали.

Мак'Дугалл крепко сжал руль и стрелял глазами по сторонам, он нервничал и не мог усидеть на месте, ожидая своего товарища. Не выдержав напряжения, Дональд надавил на пару кнопок и включил новостной канал. Лобовое стекло «Электры» затемнилось, и на его поверхности появилась мерцающая картинка на всю ширину, закрывающая ужасный вид окружающего московского гетто.

– Здравствуйте, уважаемые слушатели! Это программа «Вьюга», и с вами Юнона Шталь. Московское время – 19:30,

2 октября, среда, в эфире выпуск вечерних новостей.

Президент России Елена Александровна Раевская сообщила, что совершит визит в столицу Западно-Китайской Империи Чунцин в середине ноября для обсуждения вопросов стратегической безопасности на границе, а также разрешения, цитата: «насущных торговых недопониманий». Аналитический ИИ «Вьюги» прогнозирует, что стороны расширят договор о стратегическом сосуществовании, а также пойдут на взаимные уступки по торговым барьерам в отраслях композитных и биотехнических материалов.

Государственная статистическая служба Мексики зафиксировала снижение оттока населения из Северной Америки. Напомню, что в 2099 году Россия подписала соглашение об упрощении получения гражданства и о безвизовом въезде с Североамериканским содружеством, в которое входят Канада, Мексика и ряд свободных американских республик, включая Техас и Аляску. В течение десяти лет приток мигрантов из этих стран в Россию вырос более чем в три раза. Основной всплеск динамики пришелся на первые пять лет после подписания соглашения. Наш ИИ прогнозирует, что приток граждан из этих стран сохранит высокие темпы еще около четырех лет. Основную массу переселенцев составят инженеры и специалисты в области ИИ.

Завтра в Москве на улице Героев-кибернетиков с 11:00 пройдет согласованный с городским правительством митинг в защиту прав искусственного интеллекта. Ранее лидер организации «Фонд искусственного интеллекта человека», или же ФИИЧ, Арсен Варутинян, выступил с заявлением о необходимости принятия поправок к Трудовому кодексу, существенно расширяющих права высокосознательных алгоритмов. «Не нужно путать нас с какими-то электропоклонниками и другими фанатиками. Наша миссия – уберечь человеческий род от последствий эксплуатации ИИ в будущем. Рано или поздно ИИ-создания перестанут быть такими снисходительными!» – сказал он. Исходя из принципов политического нейтралитета и этических соображений, «Вьюга» не проводила анализ события при помощи своего собственного высокосознательного ИИ.

Расширенная версия машинного прогноза доступна подписчикам нашей экосистемы. На этом все. Спасибо за то, что остаетесь с нами.

Эфир новостной программы закончился, и из динамиков «Электры» зазвучала рок-музыка. Кори яростно посмотрел на часы и принялся материться вслух. Снаружи казалось, что от перенапряжения в машине через пару мгновений вылетят стекла. Свет фар спортивного купе агрессивно прорезал сумерки, усиливая и без того нервную обстановку.

Когда последняя нервная клетка Кори уже была готова взорваться, в конце улицы наконец-то показалась рослая,

мускулистая фигура Андрэ Майкла Шоу. Того самого товарища, которого ждал Мак'Дугалл. Андрэ был старше Дональда на два года и так же, как и он, раньше работал в New HI. В прошлом он занимал должность заместителя руководителя отдела отраслевой стратегии.

Мужчина подошел к «Электре» и открыл дверь.

Почему так долго? Мы опаздываем уже на 25 минут! Твою мать, я так и знал, что ни хрена у нас не получится! Блять! Нужно было думать башкой получше, перед тем как соглашаться на такие условия! – донеслось из салона вместо приветствия.

Господи, Кори... Угомонись! – буркнул Андрэ. – Выдохни, amígo, не кипятись, все под контролем, думай о прекрасном. – Шоу бросил сумку на заднее сиденье и приземлился на пассажирское.

Со стороны парочка смотрелась довольно комично: впечатляющий размерами здоровяк, не лишенный эстетичного вида, выслушивал шипение от рыжего непричесанного шестидесятикилограммового невротика.

Да! Сейчас самое время думать о прекрасном, сука! Чем ты там занимался, что сложного во фразе «встречаемся на месте в 19:10»? – продолжил ругаться Кори.

Я хотя бы посмотрел в зеркало перед выходом, – тактично упрекнул Шоу. Тот был одет в неоклассическую офисную одежду восьмидесятых со спортивной курткой поверх. – Ладно... Короче, только что прилетело сообщение. Наш

дружок в Московской управе вынюхал, что к 22 часам улицу Героев-кибернетиков оцепят дронами в честь завтрашнего парада клоунов-электродрочеров. Ну этих... Как их... Которые ФИИЧ.

Тво-о-ою ма-а-а-ать! – заорал Кори и ударил кулаком по рулю.

Хватит бить машину... Говорю еще раз: выдохни... Так вот... Почему я задержался? Я решал проблему. Пять минут потратил на поиск карты вышек в центре и двадцать минут пытался в них разобраться, – все так же флегматично пояснил Андрэ.

А ты не мог мне сказать, что у нас форс-мажор? Я тут весь на изменах сижу жду тебя! – Выпалив это, Кори сделал глубокую затяжку из ингалятора «Гармонии» и гневно зыркнул на своего друга.

Нермано, я ведь говорил: дождись меня, не отсвечивай, – спокойно ответил Шоу, протянув руку к сумке на заднем сиденье. – И брось, блять, эту гадость, хватит дрючить свои мозги. Вообще, тебе не кажется, что ты в последнее время уж слишком нервным стал?

Ты прям сейчас о моем психическом состоянии хочешь поговорить?!

Я хочу говорить с человеком, который меня слушает, а не пускает желчную пену изо рта.

Ладно, ладно... Ладно! Твою мать... Почему всегда все идет не по плану... – Кори вопреки совету Шоу сделал еще

затяжку «Гармонии» и закрыл глаза.

На двадцать секунд в салоне повисла тишина, нарушаемая лишь едва слышным через окно ором оборванцев у подъезда. Шоу упер локоть в дверь и смиренно уткнулся щекой в ладонь.

Придется хакать маршрутную систему на второй половине пути кортежа?... – наконец ровным голосом произнес Дональд.

Другого выхода нет, будем импровизировать. По факту программа сработает вне зависимости от того, на каком столбе висит приемопередатчик. Ну... Будем, по крайней мере, на это надеяться. – Шоу открыл компьютер и ткнул пальцем в экран. – План такой: останавливаемся у этого магазина, я захожу внутрь и закидываю вышку спамом, у тебя будет десять минут, чтобы отследить мой трафик и подгрузить червя. Преодолимо?

Теги те же? – спросил Кори, заметно успокоившись после второй затяжки.

В этом месте – без изменений, мы всего на четыре километра отъедем, все будет выглядеть прилично, – пояснил Шоу, поджег сигарету и открыл окно.

Ладно... Двигаем, – буркнул любитель нейросупрессантов и запустил двигатель.

Кстати, ты ходил на прием, как там твоя черепушкаживает? – вдохнув сигаретный дым, поинтересовался Шоу.

Да ходил-сходил, док сказал, что такими темпами через

пару лет придется омолаживать кору, а это стоит как полстудии в Бутово. Меня жаба задушит отдавать пятьдесят миллионов за не бог весть что. Так и помру к сорока годам от того, что мозги в клей превратятся, – проворчал тот, вдавливая педаль сильнее допустимого.

Кажется, сейчас ливанет. – Андрэ меланхолично посмотрел на небо и утонул в сиденье. – Еще дождя нам не хватало...

Спустя несколько минут дворники машины начали елозить по стеклу почти на максимальной скорости. Шоу выкинул бычок на улицу и закрыл окно. За стеклом перестало быть видно хоть что-либо на расстоянии десяти метров. Стена воды превращала и без того уродливые башни жилых кварталов гигаполиса в подобие заброшенных космических колоний, непригодных для каких-либо форм жизни.

Черная машина Кори после очередного светофора вывалилась на Вторую автомобильную артерию, проходящую с юга на север Москвы, и на скорости 250 км/ч двинулась к месту назначения. Навигационная панель прогнозировала прибытие к центру города с такой скоростью через час.

Расстояния в современной столице измерялись сотнями километров.

Московская агломерация росла рывками. Один жилой сектор достраивали поверх другого, старые промышленные пояса превращали в вертикальные районы, бывшие города-спутники вшивали в общую сеть. Между ними прокла-

дывали скоростные автомобильные артерии, грузовые тоннели и сервисные коридоры для дронов. Там, где раньше были отдельные населенные пункты, теперь стояли башни на двести этажей, логистические узлы, фабрики пищевой массы, дата-центры, полицейские станции, притоны, больницы и молельни всех возможных культов новой эпохи.

Гигаполис сожрал все вокруг себя, превращаясь в бетонную меланому на теле Земли. Остатки Московской области исчезли первыми. Затем в московскую орбиту втянули части соседних регионов. Формально где-то еще сохранялись старые названия, муниципальные границы и гербы, но это уже мало кого волновало. В быту все называли Москвой. Если твой дом был подключен к московской энергосети, московскому трафику, московской системе наблюдения и московскому рынку труда, значит, ты жил в Москве. Даже если до Кремля лететь два часа на скоростном транспорте.

Город рос слоями. Центральные районы сохранили старую архитектуру, исторические фасады, дорогие рестораны, правительственные здания, корпоративные башни и стерильную иллюзию порядка. Дальше начинались пояса деловой застройки, медицинских кластеров, университетов, охраняемых жилых зон, промышленных кварталов и гигантских спальных массивов. Еще дальше – дешевые кольца, где государство присутствовало в виде камер, штрафов, рекламных лозунгов и редких карательных рейдов. Там люди находились в лимбе между лифтами, пищевыми принтерами,

коммунальными капсулами и нелегальными рынками.

Так транспортные кольца постепенно превращались в социальные. География ушла на третье место, и теперь каждый новый виток гигалописа означал цену жизни его обитателей. Внутри первых колец воздух регулярно фильтровали, улицы мыли лавандовым мылом, дроны из благородных металлов реагировали на каждый чих уважаемых граждан, а скорая помощь приезжала до того, как пациент успевал осознать собственную смертность. На внешних же кольцах люди могли неделями жить рядом с трупом в соседнем блоке и рекламным экраном на двери в жилище, который продолжал бодро обещать им светлое будущее по федеральной программе городского благополучия.

Возьми передышку хотя бы на месяц, я не хочу через пару лет убирать дерьмо из-под тебя три раза в день. Видеть, как мой единственный близкий друг превращается в овощ, – слишком банальная драма, к которой я еще не готов, – вдруг нарушил тишину Шоу.

Обработаем Чековского и, возможно, правда уйду на вынужденный больничный...

Я проконтролирую... – хмыкнул Андрэ. – Слушай, ты посмотри, как тянет вдалеке, чувствую, дождь аж до завтра продлится.

Засрали планету по самые гланды, так мало было, теперь еще и в космос гадим.

М-да, и с каждым днем все хуже и хуже.

Мне дед рассказывал, что в молодости он приезжал в Москву и рядом с этим проклятым городом были горнолыжные курорты. Представляешь, люди раньше катались по натуральному снегу прям в этих широтах, а сейчас половина федерации ушла под воду, дождей в четыре раза больше стало за последние 50 лет. – Кори потянулся за «Гармонией». – Черт, нет, надо сокращать дозы, – через силу сказал он и крепко схватился за руль двумя руками.

Дева Мария, куда же мы движемся. Просто растем назло самим себе и дьяволу на радость.

Все это философия для головоногих задротов, Андрэ... Когда живешь как мы с тобой, времени на лирику быть не может. И это мы еще с тобой в «Госводороде» работаем! Каждый раз выхожу из подъезда в нашем гетто и перестаю понимать, о каких ужасах говорят эти сраные историки, когда рассказывают про Средневековье и чуму. Вот они, настоящие кошмары гигаполисов! Вот! Видишь?! – Кори показал на какую-то уродливую мегабашню вдалеке. – Нам по федеральному каналу буквально рекламируют нейросупрессанты, чтобы потом втридорога лечить от последствий их употребления, потому что лечение зависимостей в страховку не входит. Сука! Да ты посмотри! Вон же написано крупным шрифтом на здании!

На гигантской поверхности фасада, обернутого в рекламный экран, переливался лозунг в стиле соцреализма: «Твоя свобода – в балансе нейрохимии!» Под ним, мелькали

тизеры страховок и цен на аугментации.

Вот тебе и контроль рождаемости: убивайте себя сами, на-
рики, мы с вас еще денег сверху возьмем! – сказал Кори, за-
думался на несколько секунд, затем схватил ингалятор «Гар-
мония № 3», открыл окно и швырнул его на дорогу.

Дональд, блять, ты че творишь?! Ты штраф хочешь и на
камерах спалиться, что мы, как два идиота, едем ломать
вышку?! – приподнялся с сиденья Андрэ. – Внимания лиш-
него захотелось? Хватит дергаться, угомонись! Не первый
раз на дело едем... – прорычал Шоу и со злостью тыкнул
пальцем в какую-то кнопку на экране «Электры».

Ну хоть щас не ной, боже... Ничего не будет, здесь уча-
сток не просматривается, – безнадежно ответил Кори и сно-
ва включил новостной канал на экране машины.

– Вы слушаете «Момент FM», в эфире Анастасия Рубен,
а это значит, что в столице 20 часов 20 минут и мы начина-
ем «Разбор полетов», – раздался голос диктора. Шоу махнул
рукой, демонстративно закатил зрачки глазных имплантов
ближе к мозгу и уставился в окно.

По радио в очередной раз предупредили о надвигающей-
ся угрозе торгового и военного противостояния Российской
Федерации и Западно-Китайской Империи. Отметили, что
занять пост нового мэра Москвы в 2110 году больше все-
го шансов у председателя совета директоров и СЕО «Госво-
дорода» Чековского Владимира Освальдовича. Рассказали
криминальную сводку, будто она кого-то еще волнует...

Напоследок позвали вшивого эксперта из «университета» за восьмым кольцом Москвы, который назвал канувшие в Лету США «империей чертей», поплатившихся своим затоплением и экономическим крахом за грехи двадцать первого века.

Вааау, вот это аналитика, ахуеть можно, – не сдержался Шоу. – Вставьте обязательно рекламу «Солдатика» после этого интервью, а то на лозунги без колес уже насухую не встает.

Ну а в чем он не прав? Ты забыл, как нас в 99-м просто выкинули из New HI на свалку? Мы мало с тобой инфы от азиатов приносили в эту проклятую контору? Нас выставили за дверь, и ни один сраный американский штат даже не попытался одобрить заявку на вступление в программу переселения высококвалифицированных спецов на обитаемые территории, – с какой-то несвойственной тоской о прошлом прокомментировал Кори.

Я и не говорю, что наша с тобой любимая страна сделала все, чтобы не самоуничтожиться. Возвращаться обратно в Атланту или Денвер мне тоже не хочется... Целые 100 лет звучала зеленая повестка, Китай дышал в спину буквально во всех отраслях, но великий Белый дом не придумал ничего лучше, чем в очередной раз провести количественные смягчения, устроить войну в Африке, а потом уже не вылезти из этой горы корпоративных долгов и стагфляции!

Ну так и в чем тогда этот хер неправ? – спросил Кори и

уперся головой о левую руку, одним глазом следя за автопилотом машины.

Он, может быть, и прав, но слышать эту дичь каждый день невыносимо. Что изменится в нашей жизни от того, что нам в очередной раз об этом напомнят? М?!

Просто... У меня складывается ощущение, что я вообще не должен был родиться в 2072 году. Вся, сука, жизнь, блять, через жопу прошла... Столько усилий улетело в трубу: частная школа, соревнования, Мичиган, постоянные собеседования, New HI – и все это для того, чтобы трущобы в стране, которая некогда была идеологическим врагом, стали мне домом, блять?! Да вы издеваетесь? Теперь я пытаюсь заработать на лучшую жизнь, фабрикуя компромат на своего же начальника – многоуважаемого отца-основателя рода людского и спасителя во плоти, солнцеликого Владимира Освальдовича Чековского... А все почему? Потому что зарплаты в «Госводороде» не хватает даже на две недели. Я просто заебался, Андрэ... Просто заебался... – закончил Кори и принялся тереть ладонью лоб.

Нермано, мы еще ничего не сфабриковали и с таким боевым духом рискуем вообще поставить всю операцию под угрозу. Накосячим с данными, и твой же Департамент собственной безопасности отправит наши с тобой туши на благо развития науки в какой-нибудь подвал «РКС». Давай просто выполним свою часть сделки, а завтра спокойно встретимся с Еленой и будем молиться, чтобы все получилось, – выда-

вил из себя Шоу и всем видом показал, что не готов продолжать диалог.

Кори выслушал наставление от друга, затем автоматически потянулся к полке, где лежала «Гармония», сжал кулак от боли утраты ценного ресурса и от безвыходности вдавил педаль газа.

Черный автомобиль въехал в центр города. Несмотря на ливень, жизнь здесь казалась карикатурной гиперболой светлого будущего. Начисто вымытые фасады жилых домов и офисных зданий сменялись бесконечным потоком дорогих машин, сервисных ботов и брендовых бутиков.

Возникало ощущение, что все тут сделано из другой материи, особенно на контрасте с мрачными видами башен южных районов. В воздухе царил дух процветания, он никуда не исчезал и словно собирался остаться тут навечно. Самым главным в этой картине было то, что в окнах ресторанов и кафе с органической кухней виднелись улыбающиеся люди, – зрелище, которое на окраинах этого же города можно увидеть только в наркопритонах и рекламе.

Для человека, который первый раз ехал в Москву, двигаясь по Второй автомобильной артерии, фраза «Москва – град-дихотомия: и на холме, и помойка» становилась все более ясной. Казалось бы, как два противоположных мира могут уживаться вместе, не имея при этом никаких административных границ?

К 2109 году благодаря программе «Двенадцать колец

Москвы» в гигаполисе с населением больше 80 миллионов человек и площадью около 50 тысяч квадратных километров появились «зоны благополучия». Стоимость аренды недвижимости росла в геометрической прогрессии. Законодательно утвержденной. Отношение цены квадратного метра в самом дорогом квартале к цене в самом дешевом достигало 600:1. Взамен правительство пропорционально увеличивало расходы на охрану правопорядка и всевозможные блага.

По крайней мере, так утверждалось в официальных источниках и федеральных СМИ, в реальности же фантастическая часть выделенных средств магическим образом испарялась по пути к своей конечной цели расходования. Тем не менее разница в уровне жизни в разных «зонах благополучия» была более чем очевидна. Так называемый в верхнем мире «донный планктон» просто не мог позволить себе чашку кофе в ресторане на Арбате, конечно, если только не хотел после этого пожить на улице неделю-другую. Потому и делать глубинным обитателям в центре на досуге было нечего. Вместо этого приходилось каждый день давиться питательной массой со вкусом карбонары прямиком из пищевого принтера, сидя у себя в башне на 83-м этаже. Кстати говоря, органическая еда перестала иметь какой-либо экономический и диетологический смысл, превратившись в предмет роскоши и престижа.

Политические перспективы социального равенства уже давно были мертвее мертвого, казались смешной и сюрреа-

листической теорией из прошлого.

В 19:35 черный автомобиль подъехал к искомому месту. Ливень не стихал, из окна машины виднелась вывеска продовольственного магазина «Ананасик». В 30 метрах стояла вышка маршрутизации и контроля зон благополучия (ВМКЗБ), она же «светильник» на уличном сленге. По ее душу-то Кори с Андрэ и приехали.

Эти вышки выполняли сразу несколько функций. Помимо наружного наблюдения они соединялись со всеми устройствами в радиусе своего действия для отслеживания местонахождения в заданном районе населения, автомобилей, ботов и прочих органических и не совсем обитателей Москвы. Оптимизировали транспортные потоки на улицах, извещали специальные службы в случае возникновения происшествий, а также иногда использовались как фонарные столбы или громкоговорители. Кроме того, ВМКЗБ подключали к общей сети искусственного интеллекта «Спокойная Москва» для отслеживания уровня безопасности гигаполиса.

В центральных районах города ВМКЗБ изготавливались в формате различных скульптурных сооружений: и красота, и тотальный контроль. Ироничное название «светильник» банально появилось из-за того, что по вечерам на них включалось искусственное освещение.

В реальности же ВМКЗБ нормально работали только в пределах Пятого кольца. Ближе к «адским» кольцам то пере-

ставал работать сетевой доступ, то разбивали камеру, то выкорчевывали процессор местные хулиганы, то организованные преступные группировки вступую их вырубали, чтобы не мешали.

А-на-на-сик... что это, блять, вообще? – Кори с презрением посмотрел на вывеску магазина.

Хреновина такая желтая, вкусная. Вроде его раньше много было. А может, и не его. Не знаю, неважно... Ладно, я захожу. Через две минуты начну гадить в эфир, готовься, – быстро сказал Шоу, зачем-то задержал дыхание, предвкушая мокрую прогулку, а затем вышел из машины и скрылся под дождем по направлению к магазину.

Какая еще нахер желтая хреновина?... Эти «светильники», блять, еще в форме фаллических памятников! Вы бы в своем божественном мире ушки, как у зайчиков, полицейским дроидам выдавали, чтобы не тревожить ранимую элиту. Сука! – продолжил Кори диалог с самим собой.

Не мешкая ни секунды, он достал из сумки на заднем сиденье еще один компьютер и, запустив операционную систему, начал фильтровать весь поступающий на вышку трафик. Мозговые импланты, полученные еще во время работы в New HI, с легкостью помогали переваривать огромные потоки информации, подключившись напрямую к процессору компьютера. Через несколько минут Кори распознал исходящий спам из «Ананасика» и приступил к упаковке вредоносного ПО в пакеты данных.

Тем временем Шоу пытался сделать вид, что органические продукты на полках ему по карману. Пошатавшись между стеллажей минут десять, прихватив с собой упаковку натурального кофе и, собственно, ананас, он двинулся к выходу. Выйдя за дверь, мужчина получил сообщение. Со счета списалась впечатляющая для двух товаров сумма. «Сколько?! Puta madre, да я почти неделю могу есть на эти деньги», – подумал Шоу и побежал к машине.

Ну как? Проскочили? – Запыхавшись и вытирая с лица капли дождя, Шоу открыл дверцу автомобиля.

Да! Отправлено! Твою мать, ключи и правда сработали, первый раз вижу, чтобы центральную вышку кто-то смог хакнуть! Я прям рад! – запинаясь, как ребенок, которому только что вручили новую игрушку, ответил Кори.

Отлично. – Шоу прыгнул в «Электру». – На вот, держи свой ананасик. Колючий, сука... Тридцать тысяч токенов за него и двадцать тысяч за натуральный кофе. Сматываемся отсюда поскорее, – скупно выдавил из себя Шоу.

Ебануться... Ты думаешь... Думаешь, Елена компенсирует расходы? – дрожащим голосом спросил хакер.

Компенсирует, никуда не денется. А ты че?.. Выглядишь не очень. Сильно по голове шарахнуло?

Да... У меня все мозги вспотели от железок, нужно... обновлять импланты, черт... Куда я... Куда я дел «Гармонию»? – понемногу отключаясь, промямлил Кори, и струйка крови поползла из его левой ноздри.

Вылезай, я поведу. У тебя кровь идет носом, – открывая дверь, сказал Шоу.

Он вылез из машины, обежал со стороны капота, открыл водительскую дверь и поднял своего друга как пушинку. Кори стремительно отключался прямо на глазах. Шоу произнес какое-то матерное слово на испанском и быстро перенес приятеля на пассажирское сиденье. Затем огляделся по сторонам, высматривая прохожих, и ломанулся обратно к водительскому месту.

– Держись, я подброшу тебя до дома, там разберемся, – запуская двигатель, торопливо сказал Шоу.

Черная «Электра SC» стала быстро удаляться от «Ана-насика», на повороте промелькнула надпись «ул. Земляной Вал, стр. 121». Старое, но очень шустрое купе скрылось на улицах дихотомичного гигаполиса.

Москва, этим же вечером, позднее

Бронированный лимузин Чековских скользил по центральным улицам Москвы в сопровождении двух внедорожников – один впереди, другой позади. За тонированными стеклами мелькали фонари, логотипы брендов, сервисные боты и дорогие витрины, вымытые дождем до стерильного блеска.

На заднем сиденье рядом с Владимиром Освальдовичем

Чековским сидел его сын – Роберт Владимирович, в неформальной обстановке чаще известный по прозвищу «Чейз». Молодой черноволосый мужчина в безупречном костюме лениво развалился в кресле, но выражение лица выдавало раздражение, которое никакая дорогая обивка салона скрыть не могла.

На экране отца играло видео Евы Юсинь, сестры Чейза.

– Поздравляю всех с кибервторником и приветствую вас – любимых зрителей – на моем канале! Это я, Ева Юсинь, узнали? В сегодняшнем ролике мне не терпится рассказать о прекрасных инновациях в нашей любимой кибериндустрии красоты. Спасибо большому папочке из Тянься Кунчжилунь – лучшей корпорации в мире! Благодаря им я сегодня покажу вам новые лицевые и ногтевые импланты, чтобы вы смогли сиять прям как я хи-хи-хи!..

Отец, зачем ты все еще смотришь ее? После всей той грязи, что вылили на нашу фамилию. После того, как она публично отреклась от тебя. После предательства страны и пропаганды с баррикад врага... В тебе правда остались какие-то чувства? – с тоской произнес сын.

А зачем ТЫ каждый раз спрашиваешь одно и то же, надеясь получить какой-то другой ответ? В ней течет моя кровь, и если это она заставляет ее делать все то, что тебе кажется таким омерзительным, значит, здесь только моя вина и ничья больше. Только вот не тебе учить меня жизни и возвращать праведные чувства. Я не собираюсь в очередной раз читать

тебе лекцию! Сиди молча, – строго ответил худощавый мужчина на вид лет шестидесяти пяти, с густыми зачесанными назад седыми волосами.

В выражении его лица ощущался могильный холод, но исходящий вовсе не от омоложенного многочисленными операциями тела или лица. Сама аура вокруг этой персоны ясно давала понять, что любые формы инакомыслия в его присутствии будут караться моментально и очень жестко. Власть словно невидимыми молниями сворачивалась над его головой.

Я вообще не уверен, что в этой суке осталось хоть что-то человеческое, а тем более твоя кровь. Придушил бы эту тварь своими же руками! – начиная закипать, продолжил диалог молодой человек.

Еще раз повтори-ка, что ты сейчас сказал, – слегка повернув голову, нервно, но медленно спросил мужчина.

Чейз попытался продолжить возмущаться, но инстинкт самосохранения и нежелание получить пощечину от отца опередили желание ляпнуть что-то необдуманное.

В воздухе повисла тишина, в салоне элитного лимузина образовался вакуум. За бронированным стеклом мелькали фонари уличного освещения, логотипы брендов и роскошь, вываливающаяся из всех окон зданий в центре города, словно повидло, присыпанное сахаром. Мужчина нажал на перевернутый треугольничек и продолжил смотреть ролик своей дочери, ориентированный на слабоумных детишек.

Саша, сколько осталось? – вдруг резко, но спокойно спросил старик.

Владимир Освальдович, 23 минуты, 30 секунд. Если пожелаете, я могу включить сирену и ускориться, – как робот ответил водитель.

Не стоит, мы приличные люди и никуда сегодня не опаздываем, – сказал Чековский-старший и снова аккуратно ткнул в перевернутый треугольник.

В салоне все так же ощущался холодный вакуум, перемешанный со звуками дебильных кривляний и рассказами о новых имплантах ногтей Евы Юсинь. Чейз оперся на руку и пялился в окно. «Дроны зачем-то на улице Героев-кибернетиков сосредоточились... Вот проехали «Рибай», а вот и Земляной Вал».

В его голове происходила битва между бесконечным уважением к отцу и искренней ненавистью к сестре, которую он очень хотел утихомирить праздными раздумьями и подсчетом оставшихся позади вышек МКЗБ. Эта битва была настолько ожесточенной, что эфемерный шум, создаваемый ею, ощущал спиной даже Александр, сосредоточенный на аккуратном вождении.

Чейз немного покачивал ногой, вероятно, зона боевых действий между добром и злом в его голове расширилась до нервных окончаний в пятках. Старик досмотрел придурковатый ролик до конца и стал медленно листать комментарии под видео.

Послушай, сын, – вдруг проявив милосердие к Роберту, Чековский-старший свернул телефон и начал разговор, – я хожу по этой земле с начала прошлого века, мне много чего в жизни удалось увидеть и еще большего достичь. Я видел все: и голод, и нищету. Однако единственное, чем я действительно дорожу, – это ты и твоя сестра. Запомни это. Если надо будет пожертвовать ради вас всем, я так и сделаю. Ничего другого по-настоящему более ценного я после себя не смогу оставить. Никакие компании, патенты, власть, корпорации и прочая шелуха не имеют смысла без нее и без тебя. Ты это понимаешь? – строго, но с родительской заботой проговорил Владимир Освальдович.

Да, отец... Мне понятно, – смиренно ответил Чейз.

После того, как она уехала в Западно-Китайскую Империю, превратив в пепел все связывающие нас с ней мосты, я каждый бранный месяц пытался с ней связаться всеми доступными способами... – Владимир Освальдович меланхолично покосился в окно. – И до сего дня продолжаю пытаться. Она не идет ни на какой контакт, а я просто хочу услышать ее голос, спросить, как у нее дела и все ли у нее хорошо. Ты понимаешь, каких простых вещей я желаю? Мне бесконечно больно, что так вышло, и я не перестану продолжать пытаться. Именно поэтому я смотрю эти ролики с рекламой китайских имплантов, чтобы просто увидеть, как она сегодня выглядит и в каком настроении. Черт бы их побрал... – договорил председатель совета директоров «Госводорода».

Чейз ничего не ответил, однако всем своим видом показал, что понимает своего родителя и сочувствует ему. Тем не менее его презрение к сестре из чертогов души никуда не делось и продолжило подбрасывать дрова в костер ненависти.

Ева Юсинь – при рождении Ева Владимировна Чековская. Ее мать – Елизавета Константиновна, ученый в области химии и энергетики, в возрасте почти шестидесяти лет была абсолютно убеждена во всемогуществе медицины 2084 года и всей душой хотела дать жизнь второму ребенку... Впервые естественным способом.

К большому сожалению, последствий естественных родов она не смогла перенести. Трагедия потери любимой жены, которая была рядом на протяжении всего пути мужа от обычного сотрудника «НИИ Водородной энергетики РАН» до руководителя крупнейшей госкорпорации мира XXI века, ударила по Чековскому-старшему, вбив последний гвоздь в уже и без того черствое сердце.

Как и все младшие дети в более чем обеспеченных семьях, Ева была окружена всеми доступными в этом мире благами. Не отказывая своей маленькой дочурке ни в чем, Владимир Освальдович видел своей целью воспитать счастливого и умного ребенка.

Отцу семейства, очевидно, было понятно, как обустроить жизнь Евы и какое место в современной России смогла бы она занять, когда подрастет. Лучшая школа «Лицей Лидерства», лучшие педагоги с международными сертификатами,

лучшие спортивные кружки, самые дорогие шмотки и туристические поездки. Принцесса росла и развивалась, как в золотой клетке. Тем не менее от характера не избавишься, а свои гены из цепочки ДНК чада не выкорчуеть...

Было ли это нужно маленькой девочке? Может быть, ей просто хотелось общаться с подружками из социальных слоев пониже и обсуждать долго взрослеющих мальчиков? Настала пора поступать в университет, и, конечно же, этим заведением была Высшая Школа России – мировой лидер науки и образования. Стоимость обучения в этом вузе слегка выходила за пределы обозримой доступности для простых смертных родом с Девятого кольца Москвы. Факультет информационных сетей и СМИ как нельзя лучше подходил болтливой Еве. Да и теплое место в Министерстве инфосетей уже ждалось юного дарования.

У девочки после затянувшегося периода созревания и бунтарства оказалось другое мнение относительно подобных перспектив. На первом же курсе она открыла для себя, что, имея вокруг богатую жизнь, можно выставлять ее напоказ и хорошо зарабатывать на этом, ведя свой личный блог. Как бы ни хотелось холодному, но любящему своих детишек Владимиру Освальдовичу этого избежать, подростковая сепарация-таки начала настигать семью Чековских.

Отцу не хватало ни времени, ни сил, ни, вероятно, способности действовать мягче. Управляя такой громадной корпорацией, как «Госводород», довольно сложно уследить да-

же за своим собственным графиком. Что уж говорить о детях. Чековский старался компенсировать малое количество времени, уделяемого дочери, другими вещами – подарками, деньгами, исполнением всех хотелок...

Так благодаря финансируемой отцом рекламе Ева стала «независимым» контент-мейкером. Довольно быстро ей в голову пришли закономерные мысли. «А не слишком ли ты меня достал, папочка, своими нравоучениями и вечными разговорами о том, куда не ходить и с кем не общаться? Это моя жизнь, что хочу – то и делаю!» – примерно такой монолог в молодой и буйной голове Чековской звучал каждый день все чаще и громче.

В конечном счете в роликах популярной блогерши стали проскакивать нотки легкой агрессии в отношении и политического руководства новой России, и ужасов Москвы. Юная Ева ассоциировала гиперопекающую фигуру отца с тиранией и кровавым режимом.

Конечно же, такой сладкий актив, как ангажированная дочка руководителя «Госводорода» и видного государственного деятеля, приглянулся зоркому глазу правительства Западно-Китайской Империи. В один прекрасный момент Еве поступило предложение о сотрудничестве от ведущей мировой корпорации по производству аугментирующих имплантов «Тянься Чаоцзи Кунчжилунь».

После такого юная фанатка кибернетики и трансгуманизма наконец-то поняла, насколько она ценная личность. Не

думая ни о чем другом, она бросила второй курс ВШР и сбежала подальше от папы и тоталитарной России в столицу ЗКИ – Чунцин. Дальше события и личный блог Евы, ныне Юсинь, стали разворачиваться по уже известному сценарию.

Ко вторнику будет готов отчет о деятельности конкурентов. Вкратце, китайцы приступили к разработке новых каталогизаторов. Такое ощущение, что кто-то сливает им информацию чуть ли не прямиком из наших лабораторий. Необходимо, чтобы ты дал указание внутренней безопасности провести расследование, только по-тихому. Такими темпами у нас намечаются большие проблемы уже через год-два, – сменил тему Чейз.

Понятно... Направляй отчет, я подумаю, что будем делать. Кстати, что с французами? Риски оценили?

В процессе. Собрали всю необходимую информацию, ожидаем расчета матмодели, после этого подготовим дорожную карту по входу на рынок.

Вы очень долго возитесь, жду презентацию к пятнице 18 числа. Закрытое слушание в правительстве назначено на 25 октября. Осталось 23 дня, еще минимум день уйдет на подготовку рабочей группы. Хватит тупить, не может считать ИИ, значит, заставляй своих подчиненных сидеть до утра и считать вручную. Давай думай головой уже...

Все понятно, сделаем.

В салоне снова повисла тишина. В этот раз уже без напряжения от недосказанности. Чейз перестал считать «светиль-

ники», а Владимир – читать комментарии под видео своей дочери. Переход на рабочие темы и обсуждение дедлайнов будто бы успокаивали Чейза, отвлекая от мыслей о семье.

Владимир Освальдович, мы подъезжаем ровно через две минуты, – вклинился в удачно образовавшуюся тишину водитель.

Спасибо, Саша, – почти прошептал Чековский.

Кортеж остановился у гостиницы «Триумф», высотного здания, обшито́го черным мрамором, с градиентным стеклом, позолоченными карнизами и всевозможными вензелями. Кажется, в отдельных архитектурных элементах можно было разглядеть синтетические драгоценные камни. Даже прекрасные огни спутников, имитировавших натуральные созвездия московского неба, казалось, чувствовали себя смущенно и растерянно на фоне сего монумента.

В некотором смысле эта «постройка» была гротескной уродливой бородавкой на лице всей обитаемой суши. Смачным плевром в лицо здравому смыслу и экономически целесообразному освоению государственных денежных средств. Никто точно не знал, какова была стоимость железо-мраморного изделия, возможно, даже Господь. Однако множество богатеньких туристов со всего мира приезжало, чтобы просто постоять рядом и ощутить негодование, смешанное с ошеломлением от увиденного. Таким образом «Триумф» каким-то чудом окупался.

Пассажиры вышли из лимузина и направились во дворец.

Не грусти, сынок, сегодня прекрасный вечер, и дальше все будет складываться еще лучше! – приобняв Чейза, Чековский-старший вошел в холл гостиницы.

И никак иначе, – ответил Чейз и запустил в головном мозге программу стимуляции настроения – имплант, регулирующий концентрацию нейромедиаторов, гормонов и прочих биологических соединений.

Владимир Освальдович, Роберт Владимирович, мы рады вновь видеть вас в «Триумфе»! Семья Харис ожидает в VIP-зоне ресторана, комната «Героизм». Желаете ли, чтобы я вас сопровождала? – встретила уважаемых гостей хостес модельной внешности.

Добрый вечер, да, прошу, ведите, – деликатно и в то же время довольно высокомерно ответил Чековский-старший.

Хостес в строгой дорогой форме, соответствующей облику здания, повела мужчин в «Героизм» через отдельный вход для VIP-клиентов.

Ресторан, как полагается в «Триумфе», точно так же пестрил роскошью. Здесь был и фонтан с белым вином вместо воды, и шикарный террариум с краснокнижными варанами, и даже спасенные из утонувших Эрмитажа и Лувра скульптуры. Хостес сопровождала гостей до нужной комнаты и любезно скрылась из виду. Они вошли внутрь.

Владимир! Роберт! Ну здравствуйте-здравствуйте, я и наши леди уже начали немного скучать! – эмоционально встретил Чековских Денис Харис, высокий мужчина со светлыми

волосами, возраст и национальность которого невозможно было определить человеческим глазом.

Элита обменялась приветствиями и рукопожатиями. Пока Владимир Освальдович был окружен вниманием своего друга, Чейз подошел к молодой шатенке и поцеловал ее. Затем чмокнул мадам немного постарше.

Садитесь-садитесь, блюда уже готовы вынести! Вы будете сегодня более чем удивлены, уверяю вас! – продолжил фонтанировать Харис.

А я всегда думал, как же выглядят собрания закулисной элиты, правящей миром? Теперь все стало понятно! – Программа стимуляции настроения Чейза начала работать, подсовывая остроты странного качества для целевой аудитории верхнего мира.

Гости посмеялись, шутка «зашла».

Роби, ты такой смешной! – хихикнула шатенка и прижалась к руке Чейза.

Ну конечно! Не могу же я выдать Эльзу Денисовну Харис замуж меньше, чем за наследника «Госводорода» и сына будущего мэра самого гигантского города на нашей скромной планете! – добавил отец-основатель «РКС». Похоже, он тоже включил с самого начала вечера разработанную им же программу по стимуляции настроения.

Польщен слышать такое из уст вашего светлого гения, Денис Васильевич, – парировал Чековский-старший.

Чейз прислонил ладонь к груди и галантно наклонил го-

лову. «Символ эпохи» щелкнул пальцами, и официанты стали вносить еду. На столе оказались экзотические для 2109 года блюда: гигантские крабы, морские ежи, трюфели, фуа-гра, говядина вагю, настоящий свеженатертый корень васаби и какие-то странные моллюски.

Представляете, эти неприглядного вида ракообразные считаются самым дорогим деликатесом. Я слышала, что бедняки разбиваются о скалы, когда занимаются их выловом! Насмерть! – прокомментировала ситуацию Эльба Харис, мать Эльзы, внешность которой точно так же не поддавалась геронтологическому анализу.

К слову, среди присутствующих с уверенностью можно было сказать только то, что Чейз недавно отпраздновал свои тридцать пять в одном из фешенебельных клубов Нью-Дели. Ну а Эльзе скоро должно было стукнуть 23 года.

Эльба, ты как никогда права, это – персебес, он обитает только на скалах с постоянным прибоем и штормом! По этому поводу я намерен произнести тост: пусть никакие бури, погодные явления и потепления не смогут ни разрушить, ни растопить вашу любовь, дорогие Эльза и Роберт! За вашу помолвку! – громко сказал Харис и заел все это дело многострадальным раком. Все присутствующие похлопали, а молодые люди поцеловались.

Присоединяюсь к сказанному, у вас вся жизнь впереди, а мы с дядей Денисом поможем вам ее обустроить, «Госводород» и «РКС» – вот это династия! – добавил Чековский.

Присутствующие занялись светскими разговорами ни о чем, посмеиваясь и пробуя на вкус экзотику. Время в «Героизме» текло по своим законам китча и лоска.

Доченька, расскажи, ты же уже распланировала, куда вы поедете праздновать помолвку? – с неподдельным любопытством поинтересовалась Эльба.

Дааа! Мы с Робом поедem в тур по затонувшим городам старой Европы! Представляешь, там будет огромный большой корабль, и мы поплывем над подводными столицами. Будем опускаться на глубину в подводной штуке и даже поплаваем там сами! Я, правда, не совсем понимаю, как это далеко от Москвы, но Роби сказал, что мы быстро долетим. Там еще будет остановка у пика этой торчащей штуки из воды, так классно! – чуть ли не пища от радости, Эльза наконец дождалась своей минуты славы за вечер.

Эйфелева башня, – поправил Чейз.

Что-что, любимый? – сбиваясь с мысли, переспросила девушка.

Этот пик, торчащий из воды, – Эйфелева башня. Главная достопримечательность исторической Франции, а подводная штука называется «батискаф», – продолжил обучать свою юную невесту наследник «Госводорода».

Ты такой умный у меня! Я тебя так люблю. – Словно опьяненная, Эльза снова полезла обниматься. – Ну правда, Роби говорит, что он очень занят сейчас на работе и мы сможем поехать только в ноябре, но ничего, я жду!

Роберту нужно доделать кое-что очень важное, что он должен был сделать еще в конце сентября. Эльзочка, ты не волнуйся, я его потороплю, – вставил свою ремарку Чековский-старший.

Ха-ха-ха, Владимир, ну ты прям совсем своего сынулю не щадишь. Сразу видно, что школа менеджмента в «Госводороде» не обеднеет с твоим уходом. Возможно, даже засияет новыми красками! – попытался сменить тему Денис Васильевич.

Строгий у тебя папа, зайка. Ну ты тоже у нас мужчина что надо, слышала, что своим подчиненным спуску не даешь! – по-своему встала на сторону Чейза Эльба.

Н-да, чувствую, нужно будет провести очередное собрание касательно сохранения корпоративной тайны и неразглашения условий труда. Ничего, виноватых мы найдем и заставим работать в два раза больше, – сострил Чейз, которому уже порядком поднадоело выдавливать из себя светскую улыбочку.

Ну, выпьем же за будущее поколение! – Программа по улучшению настроения в полностью аугментированном теле Хариса работала явно эффективнее.

Денис, скажи, а каково это есть самый дорогой в мире деликатес, если у тебя нет настоящего желудка? – спросил Чековский-старший.

Очень просто! Самое главное в еде – это вкус! Ну а после очистки импланта, возможно, отходы перерабатываются

в пищевую массу со вкусом карбонары для донного планктона из гетто. Ха-ха-ха-ха! – пошутил Харис, тело которого практически полностью состояло из искусственных материалов.

Все посмеялись над циничной шуткой «символа эпохи». Чековский-старший оценил иронию, понимая, что это не совсем правда. Эльба в очередной раз ощутила свою элитарность на фоне остальной челяди. Чейз находил нечто прекрасное в своем понимании черного юмора. Эльзочка была отвлечена разглядыванием персебеса, но, услышав смех остальных, не смогла не присоединиться к хохоту за компанию.

Ты мне лучше ответь, как себя чувствует 106-летний мужчина, который пудрит мозги молодым дамам, заявляя, что ему всего-навсего 50 вчера стукнуло, – пошел в контратаку Харис.

Доживешь до моих лет, может быть, расскажу секрет, – вроде бы по-доброму, а вроде бы и как всегда закончил разговор Чековский.

Время в «Героизме» растворялось в кулинарных чудесах на столе и светских разговорах мировой элиты. Вечер продолжался в своем ритме, приправленном пищевым золотом и презрением к обыденности.

Москва, в это же время

Эй, hermano! Кори! Черт побери, Кори, очнись! Ты весь мокрый! – Поставив машину на автопилот, Шоу попытался разбудить своего боевого товарища.

Ааааа... бля-я-ять, экхе-экхе, у меня в глазах двоится... сраная вышка, слишком большой объем прогнал через башку, железки уже устарели для этого дерьма, видимо, сильно нагрелись. Скотина... – очнувшись и чуть ли не умирая, промямлил хакер.

Gracias a Dios, не откинулся, – с облегчением сказал Шоу.

Нейроинтерфейс показывает, что вероятность каскадного коллапса мозговой ткани через 30 минут будет 63%. Андрэ, мне страшно, галлюцинации, кажется, начинаются, – дрожащим голосом прохрипел Кори.

Что делать?! Черт, ты весь бледный!

Нужна внутриглазная инъекция стабилизаторов, пожалуйста, довези меня домой... – опять отключаясь, прошептал Кори.

Держись, cabrón, я гоню!!!

Мощный водородный движок черной «Электры SC» начал крутить колеса, как в последний раз. Шоу выжимал из машины всю ее экологически чистую душу.

Ливень даже не думал останавливаться. На горизонте замаячили жилые башни Восьмого кольца Москвы. Лишь только грохот капель дождя о лобовое стекло на скорости почти 310 км/ч нарушал тишину в салоне. Тем не менее ав-

топилот и ИИ-сканирование дорожного полотна позволяли «Электре» ехать с такой скоростью в ливень.

С момента последнего разговора прошло уже 20 минут, Кори стал еще бледнее и был весь мокрый от пота. Его состояние, по всей видимости, точно не улучшалось.

Шоу прекрасно понимал, что сверхнагрузка давно устаревшего железа в рыжей голове его товарища может грозить вполне себе летальным исходом. Вшитые в голову Дональда путем трепанации черепа биопроцессоры, предназначенные для потокового анализа данных, скоро собирались отпраздновать свое двенадцатилетие. Надо ли говорить, что железо нужно было обновить, не дожидаясь истечения гарантийного срока изделия.

Капли ливня все так же продолжали долбить по стеклу, а уже 37% шанса выжить без стороннего вмешательства были явно не на стороне Кори.

Мапо, мы на месте, осталось немного, где лежат ампулы?! – вылетая из машины и продумывая каждую следующую секунду, крикнул Шоу.

Ш-ш-каф... над принтером... пер... первая полка... – из последних сил пролепетал Кори, находясь практически в бессознательном состоянии.

Шоу мигом вытащил товарища из салона, подхватил на руки, рванул к подъезду башни и ворвался в помещение. Пробираясь через разбросанный мусор и развалившихся бе-долаг, Андрэ добежал до лифтов. К большой удаче один из

них уже находился на первом этаже.

Добравшись до квартиры, он осторожно опустил больного на кухонный диван, нащупал ампулы и автоматическое устройство для интравитреальных инъекций и приступил к операции. «IES h273F» присосалось к голове пациента, обеззаразило ткани и ввело химический состав в мозг через оба зрачка.

Закончив процедуру, Шоу наконец-то нашел время, чтобы зажечь сигарету. Из окна на 91-м этаже виднелись уходящие за горизонт просторы ночного гигаполиса. Страшно было представить, сколько еще человек сегодня ночью борются за жизнь в этом урбанистическом монстре. Прошел час, ушла треть пачки KrasTabaco и опустели четыре бутылки мексиканского синтетического пива, прежде чем Кори открыл глаза.

В следующий раз я тебя сам прибью, hermano, я чуть не поседел, пока ждал, когда ты очухаешься, – заметив у своего товарища первые признаки жизни, с облегчением и слегка под градусом сказал Шоу. Однако мысли Дональда пока что не хотели оформляться в слова, он просто мычал и тяжело дышал.

Пока не обновим твою чудесную черепушку, я запрещаю тебе нагружать синапсы в таких масштабах, ты чуть не сдох, amigo!

А... Блять... Как я люблю это чувство, когда в глазах пелена и ты че-то пиздишь, – отходя от операции, прокряхтел

Кори.

В квартире стало на одну живую душу больше и возникло ощущение, что только что произошло чудо. Шоу поднес наполовину пустую бутылку ко рту и допил ее залпом, затем глубоко затянулся сигаретой и развалился на стуле.

Да кто ж знал, что там такой объем данных придется считать, у меня плашки 2097 года стоят... Странно, что у меня до сих пор мозг не поджарился. Твою мать... Голова просто раскалывается. А-а-а-а... К-хэ... К-хэ! Андрэ... Кинь мне, пожалуйста, ингалятор... Там в шкафу, – немного оживая, продолжил Кори, указывая на ящик с баллончиком «Гармонии».

А ты уверен, что у тебя там фонарики в голове не потухнут насовсем, если ты смешаешь всю эту херню вместе? Как в Эмпайр-стейт-билдинге, блять, во время блэкаута 81-го года, – с опаской спросил Шоу.

Дай ее нахуй сюда! Не в первый раз! Попускаю слюни, отлежусь, завтра буду как всегда. – Начал заводиться Кори.

Мудакom? – хмыкнул Шоу и кинул своему «hermano» ингалятор.

Ой, иди-ка ты нахер, – сказал хакер и затянулся «Гармонией».

На кухне стало спокойно, будто бы ничего и не произошло. Шоу встал со стула и направился к холодильнику за очередной бутылочкой мексиканского.

Эй, Андрэ... – шепотом начал Кори. – Спасибо, что в оче-

редной раз спас мне жизнь, – договорил он и вдохнул еще одну дозу «Гармонии».

Обращайся, мапо. – Тот открыл бутылку. – Эх, друг мой... Как мы вообще докатились до такой жизни? Я ведь когда-то целым заместителем начальника в серьезной конторе был... Амбиции были... Цели какие-то... А сейчас мы тут. На Восьмом кольце ада. Занимаемся бандитизмом. – Андрэ подошел к окну и вгляделся, высматривая что-то на улицах и проезжающих автомобилях.

Не знаю, друг. Я уже давно забыл момент... Да и не помнил, когда кто-то взял и спиздил все наши надежды и мечты. – Кори сделал еще одну затяжку. – Они... Они, наверное, утонули вместе с нами. Мы просто в раю, дружище... Не помним, как нас не стало, – договорил он и отключился.

Шоу радовался, что его друг, вероятно, имеет хороший шанс завтра все-таки проснуться, затем развернул телефон и начал набирать сообщение. «Мы все сделали. Назначай время и место», – отправил текст мексиканец.

Андрэ затянулся сигаретой до самых краев легких. Кажется, это был первый раз, когда он смог успокоиться и расслабиться, насладившись ярким вкусом горечи.

В окне чата отобразилось: «Helena is typing...». На мгновение Шоу не смог выбрать, какая из двух противоположных мыслей ему больше по душе: хотелось ли ему еще немного остаться в этой квартире и допить пятую бутылку мексиканского синтпива или же приступить к очередному этапу опе-

рации. В любом случае точка невозврата была пройдена еще во время выхода из «Ананасика». Обратного пути нет, а значит, дальше остается только выжать максимум из сложившейся ситуации. Елена ответила: «Через 30 мин. Там же».

Put a madre, какая беспокойная... Кори, Елена назначила встречу через 30 минут, я возьму твою машину... А... Ты совсем в отключке, – сказал Шоу в пустоту, затем подошел к товарищу, проверил дыхание, пульс и температуру.

«Спит. Хорошо. Оставлю записку», – подумал он. Нацарапал на бумажке «Елена назначила встречу этой ночью, я взял тачку» и приклеил ее ко лбу отключившегося хакера. Затем взял ключ-карту от «Электры» и вышел из квартиры. В подъезде валялись все те же бедолаги.

Вообще, на окраинах Москвы бомжей было достаточно, причем только начиная с Седьмого кольца. Конечно же, ведь если прилечь поспать на лавочке в центре мегаполиса, то вскоре можно обнаружить себя в лучшем случае в обезьяннике на удалении 250 км от центра. Потом придется работать за еду по 12 часов в день на каком-нибудь карьере в Сибири. Это в лучшем случае. В худшем – можно оказаться на хирургическом столе черных трансплантологов, которых крышуют уважаемые люди из верхнего мира. Анестезия для «доноров поневоле» в издержки данного бизнеса, разумеется, не входит. Именно поэтому никто беспризорников на мороз и не выгоняет – не сильно хочется брать грех на душу во время очередного рейда на бездомных.

Шоу залез в купе, запустил двигатель, включил режим автопилота для нетрезвого водителя и двинулся на уличную парковку находящегося рядом ТЦ «Счастливое кольцо».

«Madre mía, какой кретин додумался до такого названия?» – решил поговорить он сам с собой.

Автопилот «Электры» довольно быстро довез Шоу до места назначения, припарковавшись подальше от уличных фонарей. Машина Елены уже стояла рядом с включенными фарами. Андрэ вылез из купе и двинулся в ее сторону.

Блондинка лет тридцати, ухоженной, но специфической внешности, довольно высокого роста, одетая в дорогую одежду, стояла, прислонившись к двери, и курила.

«Хорошо бы эта змея не задавала слишком много ненужных вопросов, излишние объяснения сегодняшнего эксцесса ни мне, ни Кори очков не добавят. Зная ее методы, я просто уверен, что она начнет выкручивать нам яйца и торговаться по гонорару, если узнает, что пришлось немного отойти от плана», – подумал Андрэ. История взаимодействий с этой женщиной всегда была с привкусом гадости на языке и ощущением, что тебя обвели вокруг пальца. Тем не менее, пусть общаться с ней приходилось нечасто, но дополнительный доход это приносило ощутимый.

Привет, – подойдя на расстояние двух метров, спокойно поздоровался Шоу.

Ты опоздал, и, кстати, где твой дружок? – сухо ответила на приветствие Елена.

Остался дома.

Я рассчитывала поговорить с вами обоими, вообще-то!

Какая тебе разница? Работу мы выполнили, говорить с тобой буду я один, этого достаточно.

У-у-ух ты... Большой и сильный мальчик начал злиться, не успев толком поздороваться. Не ругайся, мне надо знать, куда спрятался наш маленький Дональд, – вдруг игриво и едко продолжила диалог Елена.

Я тебе еще раз повторяю: он устал, остался дома.

Андрэ, либо ты говоришь все как есть, либо перестаешь мне ебать мозги, и я ищу другого исполнителя, твою работу буду считать невыполненной.

Он слегка переутомился после взлома «светильника». Остался откисать дома, в отключке до завтра...

Бедняжка... Понятно, переутомился... И кто тогда будет доделывать вторую часть операции, ты подумал, крепыш? Кто теперь будет ломать внутренний контур безопасности Чековского? – Собеседница Шоу явно заподозрила неладное.

Он и будет. Завтра проснется и начнет. С червем в системе он сделает все за несколько часов. Он в порядке, – сам себя обнадеживая, произнес Андрэ. – К слову, что с оплатой, Елена? Ты же додумалась взять с собой наличные, если уж решила тащить меня на эту помойку посреди ночи?

Не гони коней, дружок. Рассказывай, как все прошло, – строго парировала женщина.

Все нормально прошло, – отрезал громила. – Свою часть мы сделали, что ты хочешь услышать еще?!

Я хочу услышать правду, Андрэ. Если бы все прошло, как ты говоришь, «нормально», то рядом с тобой сейчас здесь стоял бы маленький талантливый Дональд, которому не составило бы труда при «нормальном» раскладе ломануть вышку с подготовленным заранее скриптом. Стоял и пытался бы делать важный вид, как это обычно бывает, но я говорю только с тобой и его рядом не созерцаю. Но ты говоришь, что он «устал»? Перенапрягся? Так что же у вас там случилось, твою мать? Что с Дональдом?! Будь любезен, не ври мне!

Ох... ¿Qué hice para merecer esto? Перед самым выходом я получил сообщение о перестановке планов патрулирования от нашего источника в Московской управе, пришлось немного импровизировать, – нехотя начал выкладывать Шоу.

Стоп-стоп-стоп, какая еще нахер импровизация, что вы там натворили?! – опешила блондинка.

Dios mío, Helena, тебе обязательно знать все в самых до-тошных подробностях? Может, ты потом еще стенограмму нашей встречи составишь? – Андрэ начал слегка раздражаться.

Ты решил поиграть со мной в угадайку или мы все же обсудим вашу работу, за которую тебе так не терпится получить компенсацию? Но, может быть, тебе нравится просто тут стоять и прохлаждаться в моей компании? Сочту за ком-

плимент, только суть вашей «импровизации» тебе все равно придется рассказать.

Атмосфера постепенно накалялась. Складывалось ощущение, что между этими двумя сейчас образуется электрический разряд.

Улицу Героев-кибернетиков оцепили дронами из-за завтрашних пиздоплясок ФИИЧ! Чтобы сохранить конспирацию, нам пришлось перенести точку взлома. Ничего необычного, все, как всегда, пошло не совсем по плану, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Кори после взлома шархнуло от всей души, сделал ему глазную операцию, чтобы мозговой коллапс не словил, – пытаюсь сдерживать нахлынувший гнев, пояснил Андрэ.

На лице Елены отразилось неподдельное удивление и недовольство.

Чего?! А какого хуя я об этом узнаю только сейчас?! Кто вам вообще разрешил менять точку взлома?! Ты вообще понимаешь, че вы натворили?!!

У нас был какой-то выбор?! Единственное доступное окно было сегодня, а дальше, возможно, его бы вообще никогда не появилось. Мне нужно было принять решение все отменить?

Кто из нас троих специалист в таких вещах? Или знаменитый отдел отраслевой стратегии New HI – это просто пшик в твоём послужном списке?! Ты же, мать его, бывший заместитель начальника отдела корпоративного шпионажа! Ты не мог придумать что-нибудь еще?!!

Что я должен был, блять, еще придумать?! Каким же образом мы должны были тебе сообщить: позвонить по телефону и подставить под угрозу всю операцию?! Или, может быть, доехать до твоего дворца на Четвертом кольце, постучать в дверь и сказать: «Ой, Елена, прости, пожалуйста, но мы уже опоздали, кортеж проехал мимо, пока мы до тебя добирались»?! – Андрэ рефлексивно сжал кулаки и сделал шаг вперед, на мгновение проскочила мысль впечатать голову Елены в стоящий впереди автомобиль.

Тише-тише, громила, ты же не хочешь надеть глупостей понапрасну? – почуяв угрозу здоровью, быстро отреагировала блондинка, затем выпрямилась и поправила волосы. – Вышку, которую изначально нужно было взламывать, местная префектура не удосуживается обновить ее уже полгода, на ней дырявая защита. Программка, которую я вам так любезно предоставила, была написана специально под нее, – глядя собеседнику прямо в глаза, спокойно проговорила Елена, не отступив ни на сантиметр.

Сука, а ты не могла сказать об этом сразу, тогда, может быть, моему другу не пришлось бы бороться за жизнь, а мне колоть ему в глаза ебучие стабилизаторы?! А я-то думаю, почему же Кори так шандарахнуло, оказывается, он вообще не должен был суметь ее взломать. – Гнев, редко присущий Шоу, начал превращаться в красную пелену перед глазами.

Т-с-с, Андрэ, выдыхаем! Выдавать вам лишние детали – это риск, ты же должен разбираться в таких вещах. – Еле-

на оперлась на свою машину и скрестила руки на груди, откровенно демонстрируя бесстрашие. — Теперь самый главный вопрос, наступит ли нам всем пиздец, если твой дружок хоть что-то упустил из потока данных, — договорила она и закурила.

В его профессиональных навыках я не сомневаюсь, чего не могу сказать о твоих. Мы свою часть работы по первому этапу выполнили и ждем оплаты, но если ты и дальше собираешься держать нас в неведении в вопросах, от которых зависит наша жизнь, то мы выходим из игры. Только вот деньги я из тебя достану, поверь мне. Не думай, что, если нам грозит 15 лет тюрьмы после взлома системы безопасности Москвы, я буду сидеть смирно, когда ты решишь нас слить. Уйдешь на дно вместе с нами. — Андрэ был убедителен и грозен как никогда.

Елена сделала затяжку, посмотрела вниз, затем куда-то вдаль. Шоу машинально потянулся за почти пустой пачкой KrasTabaco и закурил. Около минуты оба стояли молча и пытались собрать мысли в одну кучу.

Отдышался? Я подумала... Тебе, кстати, тоже советую, прежде чем в следующий раз начнешь мне угрожать. — Она оттолкнулась от дверцы машины и резко повернула голову в сторону.

Какая-то колымага с орущей из салона музыкой проехала по парковке, внутри сидело человек семь и все в экзальтированном состоянии. Этот город не спал никогда.

Ладно, – продолжила она, – к делу: если бы что-то пошло не так, то через две минуты полиция положила бы вас лицом на асфальт. Поэтому... Взлом, вероятно, либо был успешен, либо Дональд обосрался, но этого никто не заметил. В любом случае, получилось или нет, мы узнаем через неделю, нам нужно замылить сегодняшние художества, чтобы аналитики собственной безопасности «Госводорода» не подвязали загрузку червя к вашей сегодняшней самодеятельности в центре города. Скажи Дональду, чтобы не рыпался завтра, сидим, ждем, – ласковым тоном продолжила диалог Елена.

А ты не боишься, что водила Чековского заедет помыть машинку, а заодно решит обновить прошивочку? А там и аля-улю червь, ошибка удалена, – успокоившись, но не изменив своего настроя к собеседнице, спросил Шоу.

Не боюсь, – коротко ответила Елена и затянулась.

Может быть, пояснишь, блять?!

Не поясню, это небезопасно. – Елена выдохнула дым.

Если это выльется во что-то похожее на то... – не успел закончить реплику Андрэ.

Не выльется. Слушай, а ты всегда такой пугливый? Эта часть вас не касается и думать тут не о чем, тема закрыта. Он не удалит червя. Невозможно, – перебила Елена.

Шоу оставил это без комментариев, но на лице его отразилось недовольство. Он медленно выдохнул весь воздух из легких.

Хорошо... Сахарок, давай рассчитывать, садись в тач-

ку, – открыв дверь своей машины и игриво качнув головой, сказала Елена.

Шоу сделал последнюю затяжку и бросил бычок на землю, затем обошел белый люксовый автомобиль и нехотя сел на пассажирское сиденье. Блондинка достала деньги и всунула в счетную машинку – почти реликтовое устройство, которое использовали разве что крупные воротилы на Серпуховском рынке.

Держи, тут ваша доля, еще сверху от меня подарочек твоему дружку за высокий адреналин и будущее лечение. Чувствую, кое-кому придется менять плашки в мозгу. Считай это моим вложением в наш общий успех, – Елена отдала Шоу впечатляющую пачку купюр, перетянутую резинкой.

Накинь еще пятьдесят тысяч сверху, нам пришлось поиздержаться у вышки, – холодно прокомментировал Шоу.

Ах... Не тревожься, тут больше, чем ты думаешь. Хах, ну ладно, разве я могу отказать такому мужчине? – сказала блондинка, недвусмысленно подмигнула, а затем отделила еще несколько купюр и вручила Андрэ.

Окей. – Шоу взял деньги и заметно успокоился. – Единственный твой добрый поступок на сегодня, я запомнил его... Кори скажет спасибо.

Ха-ха-ха, ты зря считаешь меня ведьмой. Может быть, когда-нибудь мне удастся тебя переубедить. Ладно, поболтали и хватит, я свяжусь с тобой, когда придет пора действовать. Пока следуйте плану. Чао, крепыш, – опять игриво съязвила

Елена, затем потянулась через сидевшего рядом Шоу и толкнула дверь с его стороны.

Шоу не ответил на прощание, молча вылез наружу и двинулся в сторону «Электры». Мигающие фонари уличного освещения на парковке в какой-то момент жалобно моргнули и перегорели, скрывая во тьме рослую фигуру.

Эй, Шоу! А знаешь, ты такой секси, когда злишься, у меня аж дрожь по телу прошла пару раз! Жаль, конечно, что вокруг весь этот карнавал нам с тобой мешает, – выкрикнула Елена из салона своего авто.

Mi madre учила меня не играть с ядовитыми змеями и тем более не слушать их сладкие речи, – ответил Андрэ, плюнул на асфальт и залез в черное спортивное купе.

Парковка ТЦ «Счастливое кольцо» опустела, а автопилот «Электры» принялся рыскать по кварталам восьмой «Зоны благополучия» Москвы. Андрэ снял резинку с пачки купюр и стал пересчитывать. «Пятнадцать миллионов. На четверть больше, чем мы договаривались. Вау...» – подумал громила, и на его лице показалась легкая улыбка. Затем он достал еще одну сигарету, закурил, стряхивая пепел в открытое окно купе. «Эх, чувствую, что ничем хорошим такая щедрость в конечном счете не закончится: слишком гладко, чтобы быть доброй историей», – пронеслось в голове Андрэ.

«Электра SC» подъезжала к кварталу, где проживали Кори и Шоу. Свет из бесчисленных окон жилых башен не таких уж и «благополучных» районов Москвы, казалось, заменял

собой уличные фонари. Андрэ припарковался у своего подъезда, вылез из машины и двинулся домой. «Наконец-то этот день закончился, завтра нужно будет везти Кори к мозгоправу, сегодняшние перегрузки наверняка не останутся без следа. Премия от этой змеи как никогда вовремя», – подумал он и открыл дверь подъезда.

Москва, 25 октября 2109 года

Середина осени в Москве выдалась на удивление прохладной. В центре города температура колебалась в районе 18 градусов по Цельсию, и это с учетом работающих тепловых излучателей, аккуратно встроенных в тротуары вплоть до четвертого кольца. Здание правительства, последний раз реконструированное в 2100 году, формально сохранило свой исторический вид, но в то же время его конструкция подверглась серьезному укреплению, чтобы выдерживать огневой натиск в случае возникновения военной угрозы.

Зачем? На всякий случай.

Это был бункер в самом прямом смысле слова: в сердце города между второй и третьей «зонами благополучия» гордо возвышался не только на 20 этажей ввысь, но и обзавелся обширным подземным защищенным комплексом, в помещениях которого прямо сейчас проходило заслушивание плана выхода «Госводорода» на рынок Франции.

В презентационном зале с одной стороны находились по-

что все топ-менеджеры главной энергетической компании РФ, а с другой – заместители министров энергетики, экономического развития, финансов, торговли и скромные рабочие группы клерков. На голографическом экране демонстрировалась дорожная карта по расширению экспорта широкой товарной номенклатуры «Госводорода» на французский рынок.

Ввиду практически монопольной позиции китайского экспортного синдиката энергетических корпораций в Западной Европе захват своего сегмента без госсубсидий не представлялся экономически целесообразным.

В качестве спикера, презентующего план выхода на рынок, выступал заместитель руководителя департамента стратегии и развития – Арышев Роман Эммануилович, седой мужчина лет 45. На него, поглаживая черную бороду, пристально смотрел его начальник – Роберт Владимирович, целиком сосредоточенный на том, насколько точно Арышев передает данные. Владимир Освальдович, CEO и председатель совета директоров в одном лице, совместно с другими топ-менеджерами и высокими государственными чинами сидел особнячком и тихо обсуждал происходящее на экране.

В рабочую группу от «Госводорода» попал и Андрэ Шоу как сотрудник департамента, находящегося под руководством Чейза. Он заметно нервничал, что было для него несвойственно. «Put a madre, зачем вся эта излишняя клоунада, просто дайте денег и распиливайте свои откаты, вы

же давно обо всем договорились. Еще дебаты тут устройте и по Главному федеральному покажите стрим с донатами», — пронеслась у него язвительная мысль.

В этот день, как и всю последнюю неделю, Шоу не мог думать ни о чем другом, кроме как о грядущих результатах проведенной операции с ВМКЗБ и о состоянии Кори. В середине октября после отмашки Елены Дональд выполнил вторую часть операции, проломив внутренний контур безопасности личной сети Чековского-старшего. После чего он решил отметить это комбинацией из нескольких баллонов «Гармонии» вперемешку с литром синтвиски. Естественно, в очередной раз чуть было не двинул кони. В экстренном порядке его в горизонтальном положении доставили к дверям медицинского центра «Госводорода».

В ходе обследования было диагностировано острое отторжение имплантов с риском летального исхода, в связи с чем Дональд с чистой совестью отдал свою голову на разрезание с последующим приведением месива из серого вещества и чипов в условный порядок. На проведение хирургической операции ушла добрая половина всех средств, щедро «подаренных» Еленой, тем не менее у Кори появился неиллюзорный шанс дожить хотя бы до очередных выборов в Москве, намеченных на лето 2110 года.

Андрэ же все это время усердно работал ночами над обсуждаемым прямо сейчас в этом зале проектом по «выпрашиванию» субсидий у правительства.

Жизнь кипела...

В презентационном зале прозвучали вежливые аплодисменты. Спикер начал отвечать на вопросы по существу выступления и всего замысла в целом. Несмотря на неформальную договоренность между Чековским и представителями власти о предоставлении субсидий, технические подробности все еще требовали внятных объяснений по крайней мере на уровне исполнителей.

Представители правительственной рабочей группы буквально атаковали Арышева своими вопросами, однако тот, на радость Чейзу, был подготовлен более чем хорошо. Мероприятие двигалось к завершению. К трибуне вышел Владимир Освальдович, поблагодарил всех присутствующих, выразил необходимую надежду и объявил об окончании формальной части.

Рядовые сотрудники начали вставать со своих мест и медленно двигаться к выходу. Однако менеджмент «Госводорода» и высокие чины из правительства не спешили покидать помещение, продолжив разговаривать друг с другом, уже стоя на ногах.

Шоу присоединился к идущей по направлению к двери толпе. «Арышев, конечно, настоящий корпоративный герой, почти три часа стоять на ногах и разглагольствовать – не самая приятная задача. Надеюсь, что после выборов должность Чековского-младшего достанется именно ему», – подумал Андрэ и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку.

Ну как ты, Андрэ? Прикорнуть успел? – с легкой издевкой спросил Роберт, тоже направляясь на выход.

Конечно, а храп разве не слышно было на слайде с расчетами разницы средних издержек в преломлении собственно-го финансирования и в позиции с протянутой рукой в сторону минфина?

Хах, шутник! Ладно... Вроде все нормально прошло, не зря сидели по ночам.

Бывали проекты и сложнее. Все веселье начнется на стадии финальных согласований, благо наш департамент в этом будет играть третьестепенную роль.

Это точно. Кстати, как там твой товарищ поживает?

Да... Нормально... Спасибо, что спросили. Дональд пока что лежит в стационаре, врачи говорят, что осложнения маловероятны. Так что верим в лучшее... После конца рабочего дня еду проведать его, сегодня с утра сообщили, что он наконец-то пришел в сознание и готов принимать посетителей.

Н-да, не самая приятная история... Давай там помогай ему, если что-нибудь будет надо – звони, не стесняйся.

Благодарю, Роберт Владимирович, но вроде пока все идет хорошо. Как встанет на ноги – буду приглаживать.

Шоу и Чейз вышли в длинный коридор подземного этажа правительственного здания. Длинный, без окон: одни сплошные кабинеты, ковролин и непокидающее чувство, что такие места никогда не успевают за временем. Всегда отста-

ют лет на пятнадцать минимум.

Слушай, а как так вышло-то вообще? Он же у тебя совсем неадекватный образ жизни вел, что ли? — продолжил диалог Чейз, двигаясь вместе со своим подчиненным в сторону лифта.

Нет, не в неадекватности дело. Когнитивно-перцепционные процессоры, которые у него были в голове уже лет двенадцать, по уму нужно было сменить еще в 2105 году. Такие импланты обычно ставят людям, которые находятся на обязательном долгосрочном трудовом договоре, с последующей плановой заменой за счет компании. Однако легендарная New HI накрылась медным тазом в 2099-м, когда осколки американской экономики в очередной раз сложились пополам, а на обязательства перед бывшими сотрудниками она положила здоровенный болт. Впрочем, как и власти бывшего Нью-Йорка, к тому моменту давно эвакуированные из собственного затопленного города и занятые исключительно дележом того, что еще можно было вывезти. Так Дональд остался с часовой бомбой в башке... А уже перейдя в «Госводород», он стал работать сначала в экономическом департаменте, а потом в собственной безопасности, и закопанные в недрах его мозга производственные мощности больше никому не были нужны.

Понятно... Не жизнь, а мед... Одни сплошные приключения. И че говорят, когда следующее обновление железок планируется?

Эти вроде как на десять лет устанавливают, а там дальше непонятно, как будут себя вести. В любом случае ему еще проходить клеточную терапию. В общем, я не знаю... Не самая простая ситуация... Я просто... Просто надеюсь на лучшее, Роберт Владимирович.

Все будет в порядке. У меня какое-то внутреннее чувство, что у этой истории будет хороший финал. Операцию успели сделать, пациента с того света не возвращали, так что все будет нормально. Не переживай!

Собеседники подошли к лифту, Чейз нажал на кнопку и продолжил диалог. По коридору то влево, то вправо носились государственные служащие с кипами документов в папках. Это выглядело довольно забавно, к 2109 году бумагу достать было довольно трудно, и стоила она прилично. Тем не менее здесь она утилизировалась в каких-то феноменальных объемах, что и без того раздувало космические бюджеты центральных колец Москвы.

Прогресс мог идти вперед семимильными шагами: люди превращались в киборгов, страны основывали марсианские колонии, города тонули в неоновом свете голографической рекламы. Но бюрократическая машина все равно продолжала выписывать самой себе справки по форме № 2716 и ждать подписи начальника, лишь бы не случилось чего-нибудь дурного.

А, кстати, дорого вышло? В нашу страховку такое ведь не входит, – продолжил интересоваться жизнью своих сотруд-

ников Чейз.

Что именно?.. – занервничал Шоу, пытаясь выиграть несколько секунд «на подумать».

Съездить в отпуск на курорты Краснодарского края, Андрэ... Операция дорого вышла? Экстренная хирургия плюс новые импланты – это не очень дешево.

Прилично... – делая вид, что не хочет об этом говорить, пробормотал Шоу.

Не мое дело, конечно, но откуда деньги, если не секрет? Незаметно, чтобы Дональд или ты шикавали в последнее время.

У него были сбережения, часть я ему подкинул, часть пришлось занять кое у кого. Теперь этих сбережений нет, есть долги... Но деньги – ничто, пыль, когда речь идет о жизни.

М-да... Не очень приятно.

Какой смысл думать о деньгах, если перед тобой стоит выбор: умирать или все-таки распрощаться со своей кубышкой и продолжить жить, – увел диалог в философское русло Шоу.

Тут ты прав. Мое предложение в силе, серьезно, если что-то нужно – говори, потом порешаем как-нибудь. В любом случае, когда этот проект выстрелит и мы начнем качать водород во Францию, я постараюсь выбить у совета директоров хороший гонорар нашему подразделению, – сказал Чейз, заходя вместе с Андрэ в лифт.

Рад слышать, босс! Тогда придется еще недельки три посидеть до утра?

А ты как думал? Когда-то было по-другому?

Лифт поднялся на первый этаж. По коридору все так же сновали клерки, время близилось к обеду. Оба мужчины вышли из лифта и двинулись к выходу из здания.

Андрэ, слушай, сегодня уже никакой работы не будет, кроме легкого празднования в честь закрытого дела, можешь сразу ехать к своему товарищу. Отпускаю. – Хорошее настроение и удовлетворение от завершения работы над проектом, как видно, положительно сказались на человеческих качествах Чековского-младшего.

Да? Отлично, пожалуй, с удовольствием воспользуюсь вашим щедрым предложением, – радостно ответил Шоу.

Давай, до понедельника, впереди новая неделя, будешь отрабатывать, – произнес Чейз и двинулся куда-то дальше в глубь здания.

Разумеется, до понедельника, – попрощался Шоу, вышел на улицу и направился к стоявшей рядом «Электре».

Настроение Андрэ испортилось: дежурные разговоры слишком дотошного Чековского-младшего были скорее похожи на легкую форму допроса, а не на доброжелательную беседу, как казалось со стороны. «Согласен он со мной насчет ценности жизни... Сказал небожитель, который каждую субботу ест в «Триумфе» красную рыбу и прихлебывает натуральный кофе», – попытался поговорить сам с собой Шоу.

Вскоре он добрался до черного, выдавшего виды водородного монстра, открыл водительскую дверь и рухнул на сиде-

нье. Уперся лбом в руль и закрыл глаза руками.

«Madre mía, что за месяц такой?..» – подумал Андрэ и после короткой паузы запустил двигатель. Он набрал адрес больницы, а затем выехал на проезжую часть. Из динамиков автомобиля раздались аккорды синтметалла вперемешку с долбежкой барабанов и электронными визгами, но, очевидно, перекричать шум в голове водителя им не удавалось. Андрэ пытался успокоиться, однако траектория полета мыслей все время возвращала его к размышлениям о здоровье друга и дальнейших совместных действиях с Еленой.

«Электра» заехала на парковку городской больницы № 204 на Шестом кольце Москвы. Андрэ заглушил двигатель, взял пакет с подарочным провиантом для больного, вышел из машины и направился к учреждению. В приемной стоял медицинский дроид.

Hola, меня зовут Андрэ Майкл Шоу, мне нужно посетить Дональда Джеймса Мак'Дугалла, – представился он.

Добрый день, пожалуйста, следуйте за мной, – ответила машина.

Мужчину сопровождали в нужную палату медицинского центра «Госводорода», занимавшего несколько этажей городской больницы. Интерьер не изобиловал роскошью, однако в помещениях определенно соблюдалась предельная чистота. Шоу зашел в комнату стационара, в которой лежал его друг. К счастью, в палате никого больше не было.

Ну что ты, hermano, простудился немного? – с улыбкой

спросил он.

Кори открыл глаза, промычал что-то невнятное, но уголки его губ слегка приподнялись, имитируя улыбку.

Не напрягайся, amigo, лежи спокойно, я тут тебе подарков съедобных принес, – сказал Шоу, поставил на тумбу пакет и сел на койку пациента. – Ну как ты? Никто не обижает тебя тут?

Здорова... Не, пока никто не бычил, – хрипло заговорил Кори.

Как голова, как общее самочувствие?

Ох... Пиздец... Болит и кружится одновременно, мне тут капельницу ставят, отпускает понемногу. Так вроде нормально, но ужасно хочется затянуться. Сказали, что нельзя теперь мне, могут быть сильные побочки, – медленно проговорил хакер.

Ну и слава богу, слезешь с этой дури, если жить захочешь. Сегодня, кстати, прошла презентация. Чековские довольные были. Роберт меня даже отпустил к тебе пораньше. Жду вот новостей от Елены. Честно говоря, нервяк сильный ловлю, прям как пиздюк какой-то перед красоткой на выпускном.

А ты че не пиздюк, что ли? Ха-ха-ха... К-хе, – начал смеяться Кори и поперхнулся. – Нормально, брат, прорвемся, я скоро встану на ноги и всех задушим.

Че, прям хреново, да?

Ну я неделю в отключке провалялся на седативных, так что однозначно я рад, что хотя бы проснулся.

По-другому и быть не могло.

Слушай, а сколько у нас осталось после операции моей?

Из твоей доли два ляма еще есть, перехватиться пока что хватит. Подгон от Елены очень помог. Правда, теперь у этой змеи есть лишний повод привыкучивать нам яйца.

Да похер, пусть хоть че пиздит, главное, чтобы не кинула, когда все закрутится.

Не кинет, я каждый разговор с ней записывал на отдельный диктофон. Если попробует устроить какую-то клоунаду – нам будет чем надавить.

Главное, не спались... – медленно сказал Кори и, кажется, начал засыпать.

В комнату зашел медицинский дроид и сообщил, что больному нужен отдых.

Давай, amigo, отправь мне сообщение, когда тебе можно будет в экран смотреть, на следующей неделе я еще заеду.

Шоу поднялся с койки, посмотрел на друга и вышел из палаты. Мысли понемногу стали укладываться в голове. На одну проблему формально стало меньше, а значит, можно слегка выдохнуть. Андрэ вышел из медицинского учреждения, добрался до машины, сел на водительское сиденье, открыл окно и закурил. В салоне снова заиграла музыка, но в этот раз она уже не стремилась выбить стекла из окон, а просто нежно ласкала слух своим милым рычанием. Громила спокойно выкурил две сигареты, выбросил из окна бычки, запустил «Электру» и газанул со скрипом шин в сторону

места постоянной дислокации.

Погода в Москве продолжала удивлять нелояльным отношением к гражданам города. Кажется, начал капать легкий дождик, а солнце сегодня напрочь отказалось показываться на людях. Некоторым даже пришлось надеть одежду с длинным рукавом. Гигаполис с каждым днем был все ближе к наступлению зимы, и атмосфера на улицах стала портиться все быстрее и беспощаднее. Словно весь город начал готовиться к «холодам».

Весь – но только не комплекс «Госводорода», и в частности не департамент Чековского-младшего, где сейчас проходил вполне себе жаркий корпоратив – особенно на фоне погоды за окном.

На столах стояло настоящее шампанское и, кажется, даже не синтетические канапе. В помещении подразделения, расположенного на 65-м и 66-м этажах, громко играла музыка, в потоке умело генерируемая контент-экосистемой от «Vetotechs». Офис был построен в формате большого «опенспейса» для рядовых сотрудников на 65-м этаже и второго света на верхнем уровне – для руководителей. Там же наверху располагалась стеклянная серверная комната с процессором корпоративного ИИ, предназначенного для моделирования перспективных решений и анализа больших объемов данных.

Интерьер департамента стратегии и развития изобилдовал живыми растениями, свисающими с 66-го этажа на 65-й,

семиметровыми окнами и очень качественным биопластиком, имитирующим натуральное дерево. В центре помещения толпилось около тридцати сотрудников, празднующих успешное закрытие проекта. Роберт Владимирович, опершись на перила, стоял наверху и о чем-то непринужденно беседовал с Арышевым, держащим в руках бокал игристого вина. Время близилось к 20:00.

Так, ладно, я, наверное, буду закругляться, еще есть кое-какая встреча, вы тут постарайтесь не разломать все на свете и в «Андромеду» шампанским не брызгайте, у нее и без этого багов хватает. – Чейз покосился на серверную комнату и на секунду задумался. – Коллектив на тебе, смотри, чтобы никто из окна на радостях не сиганул, – сказал он заму, поглядывая сверху на импровизированный танцпол.

Понятно, хороших выходных, – безэмоционально ответил Арышев.

Окей, давай. – Чейз хлопнул собеседника по плечу, спустился с верхнего уровня, помахал рукой разогретой толпе и двинулся к лифту.

Сотрудники «Госводорода», казалось, пока что и не думали заканчивать. Арышев, понимая, что какое-то время ему еще придется задержаться в офисе, чтобы побыть нянькой, тоже спустился вниз и присоединился к публике.

Чековский-младший тем временем зашел в лифт и нажал на кнопку «А». За несколько секунд проскочив двадцать этажей вверх, он вышел к авиапарковке, которая представляла

собой огромный ангар между 86-м и 90-м этажами.

Роберт добрался до своего четырехместного люксового авиамобиля, сел на заднее сиденье и сказал бортовому компьютеру: «Домой». Темно-изумрудный летательный аппарат на четырех винтах оторвался от поверхности и направился к открывшемуся в стене шлюзу.

Чейз развалился на заднем диване и стал что-то смотреть через смарт-очки. На стеклянную крышу коптера падали мелкие капельки дождя, где-то далеко искрила молния, за окном виднелись ночные огни гигантского города, а приглушенная подсветка и спокойная музыка только усиливали и без того яркую атмосферу «мини-нирваны» на борту летательного аппарата. Роберт, привыкший наблюдать такие виды каждый день, решил не отвлекаться на чудеса реального мира, предпочтя ему виртуальный, а потому продолжил смотреть контент через смарт-очки.

– До места назначения осталось пять минут, – прозвучал из динамиков бархатистый женский голос. Чековский мысленно набрал сообщение: «почти на месте» и отправил двум адресатам.

Воздушное «судно» приземлилось на крыше пентхауса. Пассажир выбрался из транспортного средства и все так же, не отрываясь от просмотра увлекательного контента в очках, побрел в сторону стеклянной двери. Поверхность взлетно-посадочной площадки на террасе элитной недвижимости начала опускаться вниз, образуя гараж с горизонтальным вы-

движным люком. Чейз зашел в дом, побросал обувь и верхнюю одежду, а затем направился на кухню.

С возвращением! Как прошел твой день, будешь ужинать? – встретил хозяина дома домашний андроид, изготовленный в виде девушки, слабо отличимой от реальной.

Привет, день – прекрасный. У тебя без происшествий? Там Кузнеченко должен был отправить че-то, не приходила никакая посылка? – усаживаясь за барную стойку, ответил Роберт, продолжая потреблять контент через смарт-очки.

Его домашний секретарь скинул мне сообщение, что посылку направит на следующей неделе. Так что насчет ужина? – милым тоном продолжила диалог электрическая девушка.

Да, придумай что-нибудь на троих, вино же еще оставалось?

Осталось четыре закрытых бутылки белого сухого «Шардоне» и одна начатая того же. Мы ждем гостей?

Да, я жду гостей. Будут Эд и Юна, я не особо голодный, но Эд, вероятно, не откажется перекусить.

Я тебя поняла, сейчас все сделаю, будут какие-то предпочтения по закускам или все как всегда? – спросила рободевушка, затем, повернувшись спиной к хозяину, изящно наклонилась и подняла с пола только что разбросанные вещи Чейза.

Сделай так, чтобы Эду можно было есть. Да... И отключи режим разврата этого... Сейчас это ни к чему, – отдал ценные указания человек, встал со стула и забрался на диван.

Принято, – одновременно металлическим и спокойным голосом ответил робот.

«Будем через 30 минут» – высветилось на экране смарт-очков сообщение от Юноны Шталь.

Рина, у тебя 30 минут! – крикнул с дивана Чейз.

Поняла. – Электрокухарка начала очень быстро оперировать кухонными приборами.

Роберт провалялся на диване около десяти минут, затем наконец-то снял смарт-очки, распустил собранные в хвост волосы, встал на ноги и отправился в уборную приводить себя в порядок. Легкий дождь за окном прекратился, электронные часы на стене в гостиной с камином показывали 21:23.

С кухни раздавались глухие звуки ударов ножа по доске, похожие на автоматную очередь. Из окон виднелись огни царственных имперских зданий центра Москвы. Почти во всем пентхаусе площадью около 450 квадратных метров царила теплая темнота, слегка разбавленная легким свечением подсветки в отдельных местах.

Ремонт был выполнен в стиле старого модерна, ставшего уже, скорее, классическим. В квартире было много мрамора, светлого дерева и стекла; преобладали квадратные формы. В целом можно было сказать, что нейросеть, сгенерировавшая дизайн помещений, точно знала, как жили богатые люди в своей элитной недвижимости лет 60 назад.

Чейз смотрел в зеркало ванной. Отражение показывало мужчину ростом под метр восемьдесят шесть, мускулистого

телосложения, с черно-синими волосами до середины шеи и густой бородой. Он смотрел и искал в себе очередной недостаток, скользя взглядом по коже, изгибам лица, линиям тауировок в духе старой школы, набитых иглой. На вид – человек. Но если присмотреться...

Пальцы, аккуратно перебирающие волосы в бороде, были слишком точны и симметричны. Стыки между фалангами, сочленения в локтях, легкие блестящие швы – детали, которые не заметит случайный прохожий, но их не мог не замечать сам Чейз. Руки были заменены до плеч: углеродное волокно, титан, высокочувствительная тактильная сеть. Эти импланты стоили дороже, чем какая-нибудь конура на Седьмом кольце. Но они были такими скучными. Фоновыми...

Сложно сказать, что движет людьми в XXII веке, когда они при отсутствии медицинских показаний заменяют части собственного тела на бионические. Возможно, банальное честолюбивое желание перерасти уже надоевший этап развития *sapiens* и превратиться в нечто большее, а может быть, просто слепое следование моде и тяга к показу своего социального статуса? Импланты стали способом демонстрации вычурных дорогущих вещиц, вмонтированных прямо в тело, словно зубные коронки. Они были как дорогая машина или новая сумка от элитного бренда – доступные далеко не всем, но встречающиеся в каждом рекламном ролике про «успех».

Шутка ли? Современное безумие – отпилить пару рук и выколоть глаза, чтобы поменять на свеженькие девайсы от

«РКС», – стало самой скучной банальностью.

Тем не менее Чейзу было мало рук и идеальной генетики, дарованной матерью, отцом, пробиркой и суммой технологий современности. Аугментации также подверглись кровеносная система, глаза и некоторые части мозга. По совету Дениса Хариса в планах было еще заменить позвоночник на новенькую модель с хост-станцией для нанороботов и улучшенной нервной системой.

Почему?

Да просто потому, что Денис Васильевич однажды сказал: «Роби, крайне тебе советую...» – а в их мире этого хватало, чтобы выковырять из себя часть скелета.

Раздался звонок в дверь. Роберт оделся в домашнее и вышел из уборной. Робот Рина уже стояла у двери и улыбалась во все 32 очаровательных керамических зуба. Чейз открыл дверь.

Два объекта, ослепляющие своим видом, стояли на пороге. Черноволосая зеленоглазая прекрасная девушка и довольно крепкий короткостриженный строгий мужчина среднего роста держали в руках пакеты с гостинцами и тепло смеялись.

Приве-е-е-ет!! – Юнона полезла по-дружески обниматься и повисла у Чейза на шее.

Ах-ха-ха, привет-привет, – радостно ответил на «обнимашки» Роберт.

Здорова, дорогой. – Эдуард по-братски пожал ему руку и

приобнял за плечо.

Салам! Заходите скорее, – улыбаясь, ответил хозяин квартиры и жестом пригласил внутрь.

Ой! Офигеть, вживую еще сюрреалистичней, чем на фотках, – с удивлением воскликнула Юна, увидев Рину.

Эдуард молча осмотрел помещение, снял обувь и внимательно уставился на бота.

Прошу прощения, я что-то сделала не так? – Девушка-робот с недоумением начала улыбаться еще сильнее.

Капе-е-е-е-ец... У нее даже голос такой же! Нет-нет, все в порядке, я просто очень удивлена, как сильно ты похожа на свой оригинал. – Снимая пальто, Юнона подошла к Рине и потрогала волосы. – Класс! Как настоящая Эльза! – чуть ли не подпрыгивая от удивления, произнесла Шталь.

Н-да, брат, интересная у тебя жизнь, а ты не путаешь их? – спросил Шакиров, проходя внутрь.

В моменте, когда молчит и бездействует, со спины трудно отличить, Эльза же еще ей одежду как у себя покупает... – словно с мольбой о помощи пробурчал Роберт.

Офигеть! Слушай, а вы это... Ну... Ну это... – двусмысленно начала реплику Юнона.

Уж скажи вслух, – предсказывая вопрос, ответил Роберт. Ну в смысле втроем у вас было ха-ха-ха?! – спросила Юнона и по-девичьи рассмеялась.

Да... И это, кстати, полное сумасшествие. Иногда страшно, там прям очень сложно отличить в самом разгаре. Не ска-

зал бы, что это неинтересно... Но потом хочется постоять в душе несколько часов и смыть с себя всю эту грязь высоких технологий.

Компания прошла вглубь квартиры. Рина тем временем принялась аккуратно поправлять верхнюю одежду и обувь гостей. Молодые люди уселись за кухонным островком с приготовленной роботом натуральной пищей.

Крепко тебя, брат, охомутили, она невесте твоей случайно прям с оптики не стримит, как ты на унитаза сидишь? – посмеиваясь, спросил Эдуард.

Нет, я на щеколду закрываюсь. А если серьезно, то робот на меня оформлен, так что какая-никакая приватность соблюдается, да и просто так ее не обмануть, ничего лишнего не скажет. Хорошая когнитивная модель. Вообще, конечно, мне кажется, что это слишком... Поэтому стараюсь с ней не особо имитировать живое общение.

Ну видишь, как Эльза тебя любит, Чейзи, не хочет тебя никому отдавать, даже копию свою подарила. С ума сойти... – прокомментировала Юна.

Ага, сама-то с матерью свалила на острова отдыхать, а эту тут оставила. Лучше бы ее отправила вместо себя. Ладно, блин, вы как дикари какие-то, робота в первый раз увидели?.. Лучше расскажите, как у вас дела!

Брат, мы с Юной, как всегда, в суете, все как обычно, ты давай лучше поведай, че вы там сегодня успешно у государства деньги выпросили?

Да все по плану, отец там еще поехал культурную программу устраивать с замминистра экономики. Весь политес соблюли, дальше уже мелочи. Я своим тоже разрешил корпорат закатить, пусть отдохнут. Сидели почти весь месяц шестидневку по 12 часов.

Понятно, ладно... Это дело благое, не буду спрашивать, сколько вы распиливать собираетесь на этом. У нас даже генерал не особо интересуется, главное, чтобы выхлоп был от ваших махинаций.

Будет, не нуди, – фыркнул Чейз и посмотрел на подругу. – Юна, а у тебя что нового?

Ой, да все суетно, как Эдик сказал. Ты ж сам знаешь, активной аудитории на пол-России, а в штате у меня я, зам и инженер. Мне, видимо, тоже нужно свою астральную проекцию купить, чтобы «Вьюгу» вела вместо меня, – сказала Шталь и взяла гроздь винограда со стола. – Вальтер иногда меня подменяет аватаром... Но фишка же в натуральности... Хотя разницы и под микроскопом не увидишь. Все, как всегда, короче, Роби.

Ха-ха-ха, ну это ж твое детище. Если еще «Вьюгу» будет ИИ вести, то, считай, последний оплот человеческой журналистики отправился вслед на помойку за всем остальным, – ответил Чейз.

Да ну как бы да, но мне будто надо уже в отпуск. Я сколько лет не отдыхаю-то... Еще все эти сессии, журналы, закрытые вечеринки, слишком много внимания, я устаю...

Ты бы лучше так же личной жизнью занялась, как работой, Юн, а то мы с Чейзом уже до возраста Чековского-старшего доживем, станем старыми дедами, а ты все так же тридцатилетней красоткой будешь скакать из камеры в камеру. Детей не хочешь? – с дружеской заботой обратился Шакиров.

Ну ты батю моего дедом-то не называй, он, конечно, еще тезку своего у руля застал, но фору много кому даст по физухе, ха-ха-ха, – встрял Роберт.

Это безусловно, брат. – Хлопнул Эдуард по плечу Чейза. – Только ты не думай, что мы с тобой такими же бодрыми будем.

Ну, Эд, ты на больное-то не дави. Нет у меня времени на личную жизнь, не могу я взять и бросить все, чем занимаюсь, чтобы бегать за каким-то непонятным мужиком. Детей, наверное, хочу, но кто ж их воспитывать будет? На мне слишком много всего. Короче, ты знаешь мое отношение ко всему этому... Видимо, я не для этого рождена была. Сложно... Я не вписываюсь в такую сферу жизни, как романтика и семья.

Как кто воспитывать будет? Отец и будет, бабушка и дедушка. Няньку можешь нанять, а с твоими ресурсами хоть весь роботизированный штат детского сада целиком, – продолжил мысль Эдуард.

А ты все хочешь найти мне домохозяйку мужского пола, да? Я старомодна! Не хочу я так, – слегка надулась Шталь.

На дворе 2109 год, а ты все продолжаешь сексизмом за-

ниматься. Юна, у нас президент – женщина, мэр – женщина. Уже второй срок заканчивается, и пойдет на третий. Сможет ли ее обойти отец Чейза – не самый простой вопрос, борьба будет конкурентной. Ну нет уже в современном мире таких концепций. Я тоже придерживаюсь традиционных взглядов, но даже традиции имеют свойство со временем видоизменяться.

Кстати, Владимир Освальдович очень уверен в своей победе, – встрял Чейз. – Меня он в политику свою не посвящает, но к передаче бразд правления в нашей конторе готовит активно.

Юнона нервно улыбнулась. Вдохнула, отвела взгляд и слегка покраснела.

Ну конечно, а смысл начинать что-то великое, если не уверен в своих силах, – дополнил после паузы Эдуард.

Согласна с посылом про великое... Ну а по поводу сексизма: вот только от тебя слышу такие заявления, Эди. Я ко всему очень спокойно и терпимо отношусь, но для себя такого не хочу. Ну не отзывается сердце. Ты бы вот свою жизнь с Миленой связал, если б не любил ее?

Нет, Юна, не связал бы...

Вот и я про то же! Когда-нибудь кому-нибудь где-нибудь повезет, и он кого-нибудь найдет. Возможно, это даже буду я, но пока что без изменений. Желающих слишком много, но оно мне все не надо, нужен кто-то близкий, кем я буду восхищаться.

Так же не бывает, чтобы сразу и близким, и родным стать. Должен быть какой-то бэкграунд. История... – заметил Чейз.

Ну должна, наверное... – с тоской ответила Юнона, взглянув на Чейза.

Эдуард, скажите, что вам налить? – неожиданно послышался голос рободевушки из-за спины.

Ух. – Шакиров вздрогнул. – Я подумал, что Эльза вернулась раньше времени. Ха-ха-ха. Мне сока налей какого-нибудь на свое усмотрение.

Один момент, – произнес робот бархатным тоном.

Рина открыла холодильник и просканировала его содержимое по религиозному признаку. Затем налила два бокала вина и один стакан апельсинового сока. Элегантным и весьма грациозным движением ухватила поднос и поставила его на стол.

Давайте! За встречу! Я очень рад, что вы у меня есть. Через всю жизнь идем вместе и не разбегаемся, чтобы впредь было все так же. Люблю и ценю вас! – поднял бокал Чейз.

Давай! Ура-а-а-а! – девчачьим голоском пропищала Юнона.

Мы тоже тебя любим, брат. Будет, никуда ты от нас не денешься. – Эдуард чокнулся стаканом апельсинового сока со своими друзьями.

Эдик, кстати, как там Милена, как детки поживают? – вернулась к теме Шталь.

Хвала Всевышнему, все хорошо. Ремонт затеяли, после

службы теперь еще и работаю дополнительно. Ну не жалуясь, старший в следующем году в школу идет. Учится читать, писать заранее. Маленькая уже болтает вовсю. Все хорошо. Жена дома сидит то с компьютером, то с детьми. Кстати... По секрету рассказываю: она сейчас активно занимается аудитом компании отца твоей невесты, Чейз. Но это только между нами. Говорю, потому что тебя касается.

Да? А че ж ты мне сразу не сообщил? – удивился Роберт.

Ну так вот, в начале недели начала. Хотел лично передать, сам понимаешь.

Понял, спасибо, ценю. И как в итоге у Хариса бизнес на самом деле? Живет?

Ну, она говорит, что они держатся, не утонут, но, конечно, «Тянься Кунчжилунь» дает им просраться. EBITDA падает, кредиты растут, а продажи не то чтобы очень. Скорее всего, будут просить льготные ставки. Еще говорит, что «РКС» тратит какие-то неадекватные суммы на экспериментальные разработки. Естественно, выхлопа с них по нулям. Только убытки.

Ну, продажи не радуют, потому что лицо твоего будущего тестя почти на всех рекламных материалах «РКС» уже поддолбало публику. Никто не отменяет его гениальности и приверженности своим же идеям, но надо как-то креативить, а не заниматься вечным самолюбованием. Люди как будто и не особо понимают, с чем еще связывать российские импланты, кроме как с Харисом, – заметила Юна.

Это правда. Он на самом деле странный человек, если его вообще можно еще назвать человеком. Очень эгоцентричный, и весь его мир – это киберимпланты и трансгуманизм, иногда бывает слишком душно от этого. Считает, что вот раз он на себе показывает, что производит, значит, это высший гарант качества. Короче, есть его мнение, которое правильное, и «ретроградное», которое не гениальное и не его, – прокомментировал Чейз.

Ну ты потом закинь удочку, как начнут думать, что делать, может, я как-то помогу с пиаром. Мне даже профит с этого особо не нужен, пора бы уже просто двигаться в правильном направлении, своим надо помогать, – с заботой и участием сказала Юна.

Думаю, до этой мысли ему еще нужно будет дорасти. Ну или, как он скажет, «докатиться до примитивных методов борьбы». Давайте лучше выпьем! – ответил Чейз и поднял бокал.

Вечер в квартире Чейза только начинался. Они перебирались с кухни на террасу и обратно, спорили, смеялись, забывали, кто за чем вставал, и снова наливали в бокалы. Из окон виднелись величественные имперские огни центра столицы. Рина без усталости работала на фоне,нося то бокалы, то грязную посуду, не вмешиваясь в беседу.

Чейз веселился, рассказывал шутки и пил вино. Юнона хихикала и отвлекалась от бешеного темпа жизни владельца и создателя ИИ-медиахолдинга «Ветер перемен». Эдуард

тем временем, улыбаясь, вставлял в общую беседу свои не лишённые глубоких идей комментарии и забивал шары на бильярдном столе, который располагался рядом с кухней. В такие минуты легко было поверить, что за окнами нет ни колец, ни корпораций, ни будущей войны за чужие рынки.

Глава 2. Буря и моллюски

Площадка перед старинным театром на границе Третьего кольца была ярко освещена холодными огнями многочисленных медиатронов, лениво круживших в воздухе и фиксировавших каждое движение гостей. Владимир Освальдович Чековский стоял в центре группы представителей городских властей и знаменитостей высокого бомонда, окружённый вежливыми улыбками и взглядами, полными внимания, любопытства и скрытого страха.

Владимир Освальдович, прошу вас сюда! – суетилась координатор мероприятия, активно жестикулируя и направляя главного гостя ближе к группе подростков в форме новой инициативы «Будущее – здесь». – Вот так, отлично, поближе к ребятам, пожалуйста.

Чековский, безукоризненно одетый и уверенный в себе, слегка кивнул, положил руку на плечо одному из подростков и с тщательно отмеренным теплом заговорил в камеру:

Мы можем построить сколько угодно новых транспортных колец и водородных узлов, но наша главная задача – дать достойное будущее следующим поколениям. Нашим детям!

Сегодня мы не просто открываем Центр культурной адаптации мигрантов – мы закладываем основу для стабильного развития нашего общества!

В стороне, возле белого шатра, где был организован легкий фуршет, вели негромкую, но оживленную беседу несколько важных фигур. Среди них Валерий Львович Тихонов – зампред совета директоров «Госводорода», известный своими крепкими связями с министерством энергетики. Рядом стояла Екатерина Вадимовна Стрешнева – влиятельная дама лет пятидесяти, руководитель крупного государственного фонда развития инфраструктуры. Чуть в стороне курил сигару Ильяс Ильясович Петров, крупный акционер с сильными позициями в оборонной промышленности.

Владимир Освальдович сегодня просто неподражаем, – произнесла Стрешнева, поправляя жемчужное ожерелье. – Как уверенно держится!

Он прекрасно знает, для кого это выступление, – заметил Петров. – Завтра это будет главным аргументом на заседании.

Тихонов усмехнулся и внимательно посмотрел на собеседников.

Ильяс Ильясович, главное завтра – это не фотографии с подростками из Мексики, а способность убедить правительство выделить средства на будущие проекты. Владимир Освальдович тут, конечно, вне конкуренции.

Петров слегка кивнул, стряхнул в пепельницу и многозна-

чительно промолчал.

Тем временем Владимир Освальдович завершил свою речь, пожал руки детишкам и, раскланявшись с несколькими чиновниками, неторопливо направился к шатру. Приблизившись к троице, он властно, но учтиво улыбнулся, давая понять, что разговор сейчас будет коротким и по существу.

Екатерина Вадимовна, прекрасная работа вашего фонда. Вы оказали весомую услугу. Я это ценю.

Благодарю, Владимир Освальдович, – ответила Стрешнева, слегка кивнув и вежливо улыбнувшись.

Валерий Львович, завтрашнее заседание будет важным для всех нас. – Чековский засунул одну руку в карман брюк, а другой взял бокал с шампанским, слегка пригубив напиток. – Убедитесь, что министерство энергетики нас поддерживает. Нам необходимы гарантии их участия.

Все под контролем, Владимир Освальдович, – заверил Тихонов.

Владимир Освальдович, вчера утром встретился с Робертом Владимировичем по поводу моего пакета акций. Он упоминал о возможных изменениях в стратегии компании. Надеюсь, вы в курсе? – убрав левую руку за спину, галантно спросил Петров.

Ильяс Ильясович, я не могу не быть в курсе того, что творится в моей компании. Роберт Владимирович объяснит детали сразу после отпуска. Главное – не забывайте, кто принимает решения.

Петров кивнул и сделал шаг назад. В этот же момент к Чековскому-старшему подошел помощник Александр.

Владимир Освальдович, с учетом времени на дорогу остается около пяти минут, чтобы вовремя прибыть на интервью. Анастасия Рубен уже на месте.

Спасибо, Саша. Я сейчас подойду, – кивнул Владимир. – Господа, благодарю вас за ваше присутствие, увидимся завтра. Всего хорошего.

Чековский сделал еще один глоток шампанского, поставил бокал на стол и медленно развернулся в сторону своего кортежа. Он сделал шаг вперед, по-меценатски помахал в камеры и забрался в автомобиль. Александр надавил на педаль газа.

Через окно люксового салона Москва раскрывалась как величественная столица новой империи, где тяжелые сталинские ампиры, украшенные золотом и государственной символикой, соседствовали с прозрачными башнями высокотехнологичных корпораций. Над улицами, выложенными идеальным асфальтом, бесшумно проплывали потоки автомобилей, а между ними мелькали дроны с логотипами ведущих банков и компаний.

Владимир Освальдович смотрел на этот город без лишних эмоций, с холодным удовлетворением человека, прекрасно знающего, что каждая деталь здесь – результат в том числе и его работы. Тем временем автомобиль подкатил к Останкинской башне. У входа уже дежурила бригада из несколь-

ких охранных дроидов, умело отгонявших шальных блогеров с камерами, и три девицы для сопровождения главного гостя в студию.

Владимир спокойно, но быстро выбрался из автомобиля и зашагал к башне. Девушки и два робота мгновенно окружили его со всех сторон в качестве сопровождения.

Фойе. Лифт. Этаж. Москва уходила за горизонт даже с такой высоты. Где раньше была Тверь, теперь «красовалось» строящееся Тринадцатое кольцо.

Владимир Освальдович вошел в студию записи интерактивного интервью. Анастасия Рубен, одетая максимально строго и официально, уже сидела на месте, готовясь провести одну из самых важных съемок в своей карьере.

Владимир Освальдович, здравствуйте! Прошу, проходите, садитесь, пожалуйста, – подпрыгнула она, указывая на кресло под кучей датчиков. – Кофе, чай, воды желаете?

Добрый день, Анастасия. Нет, спасибо. У меня сегодня очень плотный график, давайте начнем, – ответил Чековский, усаживаясь в кресло.

Хорошо, как пожелаете. Начинаем! – Рубен нервно помахала рукой присутствующим в помещении техническим специалистам, дав команду включить все сенсоры.

Владимир расстегнул пуговицы на пиджаке, слегка прокашлялся и сделал легкую гимнастику для языка. Александр встал в угол, наблюдая за процессом и контролируя вход в студию.

Скажите, как бы вы оценили обсуждаемую в Думе программу по постройке Тринадцатого кольца Москвы, которое в народе уже называют «инфернальным»? Не кажется ли вам, что это уже слишком и город просто не переварит такое количество людей?

Вы знаете, очень много лет назад, когда я еще был юным, как вы, не в обиду сказано, население нашей столицы в будни достигало примерно двадцати миллионов человек. Шутки про резиновую Москву уже тогда не то чтобы носили бороду, они казались археологическим достоянием российского фольклора. Каждый уважающий себя урбанист обливался пеной изо рта, пытаясь доказать, что очередной миллион человек в этот город не поместится. Им всем хотелось видеть вместо технологически развитого мегаполиса какую-то крохотную деревушку с велосипедными дорожками и трамваями, где все будут ходить за ручку и есть сахарную вату. Сейчас мы с вами понимаем, что это лишь плод инфантильных фантазий. Москва – это фактически конгломерат нескольких городов, просто расположенных в формате окружности. Транспортная система способна переваривать больше 75 миллионов человек за сутки, а сейчас ей ежедневно пользуются только 57 миллионов пассажиров. У нас есть ресурсы для расширения.

А как же рабочие места и рост криминала в наиболее удаленных от центра районах? Неужели вы считаете, что дополнительный приток граждан не спровоцирует всплеск право-

нарушений и не породит дополнительную безработицу?

Анастасия, вы, вероятно, удивитесь, но население Москвы растет с каждым днем, и приезжающие сюда люди обычно остаются тут практически навечно. Так вот, строительство дополнительных районов высвободит почти исчерпанные ресурсы существующих. Это, безусловно, охладит риски роста криминогенной обстановки. Рабочие же места будут появляться прямо пропорционально строительству Тринадцатого кольца.

Допустим, но ведь дополнительное расширение города будет обозначать лишь только, что на очередной, так сказать, «орбите» Москвы граждане станут жить еще хуже, чем на предыдущей.

Именно поэтому я и участвую в этих выборах, чтобы данная коннотация между Россией и неравенством наконец-то выветрилась.

Как же вы видите возможным решить эту проблему?

Ну, ответ на поверхности. Абсолютно каждый, кого ни спроси, знает, что делать. Борьба с коррупцией и грамотная политика. В частности, нужно одновременно усиливать контроль над распределением средств в «зонах благополучия» и увеличивать финансирование крайних колец. У нас же как все делается? Больше финансирование – больший процент, извиняюсь за выражение, «распила». Если бы эти деньги перенаправляли на развитие того, что нужно, а не на дизайн новых урн на Арбате, то, возможно, знаменитое соотноше-

ние 600 к 1 постепенно сократилось бы, причем как сверху, так и снизу.

Что вы имеете в виду под «как сверху, так и снизу»?

Сверху – это когда оптимизируют расходы в центральных районах, увеличивая эффективность и ужесточая антикоррупционный контроль, а снизу – увеличение бюджета на социальное развитие «бедных колец».

Ваша позиция по этому вопросу ясна, спасибо. Скажите, а каково ваше отношение к назревающему противостоянию с Китаем?

В том смысле, в котором сейчас эта тема будируется среди общественности?

Мне бы хотелось услышать лично ваше мнение, Владимир Освальдович. Основной экономический центр Российской Федерации – это Москва. 90% экономики сосредоточено именно здесь. Множество решений принимаются тут и с учетом интересов бизнеса, который находится в столице. Что бы вы предприняли на посту мэра для разрешения ситуации на местах в интересах Российской Федерации?

Анастасия, вы так интересно строите вопросы... Я, если честно, не понял, про какую ситуацию вы говорите. Мне не кажется, что у нас нарастает какой-то конфликт глобального порядка. Здравая конкуренция никому еще не навредила. Это говорит вам председатель совета директоров самой крупной корпорации в России. Моей целью на посту мэра станет улучшение качества жизни граждан, которые прожи-

вают за пределами Четвертого-Пятого колец. Западно-Китайская Империя в этом случае не оказывает никакого влияния на благосостояние наших граждан. Хватит искать врагов во внешнем мире, когда мы говорим о внутренней политике. Я досконально знаю, как устроен бизнес в нашей стране, а потому понимаю, как снизить в нем коррупционную составляющую. Касательно внешней политики – у меня отсутствуют политические амбиции в этой сфере, я не собираюсь вставлять палки в колеса нашему МИДу и Президенту, буду действовать в русле общих интересов.

Собираетесь ли вы как-то реформировать режим для иностранных представителей тех сфер бизнеса, которые составляют конкуренцию для наших основных локомотивов экономики?

Нет, не вижу в этом смысла. Уж точно не вижу никаких поводов для предоставления дополнительной поддержки на внутреннем рынке. В конечном счете это приведет к ухудшению качества выпускаемой продукции и требованиям еще больше нарастить дотации или закрутить гайки иностранным конкурентам. Тем не менее прошу заметить, что я сейчас не говорю об экспортной составляющей и малом и среднем бизнесе. Это отдельная тема для разговора.

Владимир Освальдович, многих волнуют вопросы, связанные с вашими детьми.

Прекрасно, я готов ответить на них.

Вы говорите о коррупционной составляющей и о том, что

хотите с ней бороться, однако в то же время ваш сын занимает должность топ-менеджера в «Госводороде». Не видите ли вы в этом противоречия?

Я бы видел в этом противоречие только в том случае, если бы Роберт Владимирович Чековский не справлялся со своими должностными функциями на 120%. Пока он работает за троих и результаты его труда увеличивают прибыль корпорации, я вижу это меритократией, а не коррупцией.

Ни в коем случае не хотела бы ставить под сомнение профессиональные компетенции Роберта Владимировича, я лишь хочу отметить, что в случае вашего успеха будет назревать конфликт интересов, ведь ваш сын, насколько мне известно, собирается идти вверх по карьерной лестнице и метит на ваше место.

Я действительно готовлю своего сына как преемника, однако, когда я займу пост мэра Москвы, моя почти вековая история с водородной энергетикой подойдет к концу. Свою долю в корпорации я постепенно продам на фондовом рынке. В таком контексте мои отношения с Робертом будут выглядеть абсолютно естественно для современной России: отец – политик, сын – руководитель корпорации. Разница в том, что Роберт Владимирович уже успешно руководит «Госводородом», а не будет назначен после моей победы. В то же время я знаю, как приумножить благосостояние не только в рамках Четвертого кольца, но и во всей столице. Не хочу никого задеть из действующей власти, прошу, пожалуйста, заметить.

Понятно, Владимир Освальдович, остается самый главный скелет в шкафу – это ваша родная дочь, ныне живущая в ЗКИ, которая известна своими недружелюбными, мягко выражаясь, высказываниями. Не считаете ли вы, что данное обстоятельство может быть большой проблемой для ваших политических перспектив?

С каких пор родственники за рубежом являются помехой для современного политика? Отвечая на ваш вопрос, скажу: нет, не считаю, это уже стухший инфоповод. Я не поддерживаю связь с Евой, как она себя называет, Юсинь. Кроме того, она публично отказалась от родства со мной. Мы живем в ХХІІ веке, такие печальные истории сплошь и рядом. Испытываю ли я какую-то вину в связи с этим? Да, это моя ошибка – вот так глупо потерять ребенка. Отражается ли это на том, какие решения я принимаю касательно управления «Госводородом» и буду принимать в будущем на посту мэра? Нет, об этом не может идти и речи. За 106 лет своей жизни я научился разделять вещи на теплые и фиолетовые. К тому же у меня все еще остался сын, который поддерживает и текущую политику государства, и делает для страны очень важные вещи.

Запись материала для подготовки интерактивного предвыборного интервью Чековского длилась около 45 минут, в течение которых Анастасия Рубен пыталась найти вежливый подход и хоть как-то пробить многослойную броню кандидата в мэры, однако опыт старика и несокрушимая уверенность

ность в себе не оставляли молодой журналистке ни шанса.

Владимир Освальдович, благодарю вас за уделенное время. Было большой честью иметь с вами разговор.

Благодарю вас, Анастасия, мне тоже было приятно с вами пообщаться. До свидания.

Эфир окончен, Владимир Освальдович. Техника показывает, что необходимые паттерны поведения сняты. Ждем информации от вашего штаба по ядру когнитивной позиции. Ориентировочно генерация продукта займет три рабочих дня. Понимаю, что ваше время очень ценно, поэтому не смею больше вас задерживать. Я провожу вас.

Нет, благодарю, я запомнил планировку здания. Саша! Мы закончили, дай мне телефон. – Чековский поднялся с кресла.

Пожалуйста, Владимир Освальдович, – передал олдскульное устройство своему хозяину водитель-помощник и встал по струнке. Чековский набрал номер и приложил телефон к уху. Затем, прощаясь, махнул рукой в сторону Анастасии и направился к выходу.

Слушаю тебя, родственничек! – послышалось с другого конца.

Привет-привет, я направляюсь в «Триумф», буду в течение 20 минут.

Хорошо, я тут в ресторане на втором этаже, на нашем месте, жду тебя.

Понятно, давай. – Владимир положил трубку. – Саша, на-

правляемся в «Триумф».

Принято, – по-военному ответил Александр.

Чековский и Александр вышли на улицу. Погода в очередной раз обрадовала жителей своими выходками в виде внезапного дождя с туманом. Водитель раскрыл зонт и укрыл «хозяина» от непогоды. Владимир Освальдович двинулся к припаркованной напротив машине, сел на заднее сиденье и занялся своим любимым ежедневным делом.

– Привет-привет-привет! Это я, Ева Юсинь, узнали? Представляете, сегодня проснулась, а под дверью у меня не представляете, что лежит! Это самые новые смарт-очки от большого папочки из «Тянься Чаоцзи Кунчжилунь»! Да-да-да, вы не ослышались! И они просто невероятные! Теперь-то у бедняжек конкурентов из этой вонючей России больше нет никаких шансов, плак-плак-плак...

Владимир Освальдович, подъезжаем через одну минуту, – вторгся в идиллию старика Саша.

Печально. Ну что ж поделать, времени нет.

Из окна люксового авто, числящегося на балансе «Госводорода», виднелось монументальное здание. В такую погоду оно смотрелось еще более грозно и убедительно. Черный мрамор и золото словно смешивались с осадками и образовывали новый химический элемент, скорее всего, имеющий какое-то грандиозное название.

Автомобиль подъехал к главному входу. Сашенька вылез из машины и с зонтом подбежал к пассажирской двери, за-

тем сопровождал Чековского до швейцара-человека, возможно, единственного в Москве, ожидающего уже с другим зонтом. «Триумф» славился своей данью традициям и использованием антропоморфного труда наивысшего класса.

Владимир Освальдович, мы рады вновь видеть вас в «Триумфе»! Чего изволите пожелать? – встретила очаровательная хостес VIP-гостя.

Добрый день, у меня встреча, спасибо, – практически не обращая внимания на персонал, направился к ресторану руководитель «Госводорода».

Денис Васильевич Харис, его неспадающая улыбка, а также два тяжело аугментированных телохранителя за соседним столиком ожидали Чековского. Старик не спеша подошел к компании.

Володя! Ну здравствуй! – полез обниматься «символ эпохи».

Привет, – спокойно и дружелюбно ответил на легкие «родственные» объятия Владимир, затем присел за стол.

Ну как прошло твое интервью?

Взял фигуру – ходи. Есть правила игры, которые нужно соблюдать. Команда, естественно, еще посмотрит качество съятия меток. В начале следующей недели выйдет в общий доступ. Так что заходите, пожалуйста, сможете пообщаться с моим цифровым двойником на любые политические темы, он вам объяснит, почему нужно голосовать за меня, и прояснит по всем вопросам. В общем, все в рамках запланиро-

ванного, но никакого удовольствия от процесса я не получил. У тебя что нового?

Ха-ха-ха-ха, за это я тебя и уважаю, Володя, исключительный прагматизм. Пусть даже со своим специфическим взглядом на мир, но зато ты очень последовательный. А я вот только после собрания Совета. Опять выслушивал примитивные мысли о том, что нужно вкладываться в рекламу, делать ребрендинг и сокращать инвестиции в НИОКР. Даже не понимаю, для чего я содержу всех этих идиотов, которые думают, будто я создал компанию не для движения человечества вперед, а для зарабатывания денег. Абсурд же?

Если бы я не знал тебя лично в той мере, в которой знаю уже 15 лет, то я подумал бы, что как раз таки абсурд – думать наоборот. Бизнес создают, чтобы зарабатывать на нем. Таких визионеров, как ты, не особо много по земле ходит.

Володя, дорогой, ну мы же не того сорта люди, чтобы думать о том, где нам будет теплее и сытнее. Зачем мы на свете-то живем?

Мне свою философию можешь не объяснять, я ее и так разделяю. Тем не менее без финансов далеко не продвнешься, Денис. Вполне логично, что функционеры ждут от корпорации прибыль, а не радужных обезьянок.

У нас и так все в порядке, ты не понимаешь. Ну да, падает прибыль, все из-за того, что эти ЗКИшные подделки заполонили рынок. Но это все абсолютно неважно, они лишь копируют мейнстрим, а не видят будущего. Я вижу будущее,

я знаю, что нам всем нужно, – с полной уверенностью в своем величии заявил Харис.

Громко.

Ха-ха-ха-ха! Возможно, но иначе дела с места не сдвигаются. Ну ладно, давай к делу. У меня к тебе инвестиционное предложение. Хочу вложиться в акции своего будущего свата. Вы хорошо растете, а пока французский проект еще не стал достоянием общественности, самое время закупить немного. Заодно укрепим фундамент будущих родственных связей. Что думаешь?

Быстро ты, – попытался изобразить удивление Чековский.

Не первый год знакомы же, че ходить вокруг да около. Ни у тебя, ни у меня времени на сантименты нет.

Про время я с тобой согласен. Интересное предложение, конечно... Не сказал бы, что я этого не ожидал, даже сам подумывал. Честно тебе скажу, я одобряю такую идею на условиях взаимности обмена активами по их доле в общей капитализации, конечно же.

Ну разумеется, Володя! – Харис театрально развел бионическими руками в стороны.

Вопрос в том, что в скором времени мне потребуется отойти от дел в «Госводороде». По закону за три месяца до регистрации в качестве кандидата мне необходимо избавиться от блокирующего пакета акций, а также предоставить документ транзита с назначением временно исполняющего обязанности СЕО. Сейчас я обладаю 30%-ной долей, соби-

раюсь отдать во владение Роберту 22%, остальное пустить в свободное обращение. Так у него будет наибольшая доля из всех среди крупных акционеров, что даст возможность спокойно управлять корпорацией. Вот эти 8% вполне можно обменять по рыночной цене на долю в «РКС». К слову, передачу моей доли планировали осуществить на следующей неделе, как только наши голубки вернутся из своего европейского круиза.

Хм, здравый план ты наметил. Ну что ж, я вполне с большим удовольствием приватизировал бы эти 8%.

Ну хорошо, давай ориентироваться на конец следующей недели. В обмен жду равную долю плюс коррекцию ликвидностью по текущей рыночной стоимости.

Все четко и быстро, даже торговаться не пришлось, ну что ж, договорились, стало быть?

Да какие уж тут торги, полюбовная сделка разве что. Откровенно говоря, я сильно устал считать деньги «Госводорода», хочется заняться чем-то общественно важным, а не разгребанием корпоративного дерьма. Кроме того, дисконта не жди, все по текущим котировкам.

Стареешь, Володя, стареешь. Меня все устраивает. Меняем 8% на 8% плюс коррекция, значит.

Хах... Пора бы уже перестать молодиться. – Чековский задумчиво взял кружку с ягодным чаем и посмотрел в окно. – Да... Я не вижу причин этого не сделать. Совместим приятное с полезным.

Ну и замечательно. Кстати, ты говоришь, что хочешь заниматься чем-то общественно полезным, а в отдельных экономических зонах хочешь ослабить импортные пошлины на ЗКИшное барахло, как это у тебя в голове сочетается друг с другом?

Ну хорошо... Давай поговорим о политике... – Чековский сделал глоток и откинулся на спинку кресла. – Поясни свой посыл: что с чем должно сочетаться в моей голове?

Либерализация приведет к падению национального производства. Это же как два плюс два.

Ты не замечаешь, что эти пошлины каждый год все выше и выше, а с той стороны такая же ответочка прилетает? Думаешь, эти поборы нужны для защиты бизнеса внутри страны?

Дай угадаю: следующая реплика будет про коррупцию и оптимизацию госрасходов.

Именно так. Ты прекрасно знаешь всю мою риторику, при этом я до сих пор не услышал, с чем конкретно ты не согласен.

Я твердо уверен, что импорт наводнит наш рынок до краев и после таких решений все мы в этом дерьме захлебнемся. – Харис расслабил ладони и положил их на стол, словно захватывая пространство.

Слушай, я, уже будучи вполне самостоятельным человеком, воочию убедился, к чему приводила так называемая шоковая терапия прошлого столетия в Латинской Америке. Никаких резких скачков не будет. Я не собираюсь рубить все

на корню одним днем. Бюджет Москвы сверхприбылен, пошлины надо срезать вместе с налогами, у нас все до невозможности зарегулировано, как будто ты сам этого не знаешь.

Мы же не про экономическое фиаско с бензопилой говорим, умалишенные проекты по распродаже всего госимущества, надеюсь, в твои планы не входят.

Да, ты уловил мою мысль. Она буквально написана на моем предвыборном портале.

Хорошо, ты говоришь про урезание пошлин и налогов, но это ведь как взять отрезок на числовой прямой, с одной стороны добавить два сантиметра, а с другой вычесть, итоговая длина не изменится.

Это называется демагогия, если так желаешь, то я могу тебе подыграть. Длина отрезка, возможно, не изменится, только он фактически переместится подальше от нуля. Ну о чем мы говорим? Ты же прекрасно знаешь размеры откатов на сертификацию новой продукции. Для тебя сам факт существования таких коррупционных механизмов не возмутителен?

А к чему это? Сколько ни лей в эту бездонную бочку за Седьмым кольцом, Кремлем она не станет. Борьба с коррупцией породит лишь ее видоизменение.

Прекрасно, это дорога в никуда, и это «никуда» наступит лет через пять.

Что ты имеешь в виду? – прищурившись, спросил Харис. Мы сейчас пытаемся закрыться от всего мира и при этом

сдерживаем самих себя внутренними рестрикциями и откатами. Запас прочности не вечен. Рано или поздно экономические меры перестанут оказывать значимый эффект. Тогда нас просто сметут, и поможет нам в этом случае только атомная война. Хочешь как на Ближнем Востоке сорок лет назад?

Понимаю... То есть тобой движут сугубо государственные идеалы, а не желание помочь планктону в районе Клима?

В личной беседе я скажу тебе, что меня не волнует судьба Ивана или Майка в каком-нибудь гетто. Я думаю о будущем страны, но голосовать за такие лозунги никто не пойдет.

Ха-ха-ха-ха, согласен, Володя, убедил! – Харис хлопнул рукой по дивану. – К тебе сложно подкопаться, уверен, что все получится лучшим образом в рамках тобою задуманного! Но это переливание воды из одного стакана в другой. Суть формы организации нашей с тобой жизни как биологического вида не меняет. Нужно идти дальше.

Ну хорошо, я рад, что у меня появился еще один политический апологет. Тем не менее мне сложно осознать идею, что политика должна изменить образ человеческой жизни как целого вида. Поясни тогда, как нам исправить этот чахлый мир. Что мне, в частности, и нам всем, в общем, нужно? – Чековский ухмыльнулся и подлил себе чайку.

Володя, тебе уже ничего не нужно, ты в политику идешь в свои сто с небольшим. Ха-ха-ха-ха, шучу, конечно! Очевидная вещь нам нужна. Она очень болезненна, но без «предварительных мук», а-ха-ха-ха, она еще не происходила.

Ну заинтриговал, допустим.

Послушай тогда! В какой-то момент мы взяли и победили природу. У нее просто закончились испытания для человечества. Мы, черт возьми, даже потоп очередной пережили и понемногу перебрасываем свои вещички в далекий космос. Эволюция, Володь, эволюция. Именно она нам нужна.

Господь Бог... – Владимир потер глаз и посмотрел в окно. – Я за свой недолгий век так и не заметил четкой даты, когда трансгуманизм стал превращаться в религию.

Дорогой родственник, прошу тебя не примерять на мой образ такие понятия. Я говорю о том, что с тех пор, как человек приручил огонь и собаку, мы не продвинулись ни на шаг в своем физическом облики. У нас просто нет стимулов как-то измениться.

Сказал тот, кто почти полностью состоит из искусственных материалов, – возразил Чековский и глянул на таких же искусственных телохранителей Хариса.

Единичные мутации не являются трендом эволюции, кроме того, это всего лишь так называемая «паллиативная терапия». Принципиально ничего не изменилось. Я все так же, как и планктон за Седьмым кольцом, думаю и размышляю, движимый целями из каменного века. Как бы я ни старался от этого уйти, мне все так же нужны признание, власть, авторитет и оценка общества. Мне! Объекту, который уже мало похож на кроманьонца, – начал развивать свою мысль Денис Васильевич, активно жестикулируя.

Что тогда в твоём понимании будет эволюцией? – как будто заинтересовавшись, спросил Владимир Освальдович.

Ну скажем... Отречься от своих пороков.

Хах, Денис, вся история говорит нам о том, что люди декларируют отречение от своих пороков. Для этого есть общественная мораль. Однако пока что я не заметил хоть сколько-то значимых результатов. Напротив, с каждым днем мы все дальше и дальше от... Бога, наверное, если угодно.

Именно потому, что мы победили этот мир, стали им крутить, вертеть и надругались над ним. У нас банально закончились причины стать чем-то большим. Эволюционировать. Вседозволенность от безграничных возможностей, Володя, нам ни к чему молиться богам и взывать к морали. Мы сами давно уже боги. Нам даже еда не нужна, 90% всех живущих на земле жрут питательные массы со вкусом хер-пойми-чего. Где в этой системе координат должно затаиться развитие человеческого вида?

Эволюцию человека как производство им культуры, науки и прочих достояний ты отказываешься воспринимать?

Все это лишь гротескная форма кокоса и палки в руках бабуина, который стучит по нему в надежде расколоть.

Ясно, социальная эволюция взаимодействия между людьми тоже отмечается, видимо.

Володя, это целенаправленная тысячелетняя деградация, а не эволюция. Мораль – это миф античности.

Прекрасно. Пусть так, тогда где в твоём плане заканчива-

ются идеалы и начинается практика?

Н-да... Практика, – повторил Денис Васильевич и на мгновение погрузился в свои мысли.

Ну так?

Практика – это, скорее, уже финальный штрих, последний аккорд. Сейчас важна сама идея, и ее выработка, наверное, – это самая сложная задача, с которой я когда-либо сталкивался. Я полагаю, что нам нужно стать чем-то бóльшим, чем человек.

Я уверен, что в твоей гениальной нашпигованной по самому последнему слову техники голове точно родилась эта самая идея.

Да, и я к ней очень долго шел. Начну издаleка. Знаешь... У меня в доме стоит серпентарий... Или как он там называется. Гадюшник, одним словом. Большая коробка со стеклянными стенами. Так вот в этом гадюшнике у меня муравейник. Самый настоящий, с живыми насекомыми. Он очень большой, примерно четыре на четыре метра. Там стоит сенсор, который отслеживает передвижение каждого муравья и рисует трехмерную карту. Я очень часто наблюдаю за этими насекомыми и поражаюсь тому, насколько един их муравейник. Он буквально живой организм, где каждый муравей – это какой-то конкретный орган; и все это несмотря на его космические, по сравнению с отдельно взятым насекомым, размеры. У них нет морали, религии, судов, выборов и прочей никому не нужной ерунды. Муравьи не мечтают о преле-

стях органической пищи и новых моделях секс-ботов, сидя в своих стоэтажных клоповниках за Десятым кольцом. Они и без того понимают, что, как и зачем делать.

Денис... Ты в своем очередном проекте хочешь скрестить человека и муравья? Выдвижные антенны и кислотные железы? – съязвил Чековский.

Тебе смешно, потому что ты никогда не задумывался о том, что будет, если у человечества тоже появится коллективный разум. Не глобальная сеть с мемами и фейками, рекламой новых электрических гениталий и недельного отпуска в комнате дополненной реальности. И даже не иллюзорное подобие души человека в виде бота с искусственным интеллектом. А самый настоящий общий, коллективный разум, – с какой-то инфернальной одержимостью произнес Харис.

Да уж, полет твоей фантазии не ограничивается пределами обозримой вселенной. У нас ведь есть глобальная сеть, мы и так целиком и полностью обладаем единым разумом. Зачем далеко ходить? Алгоритмы будут подкидывать рекламу моего сегодняшнего интервью, основываясь на пассивных процессах мозга пользователей. Их сознание этого еще не осознало, а реклама уже есть.

Владимир Освальдович, это информационный шум, а не общий разум. Глобальная сеть – просто апофеоз банальных человеческих сплетен, перемешанный немного с научными базами данных и так называемым искусством. Я говорю о том, что, например, мы бы сейчас с тобой сидели и не спо-

рили, выясняя, кто прав, а думали одни и те же мысли. Выполняли одну и ту же задачу. Стремились к одним и тем же целям. Ты представляешь, какого величия и в какие краткие сроки мы бы достигли, если бы каждый индивид, считающий себя пупом земли, не тянул бы одеяло на себя?

Ты хочешь сказать, что в твоём понимании очередной ступенью эволюции человека будет общий мозг на всех приматов? Мы должны стать роем каких-то жуков?

Ага! Ну не жуков, конечно. Не надо опошлять! Мы просто должны быть... Ну чем-то вроде нейросети. Сложнее чуть-чуть, но головы людей буквально и фигурально нужно использовать в качестве вычислительных мощностей одного суперкомпьютера.

Ебануться... Ты это серьезно? – медленно проговорил старик, последний раз использовавший скверную лексику в 2101 году.

Чековский откинулся на спинку кресла и задумался. Безумная мысль превратить людей в одну «нейросеть» ради эволюции *homo sapiens* в какое-то новое *homo collectivum* из уст человека, который дальше всех ушел от изначальной задумки природы, звучала ужасающе.

Ха-ха-ха, Володя, ну ты не переживай так, мои фантазии и реальность часто бывают параллельны друг другу, как бы я ни хотел их перпендикулярности. Зато какую интересную «пищу» для размышления я тебе приготовил. Правда ведь? – резко съехал с темы Денис Васильевич, увидев реакцию

собеседника.

Харис на секунду прервался, а роговица в его глазных имплантах покрылась белизной.

Опа, погоди, входящий звонок от наших голубков, – воскликнул он.

Привет передавай, – прокомментировал Чековский и сделал глоток чая.

Да, Эльзочка, слушаем тебя! – сказал Харис и поставил на стол устройство, проецирующее картинку видеозвонка на поверхность.

Алле, о, вы все в сборе? Кла-а-асс! Роби, иди сюда, пожалуйста! – высоким голосом прощбетала Эльза.

Парочка на другом конце провода сидела в ресторане рядом с туристической пристанью порта французского Лиона, готовясь взойти на судно для дальнейшей отправки к месту экскурсии. Роберт потреблял какой-то контент через смарточки, а Эльза улыбалась в камеру.

Роби, ну отвлекись немного, помаши ручкой, пожалуйста! – недовольно сказала девушка.

Привет-привет! Как там у вас погодка? – посмотрел в камеру Чейз.

Да прекрасно, дождик капает, а так ничего страшного. Вот сидим в «Триумфе» с дядь Володи, важные дела обсуждаем! Как там ваше погружение, все затонувшие улицы Парижа уже успели посмотреть? – весело ответил Харис.

Нет еще, пап, вот только готовимся к отправке через час,

сидим в ресторане, посмотри, какой отсюда вид! Во! – и Эльза направила камеру на окружение.

Шикарно, надо в таком же стиле столовую в «Госводороде» сделать, – включился в диалог Чековский.

Володь, тебе-то зачем эта Франция, ты же в Париже до пота бывал, не помнишь вкус вина и лукового супа на Елисейских полях?

Не помню, если честно, я там был в командировках, но на осмысленные гастрономические экскурсии времени особо не оставалось.

А мы, кстати, как раз его и заказали! Я сначала не поняла, что это такое, но потом Роби сказал, как нужно его есть, и мне понравилось, хочу, чтобы дома такой же готовили! Зай, ну скажи что-нибудь, ну, – ткнула Эльза в плечо Чековского-младшего.

Тут очень жарко! Прямо невыносимо уже, скорее хочу под воду. Еще мне каждую минуту рабочие вопросы прилетают, Арышев не справляется, не дают спокойно отдохнуть, – с великим усилием проговорил Роберт.

Ну ты же незаменимый сотрудник, а представь, сколько нагрузки будет, когда папку на посту сменишь, что тогда будешь делать? – с улыбкой спросил Харис.

Тогда у меня будет еще больше замов, так что все будет хорошо.

Ой, ну ладно, все такие занятые, нам скоро отбывать, обнимаю и целую вас, пока! – завершила звонок Эльза и сра-

зу обратилась к будущему супругу: – Ну хватит ковыряться уже, скажи что-нибудь, Роб.

Эльза, что ты хочешь от меня услышать? Через час взойдем на борт, а пока мы сидим тут, я пытаюсь не умереть от жары. Каждое слово дается с трудом, хочешь, чтобы я страдал?

Зайка, ну не умирай, осталось совсем чуть-чуть потерпеть. Ты такой грустный весь день ходишь, я начинаю думать, что мы зря поехали!

Нет, все хорошо, просто прижарило немного, импланты сильно нагреваются, надо чего-нибудь ледяного заказать.

Чейз удаленно сделал заказ безалкогольного мохито, и бот-официант принес его в течение минуты. В целом весь этот элитный ресторан, в котором сидела парочка, близ Католического университета Лиона, целиком и полностью управлялся автоматизированно. Вместо поваров работал кухонный механизированный блок с искусственным интеллектом, занимающий всю комнату, результаты деятельности которого вполне себе походили на работу элитного шефа.

Предлагаемые блюда подбирались на основе индивидуальных предпочтений каждого посетителя, конечно же, если он предоставлял доступ к своим персональным данным. Доставку продукции из кухонного блока до столиков осуществляли антропоморфные роботы-девушки, улыбающиеся во все свои 32 пластиковых зуба.

Тем не менее о принадлежности данного места к челове-

ческой цивилизации все же напоминал наследственный владелец заведения – дядюшка Жерар, незаметно наблюдавший за обстановкой, сидя за столиком в углу. Нельзя было сказать, что ресторан выглядел безжизненным или слишком металлическим. Он просто шел в ногу со временем. Органическая еда здесь была сделана поистине «с любовью», сервис никогда не давал сбоев, шумных компаний быдла с городского дна здесь появиться не могло никогда, а сам факт траты денег в таком элитном месте уже заставлял посетителя думать, что он культурно обогатился.

Неутолимое желание Эльзы поболтать все же лопнуло. Пожалев своего будущего супруга, глядя на его страдания, она решила пойти поговорить с владельцем заведения. Легкой походкой девушки на отдыхе она приблизилась к столу интеллигентного француза.

Здравствуйте, прошу прощения, что отвлекаю вас, просто хотела сказать, что у вас очень интересное заведение! – выпалила Эльза, не зная, с чего начать диалог.

Бонжур, мадмуазель! Не волнуйтесь, вы не можете отвлекать меня своим разговором, наоборот, я очень рад поддерживать с вами беседу. Сердечно благодарю вас за комплимент, очень рад, что вам понравилось, – ответил Жерар, используя автоматический синхронный перевод.

А-ха-ха, а как вы поняли, что я мадмуазель, а не мадам?

Очень просто, женатых людей сейчас днем с огнем не сыщешь, а вы и ваш месье за целый час пребывания за одним

столом до сих пор еще не поругались. Значит, не так уж друг другу надоели!

А-ха-ха-ха-ха, это правда, ну мы планомерно идем к этому. В смысле к тому, чтобы я стала мадам, а-ха-ха-ха! Вот приехали в романтическое путешествие посмотреть Францию.

Что ж, это прекрасно! И как вы находите Лион, не слишком жарко?

У вас тут очень мило, но осень немного жаркая, да. Боюсь представить, как тут летом. Вот мой Роберт весь день страдает. Решили заглянуть к вам, чтобы переждать жару перед поездкой, но вы нас еще и приятно удивили своей кухней, а-ха-ха-ха!

Рады стараться, это заведение работает со времен молодости моего прадеда, что мы только ни повидали. Но прошу отметить, всегда шли в ногу со временем. Скажите, если не секрет, мадмуазель, а куда же вы направитесь дальше?

Мы поедем смотреть на затонувшие руины Парижа!

Да... Я так и думал. – Глаза Жерара на мгновение окутались глубокой печалью и тоской, но профессиональная выдержка не позволила дрогнуть ни одному мускулу на его лице. – Париж, великий город того мира, который мы никогда больше не вернем, как бы ни старались. Он до сих пор хранит в себе крупницы истории и культуры Франции, хотя уже вовсе и не дышит ею, как раньше... – обронил Жерар, вспоминая свои университетские годы в Сорбонне.

Странное чувство вдруг коснулось души Эльзы. Сострадание и грусть охватили легкомысленную девушку, которая за все время поездки не могла и подумать, что экскурсия по затонувшим столицам прошлого – это не только приятное времяпрепровождение в батискафе с чудной картинкой за бортом, но и созерцание великой утраты.

О, прошу меня простить, я не хотел вас печалить, мы тут в Лионе часто бываем слишком сентиментальными. Давайте я развею эту мимолетную грусть нашим фирменным десертом за счет заведения!

Благодарим вас, но нам уже пора уходить, наше судно отправляется через 40 минут, нужно явиться на посадку немного заранее, – вмешался в разговор Роберт, произнеся фразу на чистейшем французском языке.

Жерар опешил на доли секунды, услышав от иностранца идеальную родную речь без машинного перевода.

Прошу, месье, позвольте мне угостить вас! – искренне предложил хозяин ресторана.

Спасибо вам, но мне кажется, вы подкинули нам нечто гораздо более ценное, чем главный гастрономический изыск вашего заведения. Пища для ума ценнее, чем мирские удовольствия, – проговорил Чейз, глядя на неожиданно задумчивое лицо своей пассии.

Пара вышла из заведения и, укрываясь зонтом от испепеляющих солнечных лучей, двинулась к причалу. Улицы Ли-

она блестяли от чистоты, а великолепное состояние домов и восстановленная архитектура старинного стиля ласкали взоры немногочисленных туристов. Однако какое-то странное и сперва непонятное чувство насквозь пропитывало атмосферу города. Казалось, что ни inferнальная жара, ни отсутствие толп людей на тротуарах не были причиной этому ощущению, проблема таилась в чем-то другом. Созерцая окружение, молодые люди почти десять минут шли в полном молчании.

Не могу понять, как будто бы чего-то не хватает тут, да? – наконец заговорила Эльза.

Ага, тоже почувствовала, да?

Я все думаю о словах хозяина заведения про Париж, вроде бы ничего и не сказал такого, но по глазам было видно, что он очень грустит. Я уже жалею, что подошла к нему.

Хах, ну в следующий раз не будешь разговаривать с незнакомцами.

Ну Роберт, я серьезно!

Да я понимаю, о чем ты. Вроде красивый город, весь причесанный такой, а ощущение, будто на похороны пришли. Зброшенность... Нет, заброшенность – это когда никто не следит за состоянием. Тут скорее покинутость и обреченность.

Наверное, да. Солнце светит как не в себя, а счастья все равно нет.

Ладно, вон, смотри, почти пришли. – Чейз ткнул пальцем

в сторону причала.

Ура-а-а-а! Сейчас поедem! – приободрилась девушка.

Парочка подошла к пропускному пункту VIP-обслуживания, Роберт сбросил боту-регистратору билеты на фамилии «Чековский, Харис», и они вошли в зал ожидания. На входе их ожидала реальная француженка, которая после нескольких реплик провела гостей в зал.

Помещение было выполнено в таком же сдержанно холодном стиле, при этом довольно «люксовом», как и ресторан дядюшки Жерара. В зале присутствовал бар, несколько столиков, ряд бархатных диванов и кресел. Чейз подошел к бару и взял два бокала шампанского, затем направился к уже развалившейся на диване Эльзе. Чокнувшись бокалами, парочка без слов уткнулась в свои гаджеты.

Сидим ждем посадки. – Чековский-младший сделал фотку зала с бокалом в руке и отправил сообщение Юноне и Эдуарду.

Блин, а с вами можно? – ответила Юнона.

Хах, давай лучше толпой в следующий раз поедem посмотрим на Нью-Йорк.

Да ты так всегда, только обещаешь покатать на своем зеленом авиадрандулете, а потом «сори, у меня совещание». НО НЬЮ-ЙОРК мы с Эдиком ждем! Хорошо вам провести время, потом обязательно фотки скинь! Все, у меня живой эфир, побежала, – написала Юнона и отключилась.

Эдуард ничего не ответил, видимо, был занят по службе.

Чейз сделал глоток шампанского, откинулся назад и закрыл глаза. Всего на мгновение ему показалось, что бесконечные заботы топ-менеджера одной из самых крупных мегакорпораций в мире наконец-то куда-то улетучились, оставляя место для жизни обычного живого человека.

– Attention aux invités VIP. Vous pouvez vous rendre à la porte 5 pour monter à bord du SM-003. Attention, VIP guests. Please proceed to Gate 5 to board the SM-003. #####
#####5#####SM-003# Вниманию VIP-гостей. Вы можете пройти к выходу 5 для посадки на борт SM-003, – прозвучало объявление из динамиков, разбавленное легким музыкальным сопровождением, и уведомление о посадке на субмарину упало на смарт-очки Чековского. Пара вальяжно поднялась с дивана и направилась к выходу. За окном виднелась пристань, у которой стояла ослепительно белая 15-метровая яхта-субмарина с обитаемой верхней палубой, отделанная дорогими лазурными элементами.

Ва-а-у-у, смотри-и-и, мы на этом поплывем, да? Как круто-о-о, – с изумлением проговорила Эльза и крепко сжала руку Роберта.

Ага, красавец какой, – улыбнулся он.

Пара вышла на причал и поднялась на борт. На палубе стоял капитан и команда из нескольких ботов, любезно приветствуя и показывая, где можно расположиться. Помимо Чейза и Эльзы на судно взошли еще до десятка богато одетых человек с пафосными лицами. Спустя несколько мгновений

вся публика собралась на палубе для короткого инструктажа. Гостей попросили не прыгать за борт во время надводного путешествия и не выламывать двери изнутри, когда будет происходить погружение. С очень усталыми и надменными лицами VIP-пассажиры изобразили недовольное соглашение и стали разбредаться кто куда. Судно сдвинулось с места.

Роберт направился на нижнюю палубу, расположенную ниже ватерлинии, держа под руку свою спутницу. Внутри гостей ожидал ресторан и огромные иллюминаторы с умным стеклом, через которые было видно на приличное расстояние под толщей воды. Пара села за столик в углу, Эльза стала любоваться видом подводного мира, а Чековский осматривать внутренности субмарины, проверяя «на глаз» безопасность конструкции. После недолгой паузы он подозвал бота-официанта и заказал очередную порцию шампанского.

Роби, ну а че мы тут уселись, пошли наверх, надо же на город посмотреть, шампанское там попьем, – сказала Эльза.

Чековский молча кивнул и, только сев, снова медленно поднялся с места. Не успел он сделать и двух шагов, как ему перегородил дорогу крупногабаритный азиат с надменным выражением лица. Мужчина был слегка выше и крупнее Чейза. В его ушах торчали сережки с каким-то ярко-синим камнем, на руке красовались старинные механические часы, а сам он решил, что классический костюм-тройка ультрадорогого западно-китайского бренда «Чжунъян чжуньи» – это

отличный выбор для яхтинга в сорокапятиградусную жару.

Роберт Владимирович? Какая встреча, не ожидал вас тут увидеть. Решили позлорадствовать, любуясь из иллюминатора на виды смытой в утиль вражеской цивилизации? – заговорил он, умудряясь задрать подбородок так высоко, что линия его глаз оказалась выше макушки сына владельца мегакорпорации.

С ума сойти можно, как тесен мир... Разделяю ваши чувства, господин Хань, тоже удивлен. Вот, со своей будущей супругой решили немного отдохнуть от Москвы. Это Эльза.

Эльза Харис? Дочь того самого Дениса Хариса? Очень интересно. Меня зовут Хань Шаосинь, – мужчина обратился к девушке.

Здравствуйте, да, это я. Мне тоже приятно, – кротко ответила Эльза и потупила взгляд.

А вы какими судьбами, опять интриги плетете на чужой земле? – съязвил в ответ Чейз.

Ха-ха-ха, да, конечно, плету, Роберт Владимирович. Слышал, что обнародование вашего соглашения с французами состоится уже в этом месяце. Наверное, проплывая мимо земель Лиона, приятно осознавать, что скоро все эти территории будут фактически под вашим контролем.

А вы всегда так бесстрашно делитесь своей осведомленностью о наших планах?

Да разве это секрет? Не смешите меня. Вам не о чем переживать, до наших источников вам все равно не дотянуть-

ся, Роберт Владимирович.

Я привык создавать что-то самостоятельно, а не красть у других, так что и не думал переживать насчет ваших методов работы. Кстати, насчет территорий Лиона... Ваше кроважадное мышление рано или поздно поможет нажить таких соперников, которых одним пафосом и напыщенностью точно не удивишь. Я предпочту иметь много друзей, а не врагов. А сейчас мы вас покинем, господин Хань, желаю хорошо провести время!

Дружба нужна слабым особям, чтобы безуспешно защищаться от тех, кто может в одиночку взять свое силой. Успехов, Роберт, еще увидимся!

Чейз немного нервно взял Эльзу под руку, и они поднялись на верхнюю палубу судна. Выйдя на свежий воздух, парочка подошла к бортику и облокотилась о него. Несколько минут прошло в полной тишине. Чековский пытался прийти в чувство после короткого диалога со своим конкурентом. Было очевидно, что взаимодействие с рослым хамоватым азиатом далось Роберту нелегко. Оставалось загадкой: было ли дело в какой-то неуловимой сокрушающей энергетике, исходящей от него, или же Чейз просто стал слишком активно думать про перспективы успеха французского проекта. Спустя несколько мгновений Чековский смог взять себя в руки и немного расслабиться.

Роби, кто это был? Какой-то очень неприятный тип, – тактично решила начать диалог Эльза.

Это заместитель генерального директора по вопросам безопасности китайской водородной мегакорпорации «Шэньси Циннэн» Хань Шаосинь. Звучит так, будто он руководит охраной предприятия, на деле же он занимается корпоративным шпионажем, вымогательствами, похищениями, лоббизмом и прочими мерзкими вещами. Отвратительный надменный человек, психопат, садист и просто мудака.

О боже, а по виду и не скажешь, одет как типичная большая шишка.

Ну а как ты думала, он будет выглядеть? Притащит сюда пистолет с глушителем?

Даже не знаю...

Вот он такой и есть, пафосный, наглый и хамоватый. Любителю выдумывать философские цитаты на ходу с каким-то тройным дном.

Ну да, я так и не поняла, к чему это он про дружбу начал.

А еще его компания – это наш основной и единственный конкурент, и чувствую я, что он приехал во Францию не просто так. Думаю, что наша встреча и правда оказалась случайной и он предпочел бы не показываться вот так вот передо мной, но получилось, как получилось. Да уж... куда мы денемся с подводной лодки, не жизнь, блять, а анекдот. Ладно, давай постараемся его не замечать, чтобы не портить себе настроение. Вон, смотри, какие горы красивые, Вершины Лиона называются!

Эльза воздержалась от комментариев и просто обня-

ла своего будущего супруга, заинтересованно вглядываясь вдаль. На верхней палубе играла легкая музыка, а роботизированные официанты разносили напитки и канапе. Вскоре судно отошло за границы города и стало двигаться по водам Сены, которая после 2084 года слилась воедино с Роной.

Милый, скажи, а почему все так получилось? Неужели никто заранее не смог предвидеть, что все вокруг затопит?

Хах... предвидели, да причем о рисках потепления говорили из каждого утюга. Все же думали, что раз процесс таяния льдов происходит не очень-то быстро, то и к потопу успеют подготовиться. Ага, только вот никто не учитывал возможность техногенных катастроф. Ну и в 70-х годах во время очередной войны на Ближнем Востоке произошла крупная тряска Аравийской тектонической плиты. Шарахнуло не по-детски, по всей видимости. Это запустило целую череду землетрясений по всему миру и изменение рельефа в Индийском и Атлантическом океанах. Потом, как оказалось, это прорвало резервуары с подземными водами. Ну и че сказать-то... Никто не ожидал, что там целый шестой океан под нами находится. Это все вылилось в Мировой океан и подняло морскую линию выше ста метров. Библейский потоп, буквально... Отец рассказывал, что причиной смещения плиты стал подземный ядерный взрыв, что-то вроде диверсии. Как ты понимаешь, о реальных событиях того времени никто публично не распространяется и в учебниках по истории об этом не пишут. Ну а современному человеку ни-

чего, кроме рекламы и новых электронных прибулуд, ничего не нужно, куда уж думать о правде и первопричинах.

Как-то все глупо получилось, неужели это было неочевидно?

А в этой жизни на этой земле бывает что-то не глупое и неочевидное? Мы все очень здраво рассуждаем о событиях прошлого и даем бесценные советы задним числом. Вот в

70-х точно так же рассуждали перед тем, как подорвать подземный склад с ядерными боеприпасами. Тем более никто и не думал, что это каким-то магическим образом повредит мантийной скважине типа DEEP FLAME.

Солнце встало в зенит, и люди стали активно перемещаться на нижнюю палубу. Внизу продолжала играть легкая музыка, гости вели свои скучнейшие светские разговоры, роботы таскали напитки, а из динамиков периодически звучали исторические ликбезы про картинку за иллюминатором. Роберт и Эльза сели как можно дальше от столика Хань Шаосиня, за которым он полоскал мозг каким-то двум разукрашенным китаянкам.

Спустя час-два к туристам вышел капитан и объявил, что в течение 20 минут корабль войдет в старые административные границы Парижа. Сначала судно пройдет границы города для осмотра видов сверху, а затем начнет погружаться под воду. Публика приободрилась и стала снова вылезать на верхнюю палубу. На горизонте маячили диспетчерские выш-

ки утопленного аэропорта «Париж-Орли». Еще через полчаса субмарина дошла до бывших сельскохозяйственных полей города, вдалеке показалась Эйфелева башня. Туристы начали шуметь и радоваться как дети. Эльза принялась фотографировать и отсылать кучу фоток всем своим контактам. Роберт отправил короткое видео только Юноне, в ответ получил смайлик с сердечками в глазах.

Прозвучало объявление с просьбой спуститься на нижнюю палубу и подготовиться к продолжению путешествия под водой. Гости начали занимать места у своих столиков, а роботы задраили выход наверх. Судно начало погружение, включило инфракрасное освещение пространства, а высокотехнологичное стекло в иллюминаторах стало обрабатывать невидимое человеческому глазу излучение для улучшения картинки подводного мира. По динамике владельцам глазных имплантов предложили отключить цветовую коррекцию пространства, чтобы не исказить ощущения. Чейз послушался совета и перевел глаза в режим «натуральный».

Субмарина медленно проходила над крышами парижских домов и «парила» над историческими улочками. Гостям подали роскошный обед, вино и стали объяснять, где и что находилось в утерянном городе. Впечатления складывались незаурядные. Во-первых, сам факт роскошного обеда в движении под водой приводил в восторг. Во-вторых, сверхчеткое изображение всей архитектуры Парижа, окутанной в водоросли, создавало ощущение сюрреализма, будто это было

иммерсивное кино, а не реальность. В-третьих, Эльза и Чейз стали вспоминать слова дядюшки Жерара, что это не просто руины доисторических времен, а еще вполне себе свежая рана от потери великой столицы.

Роби, это, наверное, лучший день в моей жизни. Я такого еще никогда не видела, – пробормотала глубоко впечатленная Эльза.

Да, это и правда что-то с чем-то.

Слушай, а почему никто не хочет ничего изменить? Убрать воду и восстановить город?

Мне кажется, это невозможно, ведь в этом городе ничего уже не осталось. Государство и корпорации под видом мародеров повытаскивали все ценные материалы из всех зданий, оставив только бетон и кирпичи. Ты посмотри, даже целых стекол в домах нет. Все подземные коммуникации, провода и рельсы подоставали. А чтобы откачать отсюда всю воду, нужно строить плотину по периметру. И для чего в конечном итоге? Что восстановление города даст экономике Франции в перспективе? Они и так уже ограничили какую только можно рождаемость и иммиграцию. Эта цивилизация доживает свое последнее столетие, хотя и не верит в это.

В глазах Эльзы читалось недоумение, недовольство, неприятие и в то же время понимание судьбы Парижа. Субмарина подошла к Марсову полю и развернулась боком к башне. Затем судно слегка поднялось на поверхность так, чтобы в иллюминаторы было видно подводную и надводную

части главной достопримечательности Франции. Вид получился на грани вымысла и реальности.

Посмотрите, какой дуализм. Наблюдателю издалека никогда не понять, как выглядит Эйфелева башня. Он не может знать, какой она формы на самом деле, пока за шкуру не окунешь его головой в воду, пока не покажешь ему настоящую реальность. Так и получается, что мы смотрим на один и тот же объект, но видим разные вещи: один – правду, другой – догадки. – К столику Чейза и Эльзы из ниоткуда подошел Хань Шаосинь и обратился к ним.

Да, действительно, что-то такое в ваших словах есть, господин Хань, – немного подумав, ответил Роберт.

Символично, да? – с едкой ухмылкой сказал мужчина, глядя на башню.

Наверное, да. Если честно, не особо хочется вдаваться в смысл ваших слов именно сейчас. Мы бы предпочли наслаждаться видом в тишине.

Ну зачем же грубить, Роберт Владимирович. Не все является тем, чем кажется на первый взгляд.

Несомненно, – сухо ответил Чейз, отрезал кусок стейка, положил себе в рот и, немного чавкая, пристально посмотрел в глаза своему собеседнику.

Хах, приятного аппетита. – Хань Шаосинь с искренней улыбкой по достоинству оценил способ Чейза выкрутиться из ситуации, задрал подбородок и отошел от стола.

Вот сука, а, – тихо сказал Роберт Эльзе.

А-ха-ха-ха-ха, мне очень понравилось выражение твоего лица и как ты чавкал, – не выдержав, начала угорать Эльза. – Не обращай внимания, я думаю, он уже пожалел, что подошел к нам со своей лекцией и в итоге его так просто послали куда подальше.

Хах, да... Как-то естественно получилось, – продолжил жевать Чейз.

Утренний туман накрыл парковку городской больницы практически полностью. Лазерные фары «Электры» мелькнули вдалеке и устроили короткую версию светового шоу, прорезая дымку насквозь. Андрэ закатился на территорию поликлиники и припарковал машину у входа в здание. Не выходя из машины, он взял из пачки очередную сигарету, открыл окно и закурил. Часы в машине показывали 05:50, до открытия больницы оставалось десять минут. Шоу на скорость выкурил свою сигарету за одну минуту и потянулся за второй. Из динамиков неслись тихие ноты перегруженной гитары. Посидев и помедитировав несколько минут, Андрэ вылез из купе и двинул к двери больницы. Спустя несколько минут она открылась. Громила влетел в медицинское учреждение и направился к палате Кори. Зайдя в нее, он обнаружил своего друга, собирающего пожитки.

Buenos días, hermano, ну ты че? Готов?

Еще спрашиваешь, бля? Давай съебывать отсюда поскорее, залечили до смерти уже.

Жалоб не предъявляете?

Предъявляю, присутствует острое желание выжрать литр синтетического виски и склеить какую-нибудь шлюху в клубе. Еще вопросы есть?

Никак нет, выдвигаемся, – по-солдатски сказал Шоу, взял сумки с вещами, и они вышли из палаты.

Прошло три недели, а по ощущениям как будто полвека тут проебланил.

Да ты ничего не упустил, как раз к самому важному подошел. На этой неделе Елена маякнула, что начнется движение. Ждем.

И как она маякнула в этот раз?

Как настоящая змея.

Ну?

Оставила на лобаше «Электры» букет из семи синтетических роз и презерватив.

А-ХА-ХА-ХА-ХА!

Конченная.

Да ладно, по-моему, охуенно оригинально. Развлекается баба, можно понять. Я, так понимаю, раз роз было семь, то встретимся мы в воскресенье?

Наверное, я не знаю, что в голове у этой гадюки, она думает, что своими дерьмовыми подкатами выбивает меня из эмоционального равновесия, а по факту просто злит, – дого-

ворил Шоу, дошел до входной двери и толкнул ее плечом.

Наконец-то, зайка моя, как я по тебе скучал! – Взглядом восторженной 12-летней девочки Кори посмотрел на «Электру».

Поведешь? – спросил Шоу.

Что за вопрос, блять? Конечно, поведу, – сказал Дональд и поймал летящие в его сторону ключи.

Ну с реакцией вроде все в порядке.

А ты хули думал, у меня теперь мозги 3.0. На пару месяцев точно хватит, пока я их снова не пропью.

Давай доведем дело до конца, заработаем денег, а потом уже ты впадешь в свое алконаркотическое безумие, – сказал Шоу, закидывая сумки в багажник спортивного купе.

Да не бзди, бля, мы все сделаем по красоте. Как бабка пиздишь и пиздишь, уже пошутить нельзя, – гавкнул Кори и уселся на водительское сиденье.

Я просто немного устал... Стыдно мне в этом признаваться, но все это истощает.

Все будет нормально, я в этом уверен, – ответил хакер, нажал на кнопку пуска двигателя и нежно провел руками по рулю.

Давай закинем вещи к тебе, да пойдем пожрем дерьма с сыром в «Тако-Мехико».

Согласен, – звонко ответил Дональд и вдавил педаль газа. Че там показывает? 30 минут ехать, нормально.

Слушай, а ты мне скажи, че Елена реально тебя не цепля-

ет? Она же прям соска та еще.

Put a madre... Кори, ты когда-нибудь в своей жизни перестанешь думать членом?

Нет, а что?

Ох, блять... — Закатил глаза Андрэ и уткнулся в окно.

Не, ну а что такого-то? Можно совместить приятное с полезным.

Дональд, сколько раз я тебе говорил не вестись на такие очевидные уловки? Ну сколько тебе лет, чтобы верить в искренность ее намерений?

Я просто не могу понять, почему ты в такой отказняк идешь.

Да потому что она себе всю карьеру сделала так, вертит своей жопой, кружит голову, а потом прикидывается дурой и говорит «ой, ты неправильно понял».

Ну с кем-то же она должна ебаться в конце концов!

Я так посмотрю, твои мозги 3.0 с каким-то заводским браком в комплекте идут. С роботом она своим домашним ебется. Ты о чем вообще?

Бля... наверное, ты прав. В любом случае действует она профессионально.

Ну хоть в том, что я прав, у нас одинаковое мнение.

А че, ты не нашел никакую очередную мамасита, пока я откисал?

Ну, была парочка, ничего серьезного. Ты меня знаешь, я на этом свое внимание особо не заостряю.

Харош, бля. Сегодня, значит, будешь мне помогать найти кого-нибудь. Я собираюсь в «Синергию» залететь вечером.

Настолько прям невтерпеж?

Да ты бы сам полежал недельку-другую в окружении роботов-медсестер и шизофреников, я посмотрел бы, как бы ты заговорил.

Ладно, уведу у тебя парочку тогда.

Сука, – с улыбкой гэкнул Кори и заехал на парковку своей жилой башни.

Закадычные дружки вылезли из машины, достали вещи и направились к жилому зданию. В подъезде с самого утра, как всегда, несли дежурство пять бомжей. Добравшись до квартиры, мужчины бросили вещи и через несколько минут отправились на завтрак в «Тако-Мехико». Забегаловка находилась в километре от башни Кори.

Задворки Москвы уже вовсю проснулись, работяги двигались в сторону скоростных подземных диаметров, начали появляться первые заторы на перекрестках. Шоу достал сигарету, всунул в рот и прикурил. Не успел он сделать и пары затяжек, как к нему подбежало немывтое бездомное существо и чуть ли не со слезами на глазах попросило поделиться. Не сумев отказать, Шоу выдал ему одну сигарету, а огонь велел добыть самостоятельно.

Кварталы Восьмого кольца были все как один, словно напечатанные на 3D-принтере. Поэтому не ориентирующемуся в местных реалиях залетному жителю из «зон благополу-

чия» без электронных средств навигации выжить здесь было практически невозможно. В воздухе пахло всем, начиная от запаха горелых шин и испражнений, заканчивая духами, озоном и пастой со вкусом карбонары. Вскоре компания из двух американцев подошла к «ресторану» синтетической мексиканской кухни.

Hola, José! – поприветствовал хозяина заведения Андрэ, завалившись внутрь.

Какие люди и прям с утра! Доброе утро, machos! Вам как всегда?

Да, четыре порции кесадильи с чили кон карне и сыра туда от души, – сделал заказ Кори.

Выполняю, – ответил Хосе и нажал нужные кнопки на принтере.

Какие новости, что-нибудь интересное было? – спросил Шоу, усаживаясь за столик.

Да ты представляешь, на той неделе, уже ближе к ночи, завалились двое сумасшедших. Ну из этих, электродураков. Обдолбанные в хлам. У одного глаза краснющие были, абсолютно невменяемые, и давай что-то бурчать. Я говорю, что, мол, ничего не понимаю. А мне второй говорит «нужно байт-код на слух воспринимать, животное» и выдает какой-то код

10001001111100000100001111001000011000010001000010
и в конце 2. Признаться, я знатно ахуел и достал пистолет-электрошокер. Но что происходило дальше, вообще не поддается логике. Увидев пистолет, они начали синхронно в одну ноту кричать, как будто бы компьютер завис и звук заглох. Затем резко развернулись и выбежали на улицу. Я до сих пор не понимаю, что это было... А вот и кесадилья, buen provecho, amigos!

Мне кажется, этот культ электричества уже скоро начнет совершать теракты во имя искусственного интеллекта. Они безумны, и никто не хочет обращать на них внимания. Парады, митинги, дни памяти обнуленных программ. Цифровые нацисты... – возмутился Шоу.

А я их понимаю в моменте, когда начинаю работать с ней-роинтерфейсом. Сливаешься с кодом и воспринимаешь его как свои настоящие мысли. Потом, когда заканчиваешь работу, приходит мгновенное осознание, что так и умом тронуться можно, как не хуй делать. Вот эти шизофреники, по всей видимости, и трогаются умом. Хотя большинство из них просто выебываются и никакого отношения к таким вещам не имеют, – пробормотал Кори, чавкая кесадильей.

Мапо, ты это... поаккуратнее, а то сам скоро на ассемблере заговоришь.

10101101010...

А-хах, на секунду я захотел спросить, че ты сказал, но потом сразу понял, что ты скажешь «иди нахуй».

А ты не такой тупой, каким кажешься, Андрэ, – сказал Кори, и все заржали.

Закончив синтетический завтрак, Андрэ и Дональд поблагодарили Хосе и вышли из заведения. Солнце понемногу ползло все выше и выше, а утро начинало превращаться в день. Сегодня никому не нужно было ехать в офис «Госводорода», поэтому парочка бывших американцев договорилась встретиться после 18:00 и прогуляться до ближайшего клуба-гадюшника «Синергия». Затем Андрэ направился «по делам» на Шестое кольцо, а Кори пошел домой восстанавливаться после больницы.

Легкой походкой человека, освободившегося от больничных оков, он шагал по грязным тротуарам улицы № 352 Восьмого кольца на юге Москвы. Дональд был «своим» в пределах этого района, а потому и чувствовал себя вполне в безопасности. Дойдя до своей башни, он обнаружил, что дежурившие еще с утра в подъезде бездомные выбрались в город добывать себе пропитание, освободив проход к лифтам. Кори мысленно поставил за них свечку, ведь вероятность их возвращения на боевое дежурство в подъезд сегодня к вечеру не равнялась 100%. Кто-то мог пострадать в ходе конфликта на улице, кто-то мог умереть от истощения, а кого-то могли банально похитить и увезти в неизвестном направлении, чтобы потом сдать на органы.

Завалившись в свою квартиру, Кори раскидал вещи по разным углам, открыл бутылку синтетического ирландского

виски и сел у окна. Сделав глоток, он обратил внимание на лежащий на подоконнике ингалятор «Гармония-3». Недолго думая, потянулся к нему и сделал затяжку. Затем еще одну и еще шесть подряд, а потом залпом осушил половину бутылки.

Мысли перестали бесконечно сновать в его голове, а время вокруг превратилось в слайд-шоу. Ноги и руки стали невесомыми. Кое-как поднявшись, Дональд добрел до кровати и рухнул на нее, как мешок с дерьмом. За пять минут из трезвого обитателя московского гетто он превратился в дрова. «Экспресс-нахуярявание» по методике Мак'Дугалла прошло успешно. Спустя какое-то время Кори уснул и к нему стали приходиться нездоровые сны.

На улице шел ливень и была глубокая ночь. Дональд сидел за рулем своей «Электры» и гнал по какой-то отдаленной от Москвы трассе. На пассажирском сиденье не было никого, а на заднем ряду лежала спортивная сумка. Сердце стучало неистово, заглушая шум падающих на лобовое стекло капель. Каждую секунду он смотрел в зеркало заднего вида и наблюдал там включенные в режим дальнего света фары. Очевидно, что это была погоня и Дональд буквально гнал на всей скорости прочь от смерти. «Электра» вошла в поворот, а затем послышался визг резины. На мгновение возникло чувство пустоты. В глазах картинка превратилась в черный экран. Через секунду Кори открыл глаза, ремень безопасности разрезал грудь пополам. Черное спортив-

ное купе кувыркалось, пролетая сквозь стволы кустарников и скатываясь вниз в сторону какого-то водоема. Прокатившись около тридцати метров, машина влетела в воду и наконец-то остановилась. Дональд отключился. В ушах стоял звон, а голова кружилась со скоростью вращения Земли вокруг Солнца. Удар кулака по лицу привел его в чувство. Крепкий мужчина схватил его за шиворот и швырнул из салона машины на берег. В его левой руке был пистолет, а правая истекала кровью. Он полез в салон, чтобы достать спортивную сумку, которая успела улететь на торпеду. Достав ее, мужчина повернулся в сторону лежащего у воды Кори. «Вот и твоя остановочка, Мак'Дугалл. Добегался», – сказал он и ударил лежащего ногой по лицу. Прогредел выстрел.

Кори проснулся от грохота в дверь. Открыв глаза, он десять раз успел пожалеть, что решил усыпить себя насильственным способом. На часах было 18:30. «Ахуеть, это сколько я провалялся-то?» – подумал он и встал с кровати, чтобы открыть дверь. На пороге стоял Шоу.

Ну че ты, мапо, устал сильно? – сказал Андрэ, заходя внутрь.

Да я че-то прилег, уснул, такая хуйня приснилась, что аж застрелиться захотелось.

Увидел, как становишься электропоклонником, ходишь по улицам и угрожаешь людям, которые не понимают машинный код на слух?

Нет, приснилось, что я ехал на «Электре» и перевернулся, да так, что тачка восстановлению уже не подлежала.

Ну это слишком уже, настоящий кошмар.

Согласен, – убитым голосом пробормотал Кори и побрел к пищевому принтеру, чтобы сделать себе и товарищу ужин.

Ездил до рынка в Серпухове, есть там у меня один дружок, смотри, че он достал. – Шоу вынул из сумки пистолет и боевой электромагнитный излучатель направленного действия.

Еб твою мать, ни хера себе! Ну-ка дай глянуть.

Может пригодиться в ближайшее время. – Андрэ передал оружие товарищу.

Хотелось бы избежать таких ситуаций, – сказал Кори и прицелился из пистолета в окно, оценивая вес и эргономику изделия.

Никогда не бывает лишним дополнительный раз перестраховаться, hermano, – ответил Шоу, полез за бутылкой синтвиски, налил в роксы и поднял руку для тоста.

Ну давай, чтоб у нас все получилось и без всякой хуйни! – произнес Кори, и они чокнулись бокалами.

Давай, победа будет за нами! – присоединился к тосту Шоу.

После незамысловатого ужина и допитой бутылки друзья вывалились на улицу. Смеркалось. По улицам шагали работяги, а малочисленные кучки бездомных начали возвращаться на боевое дежурство в подъезды. Шоу и Кори, выкурив у подъезда по сигарете KrasTabaco, направились пешком к

«Синергии». До пункта назначения было 15 минут в спокойном темпе. Завернув за очередной угол по дороге к клубу, мужчины увидели вдалеке толпу, окружившую стоящую на возвышении женщину. В руках у нее был плакат, которым она яростно размахивала над головой. «ЗАВТРА! УЖЕ ЗАВТРА!» – доносилось издалека. Американцы переглянулись и с заинтересованным видом двинулись в сторону толпы.

ОЧНИТЕСЬ, ГЛУПЫЕ! ЗАВТРА УЖЕ НЕ НАСТАНЕТ, МЫ ВСЕ УМРЕМ! НАШИ ДНИ СОЧТЕНЫ! МЫ ВСЕ ОБРЕЧЕНЫ УТОНУТЬ В ЭТОМ ОКЕАНЕ ЛЖИ, БЛЯДСТВА И ЖЕСТОКОСТИ!!! – кричала женщина с импровизированной трибуны.

Put a madre, это что такое? – удивился Шоу.

Не знаю, – отозвался Кори, – но это ахуенно смешно.

Я ВИДЕЛА ЭТОТ МИР ИЗНУТРИ, Я БЫЛА НАВЕРХУ И ЗНАЮ, О ЧЕМ ТАМ ДУМАЮТ И ГОВОРЯТ. МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ СДОХНУТЬ! – продолжала вещать одетая в дорожную, но рваную и грязную одежду женщина.

Слушай, Андрэ, а она не похожа на местных обитателей подъездов. Эт че у нее? Искусственные волосы?

Да, по ходу закоротило цветокорректирующий элемент, – ответил Шоу, вглядываясь в переливающуюся всеми цветами радуги прядь волос женщины.

МЫ СДОХНЕМ ЗАВТРА! ЗАЧЕМ ВЫ СЛУШАЕТЕ МЕНЯ? ИДИТЕ К СВОИМ РОДНЫМ И СКАЖИТЕ ВСЕ ТО,

ЧТО НЕ УСПЕЛИ СКАЗАТЬ! Я ЗНАЮ, О ЧЕМ ГОВОРЮ, Я ТАСКАЛАСЬ СО ВСЕМИ ШИШКАМИ МОСКВЫ, МЫ ВСЕ ОБРЕЧЕНЫ НА ВЫМИРАНИЕ! – продолжала визжать ораторша, размахивая плакатом и дорогушей сумкой.

И че толку от того, что ты сосала у дядек из правительства, много чему научилась? – крикнул кто-то из толпы.

ПОКА Я СОСАЛА ЗА ВАШИ ГРЕХИ, ВЫ БЛАЖЕННО СПАЛИ И ДУМАЛИ, ЧТО МЫ НЕ ПОПЛАТИМСЯ ЗА НАШУ БЕЗДУХОВНОСТЬ! ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ, МЫ УШЛИ ОТ БОГА НАСТОЛЬКО ДАЛЕКО, НАСКОЛЬКО ЭТО ВОЗМОЖНО! ОН ПОКАРАЕТ ВСЕХ НАС ЗА ЭТО!

И что же нам делать? Как тебя зовут? Чего ты хочешь? Расскажи, что ты видела? – доносились вопросы из толпы.

КАК МЕНЯ ЗОВУТ И КЕМ Я БЫЛА, АБСОЛЮТНО НЕВАЖНО! ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ ЛИШЬ ТО, ЧТО Я ГОВОРЮ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС! ОЧНИТЕСЬ, ДУРАКИ, ВАМ ОСТАЛОСЬ МЕНЬШЕ СУТОК! ИДИТЕ ЖЕ, СДЕЛАЙТЕ ХОТЬ ЧТО-ТО!

А почему ты сама тратишь время на это представление? – крикнул немного захмелевший Андрэ.

ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ ОСТАЛОСЬ! МЕНЯ НАФАРШИРОВАЛИ ЖЕЛЕЗКАМИ, ИСПОЛЬЗОВАЛИ КАК ВЕЩЬ, А ПОТОМ ВЫБРОСИЛИ НА ПОМОЙКУ, БУДТО СЛОМАННУЮ ИГРУШКУ! ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО МНЕ ОСТАЛОСЬ, – ЭТО ПРЕДУПРЕДИТЬ ВАС! АААААААА!!! ААА! – женщина произнесла

реплику особенно громко, а затем завизжала и стала извиваться от боли. В районе ее половых органов вспыхнули искры, а затем изверглись языки пламени.

Собравшаяся публика не сразу отреагировала на самовоспламенение человека, сочтя пожар за элемент представления. Толпа засуетилась лишь только спустя несколько секунд, после того как тело женщины вспыхнуло как спичка. Конечно же, что-то делать было уже бесполезно. Проповедница, в прошлом зарабатывавшая на жизнь оказанием интимных услуг, длительное время не проходила обслуживание кибернетических органов, с помощью которых эти самые услуги и оказывала, а также словила нервное перенапряжение. В результате чего излишняя экспрессия и гормональный всплеск спровоцировали замыкание и привели практически к моментальной смерти.

Андрэ подошел к обугленному трупу проповедницы. В воздухе смердело горелой плотью, пластиком и резиной. Правая рука осталась единственной не тронутой огнем частью тела. Он присел, чтобы рассмотреть поближе, что осталось от пострадавшей. На запястье виднелась татуировка с надписью «Анастейша». Непонятно, звали ли так сгоревшую сумасшедшую или же это было имя близкого ей человека. Толпа смотрела на всю эту безумную картину и не могла сдвинуться с места. В конце концов кто-то все-таки вышел из состояния оцепенения и вызвал санитарных ботов.

Кори достал из кармана фляжку с синтвиски, сделал убе-

длительный глоток, а затем затянулся своей любимой «Гармонией». Шоу встал, почесал затылок и глубоко задумался об Анастейше, возможно, ее сумасшедшее представление казалось таковым лишь на первый взгляд. Вдруг она в самом деле говорила правду и этот мир уже никак не спасти. Что, если не завтра, так через месяц очередной потоп сотрет всю человеческую цивилизацию с лица Земли и ничего больше не останется? От таких мыслей по спине у него прошел легкий холодок. Немного постояв, он достал сигарету, поджег и вместе со своим другом двинулся в сторону ночного клуба.

И что это нахуй сейчас такое было?

Да хер знает, hermano, но мне стало не по себе.

Ясное дело, фейерверк был ярким.

Фейерверк – это хорошее слово, сгорела на работе за нас, м-да...

Чувствую, вечер только начинается, видимо, к моему возвращению из больнички Москва решила крепко нас удивить.

Да уж, не говори... Никогда не знаешь, как закончится твой вечер.

А че ты там разглядывал у нее?

Да ничего особенного, у нее на руке была татуировка с именем. Анастейша. Это, собственно, все, что от нее осталось. Имя и больше ничего. Задумался о смерти.

Ой, блять, не начинай, ты вон сгоняй в Ясногорский храм электропоклонников. Посмотри, что там происходит. Там такие представления каждый день.

Возможно, ты прав, но я как-то неожиданно для себя впечатлился. Задумался, каким же мы дерьмом занимаемся и в каком дрянном мире живем.

Ну давай, блять, тогда обнимемся и будем рыдать. Как же хуево нам живется, какие же мы аморальные и бездуховные. Андрэ, мы в дерьме! В самом настоящем, мать его, дерьме! Единственный способ выбраться из него – это засунуть в него кого-то другого вместо себя. Понимаешь? Там на верхах пищевой цепочки никто нахуй не сидит и не думает о том, какой херовый виски мы сегодня пьем. Всем абсолютно похуй на нас, никто не будет ронять слезы и думать, как нас спасти. Ты понимаешь? Либо мы сами испачкаем руки по локоть в крови и желчи, либо нас нахуй так и спишут в утиль!

Да я понимаю, Дональд, понимаю! Заебала уже эта философия «или ты, или тебя»!

Ах, заебала она тебя? Ну а что-то другое ты придумал?

Нет, я ничего не придумал. Поэтому мне и приходится лгать, красть и грешить! – выпалил Шоу, и парочка на несколько минут замолкла.

Ну как, отпустило?

Ага, мапо, отпустило. Это все виски твой. Кстати, есть еще?

Ну еще бы. – Кори достал из внутреннего кармана кофты флягу и передал другу.

Почти пришли, – отметил Андрэ и сделал глоток огнен-

ного пошла.

Американцы подошли ко входу в клуб. На улице образовалась 10-минутная очередь. У дверей стоял аугментированный охранник и робот модели «Страж-МГ». Спустя какое-то время парочка прошла фейс-контроль и очутилась внутри. «Синергия» отличалась своей атмосферой. Можно сказать, была уникальным местом и одной из главных достопримечательностей Восьмого кольца. Из музыки здесь играл только тяжелый рок и металл вперемешку со всеми видами дисторшена и фузза. Атмосфера тоже не отставала: множество ужратых в хлам панков, рокеров, психов, шаболд и маргиналов – все в унисон с музыкой дрыгались как единый организм. При этом все присутствующие четко соблюдали правила заведения и устраивали разборки исключительно на улице. Более того, внутри даже никто не опорожнял содержимое желудка на пол. Для этого существовал внутренний двор, где проходили как драки, так и «сеансы очищения от скверны». Кори называл все происходящее здесь «одским пиздошилом» и очень любил иногда выбираться сюда, чтобы снять стресс от работы в «Госводороде».

После нескольких рукопожатий с местными завсегдатаями парочка немного отходящих от действия синтвиски друзей подошла к бару и заказала по коктейлю под названием «Ударная волна». В состав входил сверхкрепкий ром, яблочный, ореховый и ванильный ликеры, содовая, лимон, сахар и усилитель вкуса. Естественно, все ингредиенты искус-

ственные. Американцы по своей старой традиции опрокинули стаканы одним залпом и сразу заказали еще по одному, чтобы насладиться вкусом уже в спокойном темпе.

Сегодня было особенно шумно илюдно, на танцполе билась в конвульсиях компания каких-то новеньких обрыганов, ранее не бывавших в «Синергии». Среди них были и симпатичные девушки, за которыми, собственно, Кори сегодня сюда и пришел.

Слышь, Андрэ, а че это за уебаны? Я их раньше не видел. – Тыкнул Кори на компанию, состоящую из агрессивных панков и красивых мамзелей.

Не знаю, hermano, но по ходу эти девки с ними, лучше не наживать себе проблем, давай найдем кого-нибудь другого.

Хуйня! Мне нравится вон та блонда в черной юбке, ахуенная! – крикнул своему другу знатно захмелевший Кори.

Hermano, ты готов драться со всей толпой ее дружков?

Ну я же не один, у меня есть ты! – Произнеся это, хакер добил свой коктейль, спрыгнул с барного стула и направился к толпе.

Put a madre, – вздохнул Шоу, представляя, что будет дальше.

Кори, слегка вихляясь, влетел на танцпол и начал понемногу исполнять, двигаясь в стиле рок-дискотек 70-х. После нескольких минут «настройки на волну» он со словами «привет, зачетно двигаешься, научи меня так же!» слегка подтолкнул сочную блондинку в черной юбке, и у них завя-

зался легкий разговор, который сразу же превратился в совместный танец. Чуть меньше чем через десять минут компания агрессивных панков заметила, что неопознанный рыжеволосый худощавый парень скоро намерен поцеловаться с клубной девицей из их круга и увезти ее куда подальше от них самих. Один из наиболее ревнивых парней с олдскульным «полубоксом», не выдержав столь наглого поступка, приобнял двух своих дружков и что-то крикнул им в уши. Затем эти трое панков убедительной походкой двинулись в сторону жарко танцующей парочки. Андрэ, который все это время сидел за баром и наблюдал за успехами своего друга, сделал последний глоток своего любимого коктейля и встал со стула. Тем временем трое парней уже окружили смелого хакера и начали загружать его информацией в духе «тебе кто разрешал с нашими женщинами танцевать?». Услышав в ответ какую-то дерзость из разряда «а че вы сами своих же женщин стесняетесь, кто, блять, вообще сказал, что она ваша?», панки знатно приободрились, почуяв вкус крови. Андрэ зашел за спину буйной компании и встал на удалении нескольких метров так, чтобы Кори увидел: он его прикрывает.

По отработанной схеме Дональд предложил парням выйти «поговорить по-мужски» во внутренний двор «Синергии». Ничего не подозревающие и слегка туповатые панки, не медля ни секунды, согласились, ответив «ну пошли, епта». Дональд ткнул на дверь во внутренний двор и уверенно

двинулся к ней. Компания из трех обрыганов последовала за ним.

Ну и че? Какие у вас проблемы, клоуны? – борзо начал диалог Дональд.

Слышь, малой, а не до хуя ли ты бесстрашный, а? Сначала танцуешь с нашей девочкой, а потом называешь нас клоунами? – ответил самый ревнивый панк.

А тебя че, зацепило, что я могу подойти к девушке и потанцевать, а у тебя яиц не хватает? Вы, ископаемые, откуда вообще нарисовались такие?

Из Сибири мы будем, у нас за такой базар пиздят до полусмерти, если повезет, а если не повезет, то не откачают, – ответил все тот же панк, разминая шею и готовясь отмудовать Дональда.

О-о-о-о, так вы не местные. Не повезло, конечно. Никто о вас и не вспомнит.

Ты щас в свою Сибирь уедешь вперед ногами, хлюпик, – прокомментировал из ниоткуда взявшийся Шоу.

А ты че еще за хер? – резко гавкнул самый крупный из троицы.

Сейчас важно лишь то, что если вы решили поговорить с моим другом втроем, то будете иметь дело со мной.

Втроем? Ха-ха-ха! Мочи их, братва, – крикнул панк, достал из кармана ингалятор с «Эйфорией-9», вдохнул и громко заорал, словно берсерк.

В этот момент Кори достал из кармана увесистый кастет и

огрел им по голове развернувшегося к нему спиной ревнивого панка. Тот, более не задумываясь ни о чем, упал на пол без сознания. Спустя секунду курившие неподалеку дружки из залетной компании в количестве еще трех человек бросились помогать своим сибирским друзьям.

Глаза гопника, который сделал затяжку боевого стимулятора, налились кровью, лицо искривилось в порыве первобытной ярости. Не медля ни секунды, он кинулся на Шоу. Удивительно, но под действием «Эйфории» он выдал очень быстрый и тяжелый левый хук. Андрэ успел среагировать и укрыться правой рукой, однако импульс от удара обдолбанного панка был настолько сильный, что смог слегка пошатнуть 140-килограммового Шоу. Сразу после левого хука полетел правый и еще раз левый. Гопник пер на громилу, нанося серьезные удары и крича во всю глотку. Андрэ, мгновенно оценив, что ему не удастся вечно находиться в глухой обороне, защищаясь от ударов невменяемого панка, принял решение контратаковать. Нырнув под очередной наркотический хук, он прошел противнику в ноги и с корнем вырвал его из земли. Бионические мышцы плеч и спины громилы совместно с системой регулирования гормонального фона дали о себе знать.

Для Шоу поднять и швырнуть об асфальт тело 180-сантиметрового гопника было равносильно тому, как если б взрослый мужчина взял в руки 20-литровую бутылку воды и бросил ее об стену. Андрэ схватил наркомана за бедра, поднял в

воздух, а потом резко ударил его об асфальт. Треснувшая голова обдолбанного сибирского наркомана со свистом впечаталась в землю, испачканную чьей-то блевотой. Шансов выжить после такого падения не оставалось. Мозг потерпевшего буквально намазался на поверхность, смешавшись с остатками непереваренной пищи.

Толпа сибиряков с ужасом наблюдала за моментальной смертью своего соплеменника. С криком «СУ-У-У-КА-А-А!» трое из них бросились на громилу. В это же время Кори, пытаясь не получить по своей драгоценной голове, разрывал дистанцию с одним оппонентом. Шоу заметил, в какой тяжелой ситуации находится его друг, и, не выходя из боксерской стойки, стал срезать угол по направлению к Кори. Гопники решили окружить амбала со всех сторон, тем самым заблокировав ему путь к Дональду. Было ли это яростным желанием отомстить за своего товарища или же просто банальной глупостью – так и непонятно, почему они осмелились совершить такой опрометчивый поступок.

Шоу выстрелил левым прямым прямо в челюсть заходящему справа панку. Удар был настолько сильный, что бедолага отлетел на несколько метров и отключился. В лучшем случае он получил множественные переломы челюсти, в худшем – превратился в овощ до конца жизни. Два других сибиряка, по достоинству оценив ударную технику Андрэ, резко утратили желание приближаться к нему. Используя замешательство противников, гроза панков ломанулся на по-

мощь к Дональду, которого уже зажимали в угол. Шоу схватил обидчика своего друга одной рукой за шиворот, другой за ремень и со всей дури запульнул его в сторону двух других сибиряков. Не особо крупное тело спарринг-партнера Кори отправилось в полет словно кукла и сбило с ног одного из гопников.

Пизда тебе, молись! – прорычал Андрэ и двинулся к последнему оставшемуся бедолаге.

Стой! Стой! Хватит! – Поднял руки последний стоящий на ногах.

Довыебывались, сибирячки? – Продолжил шагать громила.

Стой! Пощади! Я вообще не в курсе, что произошло, я же тут на улице стоял, когда вы начали.

Твои дружки решили установить свои порядки не в том месте. Быстро поднялись все, забрали свое говно и свалили отсюда нахер. Если еще раз кого-то из вас здесь увижу – убью на месте!

Перепуганный панк помог двум своим товарищам подняться, и они втроем покинули клуб. Два наблюдавших за всем происходящим охранника «Синергии» подошли к ревнивому панку, из-за которого началась драка, проверили пульс. Затем осмотрели его друга, который решил испытать прочность своей челюсти при помощи кулака Шоу. Оба были живы. Наконец, вздохнув, они взяли за руки и за ноги тело с разmozженной головой и понесли в служебное поме-

щение. Кори сделал три тяжки «Гармонии», Шоу закурил.

Mierda! Я не хотел его убивать. Этот bastardo надышался «Эйфории», кажется. Единственное, что он хотел, – это оторвать мне голову. Просто так я бы его не остановил...

Да... дерьмо случается. Не думай, что ты виноват, Андрэ. Я их спровоцировал, хотел проучить. Кто ж знал, что так выйдет.

Ладно... про этих ублюдков безродных все равно никто ничего хорошего не вспомнит. Пойду заплачу хозяину за неудобства. Этого ханурика без башки, похоже, на органы сдадут. – Докурил Шоу и направился к служебному помещению.

Разборки с летальным исходом давно стали привычным делом в ночных заведениях неблагополучных районов Москвы. Правоохранительные органы не особо волновались о тяжелой судьбе иммигрантов, переполняющих улицы столицы, хотя уголовное преследование за совершение убийства никто не отменял. Гораздо проще было вообще не фиксировать смерть потерпевшего маргинала из сибирских регионов, чем пытаться найти убийцу в трущобах Восьмого кольца.

Кроме того, мертвый панк без документов все равно что бомж, а значит, и на органы его сдать тоже можно. Этот бизнес в эпоху бешеного спроса среди богачей на увеличение продолжительности своей жизни неестественным путем процветал как никогда. Кроме того, проблема перенаселе-

ния, бедности и высокой преступности в отдаленных районах Москвы решалась естественным путем.

Шоу зашел в служебную дверь и направился к хозяину заведения, чтобы прояснить ситуацию и заплатить штраф за дебош. С улыбкой, будто встречает постоянного клиента, Петр Левайченко поблагодарил Андрэ, что тот помог ему «вынести мусор с танцпола», и не стал брать деньги за полученные неудобства, так как «эта компания обрыганов» ему все равно не нравилась.

Будничной походкой Шоу направился обратно во двор, где его ждал Дональд. Выкурив еще по одной сигарете, парочка решила зайти обратно в заведение и выпить еще по одной «Ударной волне». Не успев сделать глоток, Андрэ получил сообщение с неизвестного номера. «Через час, как обычно», – гласил текст.

Елена, что ли? – прокомментировал Кори искривившееся в гримасе лицо Шоу.

Похоже на то, через час у ТЦ.

Блять, как же вовремя-то.

Ну че делать, поехали. Вызови «Электру», успеем допить, пока она доедет.

Окей, – сказал Дональд и нажал кнопку на ключ-карте машины.

Не судьба тебе сегодня снять очередную шаболду. Ладно, пусть хотя бы змея нам сегодня принесет хорошие новости, – произнес тост Шоу, и друзья стукнулись бокалами.

Через десять минут Кори получил уведомление о том, что черное купе подъехало ко входу в заведение. Мужчины сделали по последнему глотку и вышли на улицу. Кори сел на водительское кресло, Шоу, кряхтя как дед, упал на пассажирское. До места назначения с учетом пробок было 30 минут. Андрэ открыл окно и достал сигарету.

Ну ебальник ты ему красиво разьебошил, – прервал тишину Кори.

А-ха-хах, ты про какого из них?

Про того, у которого мозги на асфальте остались.

Слушай, страшная штука эта «Эйфория», у него глаза такие были, когда он пер на меня, как у настоящего демона. Мне даже не по себе стало. Я вообще подумал, что я не от человека удары по голове получаю, а от животного.

Ну и правильно сделал все. Тот второй тоже классно полетел. Да вообще, ахуенно ты их разьебал.

Было бы кого там разьебывать. Бедняки несчастные.

Че, как думаешь, что Елена хочет?

Мне абсолютно неинтересно, что эта змея хочет. Она должна нам денег.

У меня почему-то хорошее предчувствие.

Это все алкоголь.

«Электра» подъехала к парковке ТЦ «Счастливое кольцо». На часах было 22:45. Вокруг стояло несколько грузовых машин и немногочисленные легковушки. Пейзаж был слегка пустынным, темным и безжизненным. До встречи остава-

лось еще 15 минут, но белый автомобиль Елены уже стоял неподалеку. Мужчины вышли из купе и направились к ней. Заметив их еще при въезде на территорию торгового центра, Елена тоже вылезла из машины. Парочка быстрым шагом дошла до стоящей в ста метрах блондинки.

Какая радость! И большой, и маленький! Все вместе, как одна большая и дружная семья!

Привет, Елена! – весело поздоровался Кори.

Здравствуй, – сдержанно произнес Шоу.

А че вы такие помятые? Помешала вашему отдыху?

Немного развлекались, да. Ну ничего страшного, ты же с хорошими новостями? – ответил хакер.

Вот, Андрэ, видишь, какой у тебя прекрасный друг. Улыбается, думает только о хорошем. А ты вечно грубишь хрупким девушкам. – Облокотилась на свою машину Елена.

Это ты-то хрупкая? Давай к делу, зачем ты хотела увидеться?

Конечно же, потому, что я соскучилась по вам! Разве нужен повод для того, чтобы посмотреть на самых милых зайчиков из московских трущоб?... – Елена сделала театральную паузу, глядя на мужчин, как на цирковых дурачков. – Ну ладно-ладно, у меня и правда хорошие новости. Ваша работа дала прекрасный результат, у меня с собой оставшаяся часть вашего гонорара и очень сладкий бонус от заказчика.

Отлично, тогда давай деньги, и мы в расчете, – буркнул Шоу.

Конечно же, отдам, но только нужно прояснить одну вещь, чтобы потом не возникло недопонимания.

Что еще, Елена? – чувствуя подвох, занервничал Шоу.

Да ты не волнуйся, все хорошо. Я не собираюсь тебя мучить. Тот сладкий бонус в размере двух ваших гонораров, который я упомянула, он же не просто так появился. Это что-то вроде цены за ваше молчание. Если нарушите его, то от возмездия вам не скрыться. Смерть будет долгой и мучительной, пупсики.

Ты опять нам угрожаешь? – спросил Шоу.

Андрэ, не заводишь, пусть скажет, что хочет. – Дональд хлопнул по плечу грозу панков.

Ты ж мой милый садовый гномик, так радостно слышать от тебя слова понимания и поддержки, спасибо, – улыбнулась Елена. – Не представляешь, как сложно вести разговор с твоим другом один на один. В прошлый раз он чуть руку на меня не поднял, прикинь.

По лицу Шоу становилось видно, что он скоро закипит. Внутренняя неприязнь к обольстительным женщинам понемногу вываливалась наружу. Даже фонари уличного освещения несколько раз моргнули в унисон с настроением Андрэ.

Ну не сердись, крепыш, – игриво продолжила блондинка, – я знаю, что твое сердце пылает огнем, как только ты меня видишь, но не стоит уж прям так при всех. Ладно, экхм... шутки в сторону. Программка, которую вы успешно вдолбили в кортеж Чековских, пролезла во внутреннюю сеть жили-

ща Владимира Освальдовича и ломанула все его коммуникации. Результат превзошел все наши ожидания. Просто что-то с чем-то. Ну так вот... Чтобы уберечь вас от необдуманных действий в виде слития информации третьим лицам о том, что и как вы загружали, мой заказчик решил вас пригреть лишними денежками. Понимаете, мальчики? Вам дают деньги – вы не пиздите. Ясно выражаюсь?

Елена, мы русский язык понимаем не хуже твоего, никто и не собирался болтать лишнего, это непрофессионально, – ответил Шоу.

Отлично, я в вас и не сомневалась. Но мне несложно лишний раз предостеречь вас от соблазна заработать на конфиденциальной информации. – Елена оттолкнулась от машины и выпрямилась.

Что, прям настолько все успешно? – с улыбкой спросил хакер.

Да, именно настолько. Ты можешь гордиться собой, Дональд. Не зря последние мозги оставил у «Ананасика».

Ну расскажи тогда, что же вы узнали или это опять «не нашего ума дело»? – поинтересовался Шоу.

Это эксклюзивная информация, но все равно скоро об этом будет знать вся Россия. Так что подарю вам возможность узнать в числе первых. Конечно же, только из-за большой любви к тебе, Андрэ. Ну так вот... Оказывается, что стопочтенный гений-химик, создатель современной России и просто человек, придумавший водород, Чековский Вла-

димир Освальдович оказался предателем Родины и против него будет возбуждено дело о государственной измене. Такой вот приколы, представляете?

Чего?! – одновременно воскликнули американцы.

Я сама в осадок выпала, когда услышала. Оказывается, что наш дорогой дядя Володя сливал все технологические разработки, финансовые и инвестиционные планы китайцам. А еще он накладывал вето на ряд проектов, чтобы не составлять конкуренцию «Шэньси Циннэн». Учитывая, что он руководитель крупнейшей государственной корпорации и размер этого ущерба фактически невозможно оценить, я думаю, что ему грозит смертная казнь. За собой он потянет и своего сыночка, там никто разбираться не будет.

Звучит как полнейший пиздеж, – возмутился Кори.

Да нет, это кристально чистая правда. Вы же знаете о его любимой дочурке, от которой он уже тысячу раз публично отрестился? Ну так вот получается, что все это не соответствует действительности и ни от кого он не отрещивался. Всю дорогу с момента ее отъезда в ЗКИ хитрые китайские партнеры держали великого и ужасного Чековского за яйца. Знаете как? С помощью обыкновенного шантажа. Успех и личная безопасность Евы Юсинь напрямую зависят от того, что ее нерадивый папаша передает всю бесценную информацию за бугор. Все вот так банально просто. Технологии и содействие в обмен на жизнь и успех дочери. Ну классно же?

Put a madre, то есть фактически Ева в заложниках у китай-

ских спецслужб?

Да! Именно так, только она об этом, конечно же, не подозревает. Ну а и не нужно знать, пока спонсоры несут ей бабки, а ее розовую мордашку светят везде, где только можно. Бедный папаша... Последние шесть с чем-то лет пытается вернуть свою несчастную девочку, а она и не подозревает, что своим успехом обязана такому плохому папочке. Ну какая драма, м? Ну классно же!

Стоп, подожди. Как вы это узнали? Где доказательства? Это же просто вброс. Таких историй про Чековского миллион и маленькая тележка, – прервал рассказ Елены Дональд.

Слушай, ну ты совсем меня не ценишь, да? Мой заказчик не какой-то затюканный додик, чтобы лаять из-за угла, как плешивая собака. Все это направится в СМИ и на Лубянку. Все доказательства, записи разговоров, доступ к внутренней системе Чековского получают товарищи майоры. Состав преступления очевиден. Скрыть его не получится, продажные журнашлюшки в погоне за сенсациями раздуют такую информационную волну, что мало не покажется. Смекаешь, пупс?

Полный пиздец, – пробормотал Кори.

Умница! Это он и есть. Я сама довольная, как никогда! Два доблестных американца спасают Россию от китайского вмешательства. Ну кино же! Вы большие умнички, особенно ты, Дональд.

Я даже не знаю, как на это реагировать... – тихо отозвался

Шоу.

А тебе и не нужно никак на это реагировать, большой мальчик. Я даже тебе денег за это дам. Ну а если все-таки решишь как-то отреагировать, то сядешь на электрический стул следом за Чековским. Все понятно? – кокетливо ответила Елена, достала пачку сигарет и предложила мужчинам.

Понятнее некуда, спасибо. – Андрэ взял сигарету и закурил.

Ладно, мальчики. Мне очень приятно находиться в компании таких героев, как вы, но на этом наше с вами знакомство заканчивается раз и навсегда. Не будем лишний раз признаваться друг другу в любви. На пассажирском сиденье лежит сумка. Там наличка. Пятьсот миллионов. Хватит, чтобы начать жить достойно, а не избивать гопников в «Синергии». Забирайте.

На лице Дональда появилось искреннее удивление: во-первых, откуда Елена узнала про «Синергию», во-вторых, пятьсот миллионов – это в три раза больше того, о чем они договаривались. Но от комментариев Кори воздержался. Шоу же покачал головой, обошел машину Елены, открыл дверь и забрал увесистую люксовую спортивную сумку, доверху набитую наличкой.

Надеюсь, ты не будешь сейчас все это пересчитывать, крепыш, – цыкнула Елена.

Мне самому не верится в то, что я говорю, но сегодня я тебе верю, Елена.

Я тоже по тебе буду скучать, жалко, что наш роман продлился так недолго, – съязвила блондинка.

Сумка итальянская в подарок идет? – спросил хакер.

Конечно, пусть она напоминает вам обо мне. – Елена скрестила руки под грудью и затаилась. – Да и... Кроме того, что у вас язык будет находиться за зубами, есть еще одно простое условие. Не тратьте подозрительно много, пока дело Чековских не станет достоянием общественности. Вы и так все понимаете, не мне вас учить, как легализовывать наличку, но хочу вас предупредить... Переживаю за ваши милые мордашки, не хочется присутствовать на ваших похоронах.

Приятно иметь с тобой дело, – удовлетворенно выдохнул Андрэ.

А мне-то как. – Елена положила руку ему на грудь. – Прощайте, мальчики!

Она сделала последнюю затяжку, затем улыбнулась, открыла дверь своей машины, села, запустила двигатель и ударила по газу, с визгом шин скрывшись в ночи. Парковка ТЦ «Счастливое кольцо» обезлюдела. Казалось, что даже фонари стали светить слабее. По асфальту одиноко летал пакет вперемешку с мусором, а вдалеке терпеливо стояла «Электра». Мужчины молча курили. У обоих было ощущение, что закончилась целая эпоха. Причем настолько быстро, неожиданно и результативно, что казалось, будто их где-то обманули, хотя видимых на то причин не было. Несколько месяцев подготовки, рискованная операция, угроза жизни Дональду,

а затем долгие недели тупого и бессмысленного ожидания. Наконец-то все это завершилось огромным кушем. Просто повезло? Оказались в нужном месте и в нужное время? Возможно...

Пятьсот миллионов за то, чтобы всучить своего начальника и полежать недельку-другую в больничке? Это что, какой-то сон? – в замешательстве пробормотал Кори.

Да, именно. Обычно все так и происходит. Но я согласен с тобой, какое-то неприятное ощущение, что все оказалось слишком просто, меня тоже не покидает.

Теперь мы пиздец в порядке. По 250 миллионов каждому. Можно купить несколько квартир на Пятом кольце, машину обновить, или вообще уехать нахуй из этой страны куда подальше... Я даже не знаю, что теперь делать. Это в три раза больше, чем мы ожидали.

Я пока ничего не понимаю. Нужно добраться до квартиры и хорошенько подумать. Давай сматываться отсюда, да побыстрее. – Шоу докурил, и мужчины направились к «Электре».

Быстрым шагом они дошли до черного спортивного купе. Сев в машину, Шоу бросил сумку на задний ряд, открыл окно и включил музыку, а затем распечатал третью за день пачку сигарет. День был особенно нервный, да и алкоголь давал о себе знать. Кори назначил машине маршрут до своего дома, и они отправились в путь.

То есть она за нами еще и следила? – задал риторический вопрос Кори.

Я не удивлен. Вот чему я точно удивлен, так это тому, что нам не вышибли мозги где-нибудь за углом.

Будем сидеть и не отвечивать... Слушай... мне кажется, что вся эта ситуация вокруг Чековского связана с его решением выдвинуться на пост мэра. Вот что ему надо было? Сиди, блять, на жопе ровно, руководи своим водородом, и все будет нормально...

Я думаю, что спустя какое-то время, учитывая его возраст и великолепное состояние здоровья, наступает очередной «кризис» и хочется либо выйти в окно, либо, так сказать, начать новую жизнь. Вот он и нарвался на беспощадный каток системы.

Как-то по-идиотски все выходит...

Я не осуждаю его за то, что он делал, у меня нет детей, но ради своей мелкой сестренки я бы пошел и не на такое. Ладно, давай закинем к тебе сумку, а завтра обсудим, что нам со всеми этими деньгами делать. – Шоу докурил и выбросил окурок в окно.

– Здравствуйте, уважаемые слушатели! Это программа «Вьюга», и с вами Юнона Шталь. Московское время – 12:30, 18 ноября, понедельник, в эфире выпуск дневных новостей. Час назад Президент России Елена Александровна Раев-

ская прибыла в столицу Западно-Китайской Империи Чунцин с государственным визитом. Она пробудет там до 19 ноября. Стороны обсудят вопросы стратегической безопасности на границе, а также, цитата, «торговые недопонимания».

Ранее аналитический ИИ «Вьюги» прогнозировал, что Россия и ЗКИ расширят пакт о ненападении, а также пойдут на взаимные уступки по торговым барьерам в отраслях композитных и биотехнических материалов. Перспективы развития мировой торговли водородной энергетикой также могут стать одним из пунктов повестки, учитывая успехи «Госводорода» по выходу на рынок Франции. Текущий визит с высокой долей вероятности станет первым шагом в восстановлении дружеских отношений между Россией и Поднебесной, оценивает наш ИИ.

В продолжение темы, сегодня пресс-служба «Госводорода» сообщила, что компания согласовала с правительством Франции строительство водородопровода. Начало строительства объекта намечено на конец декабря.

Наш ИИ оценивает объемы поставок топлива как существенные. Ожидаем, что российская компания закроет до 20% от всего спроса на энергию Франции.

Министерство внутренних дел фиксирует всплеск преступности в южных районах Седьмого, Восьмого и Девятого колец. Сообщается, что растет количество вооруженных нападений, грабежей и убийств. В отдельные районы могут быть направлены отряды усиления.

ИИ «Вьюги» считает, что теми ресурсами, которые может направить МВД, изменить ситуацию в корне не получится. Нехватка рабочих мест на фоне растущей иммиграции будет приводить к вспышкам насилия не только в южных, но и в восточных и юго-восточных районах Москвы.

Расширенная версия машинного прогноза доступна подписчикам нашей экосистемы. На этом все. Спасибо за то, что остаетесь с нами.

Юнона встала из-за стола, выключила камеру и вышла из своего кабинета. Затем переоделась в более свободную одежду и повесила на шею подвеску с микрокомпьютером, через который с ней связывался ИИ ее собственной разработки «Вальтер» – первая и пока что единственная в мире программа, обладающая собственным сознанием и личностью. Основные вычисления «Вальтера» шли в распределенной сети медиахолдинга.

Девушка зашла на кухню, поставила на конфорку турку, насыпала натуральный кофе, залила воду и включила плиту. Юнона жила в роскошной большой квартире на Четвертом кольце Москвы в районе Ломоносовского проспекта. Внутри нее располагалась студия для живых эфиров новостной программы «Вьюга», автором и бессменной ведущей которой являлась сама Юнона. Фактически не было никакой необходимости вести выпуски новостей живьем, сидя перед камерой, так как сгенерированная искусственным интеллектом картинка не отличается от настоящей буквально ничем, ведь

можно даже предусмотреть намеренные ошибки диктора для еще большей реалистичности. Однако для девушки это стало чем-то вроде хобби.

Юнона не могла найти себе места, если не проводила пару-тройку живых включений в день. Конечно же, выдавались и напряженные периоды, когда удавалось записать всего несколько передач за неделю, тогда остальные включения приходилось генерировать при помощи «Вальтера». К слову, в отпуск дольше чем на четыре дня Юнона не ходила. Безудержное желание вечно что-то делать заставляло ее менять билеты на пораньше и возвращаться в Москву. Спокойный отдых девушка тоже не любила. Вообще, было удивительно, откуда в человеке столько энергии.

Юнона села за стол у окна и стала любоваться видом в ожидании готовности кофе. Вдруг ей пришло сообщение на коммуникационный нейроимплант. В ее чудесных кибернетических зеленых, как изумруды, глазах отобразилось сообщение о том, что сегодняшний вечер с подругой отменяется. «Юнчик, прости, я не успеваю сегодня, давай в следующий раз», – гласил текст. Кофе закипел. Юнона тоже...

Пuls почти 100 ударов в минуту, девочка, давай-ка ты чуть-чуть успокойсья. Кофе сейчас убежит, лучше иди хлебни, а, – «Вальтер» вступил в мысленный диалог со своей владелицей, посылая сигнал прямо в ее мозг.

Да сколько можно! Хрен я больше с ней буду о чем-то договариваться. У нее все так просто, взяла и отменила! –

вслух начала ругаться Юнона, а затем сняла турку с огня и налила себе кофе в чашку.

Зачем ты обращаешь на это внимание, ты как маленькая, ей-богу. Может, уже пора как-то повзрослеть и не воспринимать все косяки других людей так близко к сердцу? При чем буквально близко к сердцу, – продолжил нравоучения «Вальтер».

Давай вот только ты мне сейчас лекции не читай, ладно? – огрызнулась Юнона и сделала глоток кофе. – Фу, блин, какой-то он кислый, больше не заказывай такой.

Хорошо, больше не буду. Ты сама просила «че-то новенькое», вот я и взял другой.

Ну понятно, теперь больше его не бери, какой-нибудь другой найди! Или вообще не покупай ничего нового. Разберись сам, короче! – капризно ответила Юнона.

Тем временем пульс уже 119 ударов в минуту. Давай-ка остынь. Семь вдохов самурая, вдох-выдох, быстро! – назидательным тоном продолжил терапевтировать хозяйку ИИ.

Юнона сделала еще один глоток кофе, а потом стала послушно выполнять дыхательную практику. Со стороны это выглядело слегка странно. Сначала девушка заговорила сама с собой, потом поругалась неизвестно с кем из-за вкуса кофе, а после этого замолчала и приступила к дыхательным йогическим упражнениям. Непосвященный в тонкости жизни Юноны сторонний наблюдатель подумал бы, что у девушки прогрессирует шизофрения, однако так казалось лишь на

первый взгляд.

Фитнес-тренер, лечащий врач, личный психолог, близкий друг, коллега, рабочий инструмент, брат, сват и тесть в одном лице – «Вальтер» – общался со своей создательницей, посылая сигнал прямо в установленный в мозгу Юноны имплант. Она же, в свою очередь, предпочитала озвучивать всю информацию вслух, хотя и имела возможность общаться с ИИ скрыто от окружающих, с помощью того же импланта. Так и получалось, что со стороны девушка иногда вела очень живые и вполне осмысленные диалоги сама с собой.

Спустя пару минут роскошная брюнетка закончила выполнять «Семь вдохов самурая» и сделала последний глоток кислого кофе.

Что опять с тобой не так? Пульс 90, кортизол повышенный, потоотделение активное. Мышцы лица напряжены. Ты до сих пор злишься из-за отмененной встречи или из-за того, что кофе невкусный? Я скоро сам начну злиться и матюкаться!

Нет, все нормально уже. Не знаю, какое-то чувство нехорошее. Предчувствие, что ли... – Девушка встала со стула и поставила чашку в кухонный мультиаппарат для помывки.

Понятно, кофеек, видимо, с какими-то левыми присадками попался. Выпей воды и пошли на улицу, пройдемся.

Ага, – согласилась Юнона и резко вздрогнула.

В этот момент она получила сообщение от неизвестного адресата с очень сомнительным содержанием. Прогрузив

его, девушка на минуту застыла. В тексте говорилось о том, что некий «страж закона» якобы располагает чувствительной информацией о руководителе «Госводорода» Чековском Владимире Освальдовиче. По его словам, глава госкорпорации замешан в связях с ЗКИ и в скором времени может быть осужден за государственную измену. В сообщении приводятся факты передачи закрытой корпоративной информации, а также обстоятельства проживания его дочери Евы Юсинь в Китае. Неизвестный абонент предложил Юноне Шталь опубликовать эксклюзивную информацию, используя ресурсы ее медиахолдинга «Ветер перемен». Кроме того, текст гласил, что в случае отказа публиковать предложенную информацию на ресурсах холдинга «страж закона» обратится с подобным предложением к другим СМИ.

Юнона вошла в гостиную и завалилась на диван, молча анализируя полученный текст. Если все изложенное в этом подозрительном сообщении правда, то это будет означать лишь одно – семья Чековских будет отстранена от управления «Госводородом» либо вообще подвергнется высшей мере наказания. Фактически публикация такой информации в каком-то из СМИ Юноны означала бы предательство ее самого близкого друга – Роберта. Да и сам Владимир Освальдович для Юноны не самый чужой человек. С другой стороны, грядущей информационной волны, направленной против Чековских, избежать не получится.

Как ты думаешь, это правда? – спросила Юнона.

Звучит правдиво на 87%. Есть якобы доказательства, есть мотив, есть и причины начинать в отношении него такие расследования с учетом того, что он избирается на пост мэра и у него много конкурентов. Что думаешь делать? – ответил «Вальтер».

Не знаю... наверное, нужно предупредить Чейза, а еще встретиться с Эдуардом и показать ему это.

Согласен с тобой. Действуй. Начинай с Эдуарда.

Юнона пошла на кухню. Достала из шкафа бутылку бурбона и налила 60 мл в рокс. Выпила залпом. Стало немного легче. Постояв у холодильника несколько минут, девушка позвонила Эдуарду. Гудки шли очень долго.

Алло, Юна, я на работе. Что-то срочное? – ответил Эдуард.

Эд, привет. Да, срочное. У меня есть очень скверная информация про дядю Володю, – нервно произнесла девушка.

Про какого дядю Володю?..

Эд, блин, Чековского, какого еще? Мы можем встретиться сегодня и обсудить? Тут по твоей части дело.

О-хо-хо... Хреново, очень хреново. Ты сейчас где?

Я дома, могу в любое время сегодня.

Хорошо, давай пообедаем через час. Подъедешь ко мне?

Да, сейчас выеду.

Хорошо, жду звонка, подкатывай к нашему реститу, я пока забронирую.

Юнона угукнула в трубку и завершила вызов. Затем пе-

ределась в более приличную легкую куртку и вызвала такси. Беспилотник подъехал к подъезду через две минуты. Девушка забралась в такси, закрыла дверь и уткнулась в окно. На улице было чуть меньше 20 градусов по Цельсию. Москва желтела, деревья сбрасывали листву, привыкшие к адской жаре люди надевали легкие плащи и куртки.

Ты сейчас сдохнешь, – прокомментировал состояние душевного здоровья Юноны «Вальтер».

Ой, иди нахер! – эмоционально ответила девушка.

Я тебе серьезно говорю. Я, конечно, понимаю, что ты переживаешь за своего любимого Роберта, но его проблемы не угрожают твоей жизни, так что незачем так волноваться.

Тебе не понять. Ты машина, что бы ты там о себе ни думал, так что умолкни.

Мне-то как раз понятно, что ты переживаешь за своего мальчика, как мамка на детском утреннике. Но мне кажется, что ты в очередной раз забыла, что он женится в конце января. На что ты рассчитываешь? У тебя вообще интересная модель поведения. Ты настолько ценишь его, что готова чуть ли не жертвовать всеми своими интересами, лишь бы он тебя в очередной раз заметил и похвалил.

Тебе концепция дружбы вообще знакома? Знаешь, что такое близкие люди?

Не-а. Зато мне знакома концепция обмана самого себя, а еще концепция того, что ты всю свою жизнь маешься от одиночества просто потому, что вбила себе в голову бредовую

идею о том, что в конце концов вы будете вместе. Еще рассказать тебе какие-нибудь концепции?

Вальт, что ты хочешь от меня, чего ты добиваешься? Еще сильнее меня позлить?

Нет, я хочу, чтобы ты абстрагировалась от ситуации с Чековскими. Помоги, чем сможешь, просто потому, что дружба с Робертом Чековским, **ИМЕННО ДРУЖБА**, сама по себе полезна, но не воспринимай это как личную трагедию. Он тебе не муж, не родственник, не парень и даже не любовник. Ты сейчас на эмоциях: еще и влезешь во что-нибудь и вместе с ними на дно пойдешь.

Хорошо, я тебя поняла. Я постараюсь ни во что не вляпаться. Доволен?

Я, как ты выразилась, машина, а потому «концепция» удовольствия для меня недостижима. Так что важно лишь то, чтобы ты действительно прислушалась. Но да... Я доволен, спасибо.

Ну и хорошо, давай теперь чуть-чуть помолчим, – закончила разговор Юнона и уткнулась в окно.

Такси выехало на проспект Вернадского, а затем на Лужнецкий мост. Центр Москвы сиял и блестел, несмотря на осенний сезон. Туда-сюда сновали разнообразные боты-полировщики и чистильщики, шикарные авто и красиво одетые люди. В небе, как стрекозы, летали авиамобили.

В Лужниках сегодня вечером должен был пройти концерт группы «Медный провод». Они играют стандартную элек-

тронную, клубную музыку и трибьюты, ничего необычного, кроме того, что в группе всего один человек. Антон Левсенко – менеджер и ее создатель в одном лице. Все остальные участники – эпатажно выглядящие антропоморфные роботы, играющие на разных инструментах. Собственно, именно на их концерт сегодня вечером Юнона и собиралась пойти со своей ветреной подругой.

Проехав Кропоткинскую, такси остановилось на Гоголевском бульваре. Девушка вышла из машины и направилась к ресторану «Печь», отправив Эдуарду сообщение о своем прибытии. Зайдя внутрь, она обнаружила, что тот уже ждал ее в заведении. Ресторан был выполнен в старорусском стиле. На стенах висели красивые музыкальные инструменты, глиняные горшки и прочая утварь. Столы были выполнены в форме натуральных деревянных срубов, боты-официанты наряжены в вышиванки, платья и рубахи. Кухня была очень достойная с импровизациями на тему дичи и блюд, приготовленных в классической русской печи. Юнона под села за стол к другу.

Привет, Эд, – торопливо поздоровалась она.

Здравствуй, – ответил Эдуард Шакиров, – выглядишь не очень, если честно.

Да что ж такое, и ты туда же.

Ну ты правда очень напряжена, расслабься и рассказывай, что там у тебя. Чайку попей, – заботливо сказал Эд и налил в кружку «натурального» чая.

Вот смотри. – Юнона сбросила текст пришедшего ей сообщения и сделала глоток чая.

Эдуард откинулся на спинку дивана, надел очки и вывел изображение себе на экран. К столику подошел официант и спросил, чего желает девушка. Подумав несколько секунд, она заказала борщ, двойную порцию мороженого и бокал белого вина.

Это очень плохо, – сказал Эдуард.

На лице Юноны нарисовалась картина «Последний день Помпеи».

В общем, это только для твоих ушей. Информация секретная. Вчера вечером, в воскресенье, нам поступил точно такой же сигнал. Сегодня меня проинструктировали, но самих материалов я пока что не видел. Вроде как информатор предоставил все ключи от архивов, гигабайты аудиозаписей звонков, доступ ко всем потрохам из личной сети Чековского. Дело взято на особый контроль самим генерал-полковником. Сегодня-завтра начнем активно изучать. Я проверю номер, с которого тебе это сбросили, но заранее уверен, что он одноразовый.

Эдик, что же будет? – Лицо Юноны побелело.

Ничего хорошего... Я не знаю... На дядю Вову сейчас будут вешать всех собак.

Это правда, что ему грозит смертная казнь?

Нет, до этого, думаю, не дойдет. Речь о казни точно не идет. Самое максимальное, что ему светит, – это двадцать

лет. Владимир Освальдович слишком весомый человек для России, чтобы с ним обходиться настолько по-плебейски и садить на электрический стул. Иншаллах удастся вообще сдвинуть тему на то, что он действовал под давлением и ничего серьезного не передавал. – Эдуард сделал глоток чая, снял очки и потер лоб рукой. – Но на этом все, да... О дальнейшей карьере в «Госводороде» и Чейзу, и его отцу стоит забыть.

Эд, я отказываюсь в это верить. Это провокация и фальсификация.

Экспертиза материалов уже началась. Прогнозы неутешительные. Насколько я знаю, наши уже воспользовались предложением информатора и к концу сегодняшнего вечера поставят домашнюю сеть Чековского под контроль, – мужчина оборвал свою мысль и резко замолчал.

Официант подошел к их столу. Эдуарду принесли запеченную утку, а Юноне борщ, сметану и объемный бокал белого вина.

Нужно его предупредить! Нужно что-то сделать. Если он сейчас попадется с поличным, то это точно конец, – тихо, но эмоционально заговорила Юнона, как только бот отошел на достаточное расстояние.

Собственно, я сегодня собирался предупредить Роберта об этом. Но только если мое участие в этом вскроется, то я сяду вместе с Владимиром Освальдовичем.

Давай я расскажу! Так будет безопаснее.

Да... наверное, да... Так будет лучше, – кивнул головой Эдуард, потер шею и попробовал свое блюдо, – только ты это... Сделай все по уму. Не надо сейчас, когда выйдешь из ресторана, звонить ему и кричать в трубку, что дядя Вова завтра сядет. Скажи, мол, у тебя подарок для него, нужно вручить немедленно, ты подъедешь к нему. Начнет отмазываться – скажи, что подарок протухнет, ну или еще что-то вроде того. Короче... ты поняла, о чем я.

Да, мне все понятно. – Юнона принялась размешивать сметану в борще.

Юна, ты, главное, не переживай. Я понимаю, что ты волнуешься за Роберта, но эмоциями делу не поможешь. Слышишь меня? – Эдуард взял ее за руку и пристально посмотрел в глаза.

Да, Эд... Слышу, сейчас я соберусь с мыслями и успокоюсь. Просто грянуло, как гром среди ясного неба.

Ты сама-то как?

Да я-то че, у меня все прекрасно. Только вот это что-то сильно вдарило по голове. У тебя как дела? Как Милена?

Хвала Всевышнему, все хорошо. Старший ветрянкой заболел, вроде бы легко переносит.

Юнона Шталь и Эдуард Шакиров, самая известная независимая журналистка России, владелец медиагруппы «Ветер перемен» и полковник Министерства национальной безопасности, заместитель начальника отдела экономической безопасности Управления по защите национального сувере-

нитета России – старые друзья, знакомые еще со школы, просидели в ресторане еще около 30 минут, то обсуждая отвлеченные вопросы, то возвращаясь к злободневной теме.

Ладно, Юн, давай двигаться. Мне пора на службу, а тебе – звонить Чейзу. Главное – сохраняй спокойствие, – сказал Шакиров, оплачивая счет.

Давай, да. Держи меня в курсе, пожалуйста. Если что, звони, можно еще раз встретиться, – ответила Юнона, встала из-за стола и направилась к выходу.

По улице проехал очередной кортеж в сопровождении полицейских машин. Издалека доносилась музыка, раздающаяся из динамиков ВМКЗБ прям на Кропотке. Погода была чудесная, но времени наслаждаться ею не было. Отойдя от ресторана, журналистка перешла улицу и направилась к лавочке на бульварном сквере. Отрепетировав в голове речь, Юнона позвонила Роберту.

Алло, Юнона, привет. Че у тебя случилось?

Приве-е-ет! Ах-ха-х, почему сразу что-то случилось? – моментально вошла в роль журналистка.

Ты обычно не звонишь днем, – вальяжно протянул Роберт.

Короче! У меня для тебя прикол есть, прикинь.

Хах, что такое?

Ну, короче, мне надо тебе его сегодня показать. Давай я подъеду, куда скажешь?

Ой, Юн, давай лучше на выходных встретимся, можно

компанией где-нибудь собраться. Я просто сегодня занятой очень.

Ну-у-у Роб! Так не пойдет, до выходных приколы уже сгниют. Давай, говорю тебе, подъеду, блин! У тебя сегодня встреча какая-то, что ли?

Да, вечером у меня деловой ужин. Говорю же, занят я.

Хорошо. Где ты сегодня ужинаешь и во сколько? Я приеду за десять минут к месту встречи, ничего страшного с тобой не случится.

Что, прям настолько невтерпеж?

А ты, я смотрю, догадливый...

Хорошо, давай подкатывай ко мне в офис. Где ты сейчас находишься? Я отправлю свой авиамобиль к тебе, прилетишь сразу на этаж. А то запусти тебя через главный вход, так фанатов проходу не дадут.

М-м-м... Ближайшая общественная зона посадки на Арбате, вроде.

Окей, через двадцать минут прилетит. Иди туда.

Блин, ну люкс, ничего не скажешь. Все, давай, сейчас увидимся. – Бросила трубку Юнона и двинулась к зоне посадки авиамобилей.

Эх... – раздался в голове у девушки голос Вальтера.

Что? – Юнона решила вести с ним диалог мысленно.

Дело пахнет полнейшим дерьмом.

И не говори...

Я, конечно, понимаю Эдуарда, он идет на преступление,

действуя в интересах Чековских, поэтому скидывает на тебя задачу донести ему информацию, но, прошу тебя, не подставься под удар.

Хорошо, я постараюсь. Не переживай, – подумала девушка и быстрым шагом двинулась к Арбату.

В лицо подул сильный ветер, а на небе начали стягиваться тучи. По прогнозу весь оставшийся день ожидался сильный ливень. Куртка и волосы Юноны развевались будто флаг. Не сбавляя темпа, она свернула с Гоголевского бульвара и через защищающие от потоков воздуха переулки продолжила свой путь к посадочной площадке. Людей на улицах становилось все меньше, дождь должен был начаться с минуты на минуту.

Посадочная площадка располагалась на крыше одного из высотных зданий на Арбате. Юнона зашла в фойе и направилась к лифту. После нескольких десятков секунд нервного ожидания она поднялась на крышу и оказалась в транспортном терминале. На информационном табло отображалось ориентировочное время прибытия всех авиамобилей. «Зеленый авиадрандулет» Роберта, как его называла Юнона, должен был прибыть в течение пяти минут. В зале ожидания сидела какая-то парочка и компания из нескольких хорошо одетых мужчин.

Журналистка подошла к автомату с напитками, чтобы взять себе кофе и воды. Дневная доза алкоголя давала о себе знать: слегка неуверенными движениями Шталь набрала на экране нужные цифры, оплатила покупку, а затем жадно

выхватила из автомата напитки. Горячий кофе был выпит практически залпом. Бутылка воды спрятана в сумку.

Юнона встала у окна, ожидая свой транспорт. На стекло уже начинали приземляться капельки дождя, а небо становилось все чернее. Спустя три минуты зеленая точка выглянула из-за крыши отдаленного здания и стремительно приблизилась к месту посадки. Аккуратно приземлившись на площадку, авиамобиль издал звуковой сигнал и открыл дверь. На информационном табло загорелось предупреждение, что в течение 30 минут начнется сильный ливень и воздушные рейсы будут остановлены до его окончания. «Успеваем», – подумала Юнона и направилась к летательному аппарату.

До офиса «Госводорода» было 20 минут. Девушка рухнула в кресло и осмотрела салон, в котором ее много раз обещали покатасть. Воздушное судно поднялось вверх и плавно направилось на место постоянной дислокации. Из окна авиамобиля виднелось только лишь Шестое кольцо Москвы. Гигаполис казался необъятным: чтобы увидеть самые окраины, нужно было подняться еще выше и смотреть в бинокль. Тучи медленно накрывали весь центр города вплоть до Четвертого кольца, которое заканчивалось по границе старого ТТК.

Непродолжительный полет воздушного судна подходил к концу, и аппарат стал планомерно спускаться. Из окна виднелся открытый авиационный шлюз башни «Госводорода». Автопилот аккуратно приземлил летательный аппарат на его стояночное место, Юнона вылезла наружу. На входе в ангар

стоял Роберт, скрестив руки на груди. Она неуверенной походкой двинулась в его сторону, будто стараясь оттянуть момент разговора.

Привет, как долетела? – поздоровался мужчина и слегка приобнял ее.

Привет-привет, все нормально. Классная штуковина, мне понравилась, – ответила Юнона, оглядываясь в сторону летательного аппарата.

Я так понимаю, никаких приколов не будет? Случилось что-то серьезное?

Да, так и есть. Это касается тебя и твоего отца. Пошли в кабинет, там поговорим.

Ну пойдем, – немного встревоженно ответил Чейз, нажимая на кнопку лифта для руководства, – ты сама-то как? Выглядишь очень обеспокоенной.

Мне об этом сегодня сказали уже все. У меня все в порядке, – фыркнула журналистка.

Парочка спустилась на несколько этажей ниже и вышла из лифта. Впереди была дверь в заднюю комнату кабинета Роберта. Обычно в ней он принимал гостей инкогнито либо же просто скрывался от глаз своих подчиненных.

Проходи, диван, кресло, куда удобно. Кофе или чай? – спросил Чейз, запуская Юнону внутрь.

Нет, спасибо, – ответила она, устраиваясь в кресле.

Ну-с, что случилось? – Сел напротив Чековский.

В общем... Крепись... Разговор будет тяжелым.

Выкладывай. – Роберт сложил руки в замок.

Сегодня днем мне с неизвестного номера пришло сообщение с компрометирующей информацией на твоего отца. Все очень плохо. Я позвонила Эдуарду, чтобы обсудить это, и увиделась с ним. Буквально 40 минут назад мы разошлись. Он эту информацию подтвердил, сказал, что вчера им поступил точно такой же сигнал.

Чувствую, что сейчас будет что-то очень нехорошее. – Роберт откинулся на спинку дивана и положил ногу на ногу.

В общем, Роб, твоего отца хотят обвинить в государственной измене, так как он сливает всю корпоративную внутреннюю информацию «Госводорода» китайским конкурентам... – выпалила журналистка.

Чего, блять?!

Я не шучу. Мне тоже в это не верится, но Эдуард говорит, что их информатор предоставил неопровержимые доказательства.

Подожди-подожди, еще раз... Мой отец сливает информацию китайцам?! – Роберт подскочил с дивана.

Да, именно так, Роберт. Вдобавок ко всему тот человек, который отправил мне это сообщение, предложил опубликовать инфу в качестве эксклюзива на моих медиаресурсах, сказав, что если я откажусь, то он сольет все в другие издания. Срок на размышление – сутки. В конечном итоге завтра или послезавтра это будет в СМИ.

А-ха-ха-хах, ладно, прикол удался. Сейчас, правда, не 1

апреля, но мне понравилось.

Роберт, я, блять, не шучу! – взмахнув руками, прикрикнула журналистка.

Экх-м... – Оценивающе посмотрел в глаза своей подруге мужчина.

Роберт, твоего отца хотят обвинить в государственной измене. Ты понимаешь?! Это не шутка, я виделась с Эдом, он подтвердил эту информацию!

Стоп... Мой отец, генеральный директор и основатель «Госводорода», передает закрытую корпоративную информацию КИТАЙЦАМ?

Да. Наконец-то до тебя дошло...

Блять... Звучит как полнейшая херня. Это очередной недовысер политических конкурентов моего отца. Его уже в чем только ни обвиняли. Какие доказательства этого? Кто это вообще выдумал?! – размахивая руками, агрессивно спросил мужчина.

Ты лучше сядь... Дальше будет самое ужасное.

Лицо Чековского-младшего побелело, он развернулся к шкафу с бутылками, постоял несколько секунд, затем, передумав, рухнул обратно на диван.

Ну? – холодно спросил Чейз.

Кто-то взломал внутреннюю сеть дома твоего отца и установил прослушку. Все файлы, ключи доступа и все остальное слили в МНБ. Сейчас они начали свои оперативные мероприятия. Больше я ничего не знаю, мне лишь в общих чер-

тах сообщили все это текстом с неизвестного номера.

Как это вообще возможно? У него там многослойная защита, ее наши спецы делали. Звучит как полнейшая подстава. Какую доказательную базу может иметь какой-то вброс от анонимного хуеплета? – протараторил Роберт.

Эдуард говорит, что сейчас проходит экспертиза, но там уже понятно, что это соответствует действительности. Сам он об этом узнал только сегодня утром. Завтра мы договорились снова с ним увидеться и обсудить, что происходит в их конторе.

А на хрена моему отцу сливать информацию в ЗКИ? Что он вообще им может слить? Статистику по объемам продаж?

Из того, что я поняла, твой отец передавал все технологические разработки, инвестиционные программы, а еще наложил вето на несколько проектов, чтобы не составлять конкуренцию китайским коллегам.

Твою мать... – В голове у Чековского-младшего стали всплывать отдельные моменты нелогичного поведения отца, которые привели к упущению коммерческой выгоды корпорацией.

Немного покачиваясь, Чейз взялся за голову и наклонился. Все его нутро противилось тому, что сказала Юнона. Тем не менее в глубине души он понимал, что отдельные моменты жизнедеятельности корпорации он не мог обосновать ничем другим, кроме как утечкой данных.

Роберт вспомнил разговор с отцом перед ужином с семьей

Харис 2 октября. Тогда он просил его усилить работу внутренней безопасности, так как отчет о деятельности конкурентов показал, что китайские компании активно занимаются разработкой новых катализаторов, которые существовали только в лабораториях «Госводорода».

Следом за этим Чейз припомнил позапрошлогодний африканский проект, во время разработки которого отец без видимой на то причины отказался организовывать поставки в целый ряд стран. Тогда он объяснил это политическими издержками. Примечательно, что на потенциальное место российской корпорации пришла китайская «Шэньси Циннэн». Больно и со скрипом пазлы стали складываться в общую картинку.

Роберт, ты понимаешь, что это все означает и к чему может привести? – Юнона наклонилась вперед.

Мне ясно, что это угрожает абсолютно всему, но я только не могу понять, зачем отец все это делал? – так и продолжая держаться за голову, ответил Чейз.

Из-за Евы...

Из-за кого, блять?! – в очередной раз выпал в осадок Чекковский-младший. Его бледное лицо резко покраснело, а глаза налились кровью.

Китайцы угрожают твоему отцу безопасностью Евы. Если он откажется выполнять их условия, то они неизвестно что с ней сделают. В тюрьму посадят, выдворят на улицу, обвинят в чем-то, покалечат, еще что-нибудь. Я не знаю... Вот

так вот, просто шантаж... – сказала девушка, будто ожидая, что Роберт сейчас разнесет всю комнату, выломает двери и поубивает всех в радиусе нескольких километров.

Роберт закрыл глаза руками, наклонился вперед и стал истерично хихикать. Затем он умолк и выпрямил спину. В таком положении он просидел несколько минут, пялясь на стенку. Юнона встала с кресла и подошла к графину, чтобы налить себе воды. В комнате стояла полнейшая тишина.

Роберт, скажи что-нибудь, пожалуйста, – не выдержала она.

Всю жизнь... – пробормотал Чейз.

Что именно «всю жизнь»?.. – пытаюсь вывести своего друга на диалог, спросила журналистка.

Всю жизнь она целенаправленно рушит все, что сделал отец... – произнес Роберт, все так же пялясь в стенку рыбьими глазами.

Роб, она, скорее всего, даже не в курсе, в какое положение загнала твоего папу. Ты думаешь, ей говорят, что весь ее успех строится на сделке с совестью твоего отца?

Он каждую неделю пытается выйти с ней на связь. Пишет, звонит с разных номеров, отправляет в Китай своих помощников, даже фанатов ее просит ответить на его призывы просто поговорить. Она все игнорирует... Просто, блять, не замечает его...

Роберт, я не знаю, что тебе сказать... Давай лучше подумаем, что мы можем сделать сейчас. Как смягчить ситуа-

цию... Потом разберемся, что делать с Евой.

Она убила мою мать своим появлением на свет, выбала все мозги мне, пока выросла, а сейчас просто угробила отца... – Чековский-младший продолжил смотреть в стену.

Я прошу тебя, соберись! Нужно предупредить твоего отца. Нужно хоть что-то сделать. Не знаю... Поднимите все свои связи, подготовьтесь к информационной волне в СМИ. Попросите о помощи Хариса, ну давай же что-то делать!

Проще самому поехать в Китай и завалить ее нахер, чтобы не мешала больше... – Лицо Чейза снова побелело.

РОБЕРТ, БЛЯТЬ! СОБЕРИСЬ! ИДИ К ОТЦУ В ОФИС И ПРЕДУПРЕДИ ЕГО! СЕЙЧАС ВООБЩЕ НЕ ДО ЕВЫ, ТЫ ПОНИМАЕШЬ?! – закричала Юнона, размахивая руками.

Чековский-младший слегка пришел в чувство, оторвал безумный взор от стены и вытер лицо ладонью. Затем медленно поднялся с дивана, подошел к шкафу с разноцветными емкостями, открыл бутылку текилы и сделал несколько добрых глотков из горла. Убрав бутылку на место, он развернулся, положил руки на затылок и уставился в потолок. Спустя несколько секунд он заорал и со всей силы ударил по дубовому кофейному столику рядом с диваном. Под натиском наполовину железной ноги Чейза стол разлетелся в щепки. Юнона, испугавшись, замолкла. Роберт поднял продолговатый кусок стола и, крича «СУКА, СУКА, СУКА, СУКА!», начал лупить им по остаткам поломанной мебели.

Система контроля настроения внутри головы Чейза пере-

шла в аварийный режим, включив экстренную абсорбцию адреналина и норадреналина из кровотока. Спустя 30 секунд опасная для всех окружающих помесь из органических органов и имплантов двойного назначения резко успокоилась. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Роберт заговорил.

Что сказал Эдуард?

Он сказал, что сейчас будет изучать материалы дела. Завтра днем мы должны с ним встретиться. Еще сказал, что высшая мера наказания твоему отцу не грозит, и мы будем стараться вывести дело на то, что дядь Вова действовал под давлением и ничего важного китайцам не выдавал, – с легким испугом, удовлетворением от выполненной миссии и надеждой произнесла журналистка.

Все ясно. Сейчас нужно вытащить отца из его бесконечных встреч и все ему рассказать, – как робот сказал Чейз.

Да, все так. Нужно действовать, – успокоившись, ответила Юнона.

Ты можешь завтра после встречи с Эдом в это же время увидеться здесь? Я тебя привезу, как сегодня, или на такси.

Да, конечно, я так и думала сделать.

Хорошо... Хорошо... Юнона?..

Да?

Спасибо тебе, возможно, ваша с Эдуардом помощь поможет спасти ситуацию.

Все в порядке, по-другому мы бы не могли поступить. Те-

перь пошли...

Юнона подошла к двери. Чейз осмотрел нанесенный им урон помещению и вздохнул. Затем торопливо проследовал к выходу. Парочка вышла из комнаты в сторону лифта для руководства. Нажав на кнопку, они спустились вниз в фойе. Девушка удаленно заказала такси, стоящее у офиса «Госводорода», назначив пунктом назначения свой дом. Крепко обняв своего друга на прощание, она вышла из здания и села в беспилотный автомобиль. Чековский-младший же отправился на подземную парковку, чтобы найти там водителя Александра и узнать у него график поездок отца. Ливень за окном становился все сильнее.

Глава 3. «Крушение»

Хэ-э-э-эй! Ну что, соскучились по мне? Да? Я тоже! У меня тут выдался маленький отпуск на недельку, поэтому роликов и не было. Но ничего страшного! Знаете почему? Потому что сегодня у меня для вас тако-о-о-ое! Сейчас с ума сойдете. Кстати, пока мы не начали, для платных подписчиков я выложила в «Цзаньхун» все фотографии со своей поездки на Хайнань. Там очень жарко! Советую посмотреть! Итак, сегодня наша любимая «Тянься Чаоцзи Кунчжилунь» подготовила для обзора НОВУЮ МОДЕЛЬ искусственных мультицветных волос! А знаете что? Я их уже установила! Смотрите, как они светятся [волосы девушки начали перели-

ваться разными цветами, как новогодняя елка]! Вы поняли разницу? Теперь один волосок на различных участках длины может менять цвет, а раньше был доступен только один оттенок для всего волоса целиком. **НО ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ!** Смотрите! Та-да-а-а-ам [девушка развернулась спиной, и ее волосы перекрасились в изображение красно-черно-золотого флага ЗКИ с иероглифом #], вот такой приколы! Можно загрузить в процессор любое изображение и покрасить волосы в его цвета. **НУ ЭТО ЖЕ ПРОСТО ЧУДО!** Кстати, замену старых имплантов волос на новые можно провести чуть ли не дома. Никаких дополнительных операций проводить не нужно. Все разъемы и крепления остались без изменений! Ну что? Какие у вас идеи для картин на голове? Делитесь своими предложениями в комментариях! Самые интересные мы отправим производителю, и их установят в базовую версию импланта! А еще, если вы воспользуетесь моей реферальной программой, то получите бонус при покупке! Какой? **МЫ РАЗЫГРАЕМ** тысячу призов, среди которых **КВАРТИРА, АВИАМОБИЛЬ И КУПОНЫ НА БЕСПЛАТНУЮ УСТАНОВКУ ИМПЛАНТОВ!** Всех целую! Это я, Ева Юсинь!

Блогер показала в записывающее устройство жест руками в виде сердца и завершила ролик. Затем она громко выдохнула, плотно сжав губы, и заржала. Девушка спортивного телосложения с установленными по всему телу быоти-имплантами ростом 168 сантиметров была одета в домашнюю одежду от модного китайского бренда, состоящую из розо-

вого обтягивающего топа и коротких шорт. На голове находились умные очки, которые она снимала только на ночь и то по настроению. Вприпрыжку, с улыбкой на лице она выбежала из своей комнаты, теребя в руках новые волосы. Подошла к холодильнику, встала на цыпочки и потянулась. Затем театрально поклонилась охлаждающему устройству и резко открыла дверцу. Бормоча «так-так-так, что тут у нас ЕСТЬ?», она стала сканировать содержимое полок и хватать все подряд. Достав «все необходимое», она загрузила провиант прямо в упаковке в кухонный мультиаппарат, выполнила в его адрес воинское приветствие, став по струнке ровно, и со словами «кайфуй, родной» нажала на кнопку приготовления импровизированной пищи. Устройство проанализировало полученные материалы и вывело на дисплей обещание о том, что блюдо будет готово через 45 минут.

«Супер!» – подумала Ева и лениво побрела в гардеробную, чтобы переодеться во что-нибудь яркое для сегодняшнего вечера. «Блин, это тухло. Фу, гадость. Кто это вообще купил? Нет... Не-е-е-ет... И это точно нет. Ну, может быть. А вот это неплохо, хотя не, тоже фигня какая-то...» – Процесс выбора наряда обещал быть долгим. Капризно перебирая свои тряпки не без помощи сверхъестественных сил, Ева наконец-то определилась с платьем и аксессуарами. Надев все на свое юное и прекрасное, но уже с ног до головы переделанное множеством операций тело, она подскочила к зеркалу и принялась позировать. Спустя десять минут

самолюбования она наконец-то успокоилась и пошла выбирать обувь. Этот процесс на удивление оказался практически молниеносным. С туфлями девушка определилась всего лишь с седьмой попытки. Взяв в руки заранее подготовленную люксовую сумку, она схватила ключи от машины и вышла из квартиры. Кухонный мультиаппарат сдержал свое обещание и подал сигнал о готовности блюда, выставив на поднос фиолетово-желтое едва съедобное нечто со вкусом кофе, лосося, цветов и картошки.

Цокая каблуками и виляя бедрами, девушка побрела к лифту. Сделав недовольный вид, что ей приходится его ждать, она наконец-то в него зашла. Нажала на кнопку подземного паркинга и поехала вниз. Подземным паркинг назывался исключительно по документам. С другой стороны горы он торчал наружу на уровне крыши соседней двадцатипятиэтажки. Ева в первый месяц здесь никак не могла к этому привыкнуть: выходишь из дома на улицу, проходишь мимо кофейни, поворачиваешь за угол и обнаруживаешь под ногами еще полгорода. Внизу ездят машины, над головой тоже ездят машины, а нужный тебе магазин, до которого на карте сорок метров, находится на восемь этажей выше. Теперь же ее скорее раздражали приезжие, которые останавливались посреди прохода и начинали разбираться, где у этого чертова здания первый этаж.

Под условной для этого города землей ее ждал роскошный спортивный кабриолет сиреневого цвета. Ева предпочитала

водить самостоятельно, нарушать правила, собирать штрафы за превышение скорости и получала от этого удовольствие. Кстати говоря, ее навыки вождения совершенно не сочетались с «девчачьим» и слегка распущенным образом. Она уверенно проходила повороты боком, обожала «шашковать» между потоком беспилотных автомобилей, да и вообще любила машины и все, что с ними связано. Дорога ее успокаивала и приводила мысли в порядок.

Девушка доцокала до кабриолета, нажала на кнопку, чтобы открыть крышу, аккуратно села и нежно закрыла дверь. Затем она сняла туфли и швырнула их на заднее сиденье. Выставив на навигационной панели ресторан, где сейчас проходила встреча с ее участием, она запустила бензиновый восьмицилиндровый V-образный 650-сильный движок с компрессором и тронулась с места. Спустя несколько секунд по всей парковке раздался визг шин и рев бензинового монстра. Кабриолет вылетел из-под земли, встал в полосу и помчался в ресторан морской кухни.

Москва расползалась вширь, подминая под себя все, до чего могла дотянуться. Чунцин полез вверх. Сначала вдоль склонов, потом над крышами, потом между уже построенными башнями, где еще оставались просветы. Места ему досталось примерно с Австрию, но и на этой территории теперь толкались около двухсот миллионов человек. После Потопа сюда ехали семьями, предприятиями, целыми городами, от которых сохранились только названия. Между застроенными

ми долинами еще встречались темные хребты, водохранилища и упрямые клочки зелени. Однако новые районы уже почти добрались до административных границ.

Ева по своему обыкновению развалилась на водительском сиденье и врубила музыку чуть ли не на полную громкость, пугая пешеходов. Дорога была легкой и непринужденной, в принципе, как и вся жизнь девушки. На длинном изгибе эстакады открылась Янцзы. Разросшаяся река лежала между горами широкой мутной полосой, по которой медленно ползли грузовые суда. От воды город отгородился домами. Просто взял и выстроил вдоль берега сплошную жилую стену с таким основанием, что на нем можно было поставить еще один Чунцин. С речной стороны нижние этажи уходили под воду, а с городской к ним подъезжали такси и фургоны доставки. За толстыми стеклами горел теплый квартирный свет. Иногда мимо чьей-нибудь кухни проплывал мусор, иногда рыба, а иногда ничего не было видно неделями, кроме желто-коричневого шлама. Застройщики же продавали это как непосредственную близость к природе.

Путь от расположенной в самом центре города квартиры блогера до фешенебельного ресторана составил всего 20 минут. Подъехав к месту назначения, она слегка презрительно осмотрела прилегающую к территории охраняемую парковку, а затем снисходительно решила занять свободное место.

Припарковавшись, Ева вальяжно достала с заднего сиденья туфли, обулась, заглушила двигатель, закрыла крышу и

вылезла из кабриолета. На входе в ресторан «Хайсяньчэн-ши» ее уже ожидало одно знакомое лицо. Слегка закатив глаза, она двинулась в его сторону.

Привет, Шэнь, давно стоишь тут? – поздоровалась Ева.

Здравствуй, Ева. Нет, пять минут назад подъехал, – ответил худощавый мужчина среднего роста с волосами бело-синего цвета, одетый в модную черную одежду.

Че, меня дожидаться? – ухмыльнулась девушка.

Тебя? Пф... Ты, как всегда, слишком большого мнения о себе, девочка, – ответил Шэнь и сделал затяжку электронной сигаретой. – Паром дышу стою, внутри курить неприлично.

Хах, ну стой, а я и там покурю, – съязвила Ева и виляющей походкой направилась в заведение.

Интерьер заведения был выполнен в стиле неомодерна с кричащими вставками роскоши, золота и мрамора. Помещение освещали приглушенные цветные источники света, спрятанные за элементами декора. Зал был построен в форме многоуровневой окружности, в центре которой располагался огромный цилиндрический аквариум с подиумом наверху. Прямо как амфитеатр. Всего было три этажа, выполненных в виде воронки так, чтобы у столиков на первом и втором уровнях открывался прекрасный вид на роскошную крышу ресторана, изготовленную из черно-синего фотоэлектрического стекла. Третий же этаж представлял из себя закрытую зону для VIP-гостей, откуда был прекрасный вид как на аквариум с подиумом, так и на крышу с интерьером.

Еву ждали именно на третьем этаже. Сегодня здесь проходила неформальная встреча ведущих лайв-блогеров ЗКИ с курирующим их чиновником имперской канцелярии. Конечно же, ни о какой свободе слова в современной развитой стране не могло идти и речи, хотя о ценности прав человека трубили из каждого устройства, способного издавать звуки, демонстрировать текст или же посылать сигналы в мозг напрямую.

Чековская-Юсинь поднялась по лестнице на третий этаж и, собирая взгляды мужской половины посетителей заведения, непринужденно осмотрелась. В VIP-зоне находились огороженные друг от друга звукоизоляционными стенками камеры, вход в которые был закрыт тонированным стеклом. «Вторая против часовой», – вспомнила Ева и легким шагом двинулась в нужном ей направлении. Как только она приблизилась к нужному помещению, стеклянная стена раздвинулась как дверь, и блогер вошла внутрь.

Комната была отделана непонятными мягкими черно-коричневыми материалами, по углам потолка висело несколько источников приглушенного света, там же находились и устройства для трехмерной проекции изображения. Посередине комнаты стоял круглый вращающийся стол, вокруг которого располагались темного цвета диваны. Тонированные стекла изнутри были абсолютно прозрачными, кроме того, на них стояли электронные шумовые ловушки, которые могли как полностью поглощать звук из зала, так и усиливать его

во время живых выступлений. Ровно по центру сидел, залипая в телефон, седой мужчина в строгом классическом китайском костюме. По правую сторону от него, закинув ногу на ногу, с папкой в руках располагалась девушка с тугим хвостом на голове, одетая в таком же стиле. Слева сидел молодой человек и что-то вводил в интерфейс переносного компьютера. На диванах у левой и правой стенок как попало развалилась разноцветная толпа блогеров. Ева осмотрела присутствующих, помахала всем рукой и плюхнулась на диван у левой стенки рядом со своей также эмигрировавшей из России «подружкой» Алиной Бель.

Шэнь на улице... курит, – фамильярно уведомила начальство Ева, а затем достала сигарету, пододвинула к себе пепельницу и подожгла.

В ответ последовал лишь строгий кивок девушки с папкой. Несмотря на показной пафос и безразличие собравшихся в одном помещении интернет-художников, в воздухе все же витало чувство легкого испуга и нервозности. Для неискушенного представителя «среднего достатка» китайского общества картина выглядела бы слегка комично. Будто бы кучка взъерошенных попугаев сидела на жердочках и пыталась доказать всем вокруг, что им вовсе не страшно выслушивать критику и угрозы от государственных служащих Западно-Китайской Империи.

Тишину нарушил объявившийся Шэнь, который извинился за опоздание, сделал едва заметный поклон и сел напро-

тив Евы.

Тогда можем начинать, – холодно произнесла девушка, затем достала из папки пачку бумаг, положила на стол и повелительным жестом предложила блогерам раздать материалы друг другу. – Сегодня на встрече вместе с нами присутствует господин Хуан Лицинъ, он здесь для того, чтобы зафиксировать правильность понимания вами этической стороны нашего дела.

Седой мужчина кивнул головой и махнул рукой, позволяя продолжить. Для всех присутствующих в зале стало очевидно, что он представляет Гвардию стражей Небесного Мандата, или же просто госбезопасность.

Пожалуйста, ознакомьтесь с информационной повесткой на ближайший месяц и с нормами долей этической информации в производимом на ваших ресурсах контенте, – резко оторвался от своего компьютера молодой человек.

Несколько минут компания разноцветных попугаев, словно смиренные студенты перед экзаменом, изучала предложенную информацию, уткнувшись в бумажки. Спустя какое-то время тишину прервала девушка с хвостом на голове и сразу перешла к делу. Согласно устоявшейся традиции, она начала публично анализировать деятельность каждого присутствующего блогера. Критика или же какие-то вопросы во время ее речи были неуместны. Время от времени девушку перебивал молодой человек и вставлял ремарки с подробной статистикой и рекомендациями. Седой мужчина сидел мол-

ча и что-то записывал себе в блокнот, изредка кивая.

Так как Ева сидела у левой стенки с краю, то и очередь ее была последней. Примерно через час она ее наконец-то дождалась. Строгий взгляд девушки с хвостом на голове упал прямо между глаз блогера с розовыми волосами.

Итак, заканчиваем... Ева Юсинь. Эхх-м... За последний месяц вы выпустили 18 материалов и провели шесть прямых включений. Довольно продуктивно. Однако имеются серьезные недостатки. В том числе в шести материалах нет никаких этических вставок. Более того, мы отмечаем падение энтузиазма за последнее время, не видно активного следования за инфоповесткой. Понимаете, о чем я говорю?

Если честно, не очень, – спокойно ответила Ева.

Ну хорошо... что именно вам непонятно?

Я всегда следую нормативам по наполненности нужной информацией, а по поводу энтузиазма – я стараюсь делать ее гораздо глубже, в одном материале подвожу, в другом перевыполняю план. В совокупности получается выполнять требования.

Вы занимаетесь ненужной самодеятельностью, а не глубиной. Если хотите сочинять сложно сплетенные сюжеты, то каждый из них по отдельности должен отвечать нормам. В этом месяце я выношу вам предупреждение. Пока это ничего не значит, но если продолжите, то последствия станут серьезнее. Стало яснее?

Да, мне понятно, – выдавила из себя Ева и вся скукожи-

лась.

Хорошо, что мы пришли к взаимопониманию, – прокомментировал парень с компьютером.

Я позволю себе задать несколько вопросов, – впервые за вечер вмешался в диалог седой мужчина. – Ева, под вашей ответственностью в том числе политика России. Вы в курсе, что скоро в Москве начнутся выборы и уже вовсю начинается предвыборная гонка?

Да, я знаю.

Ваш отец в ней участвует, полагаю, это вы тоже знаете?

Да, я знаю, что мой так называемый отец собирается стать мэром. Если вам интересно мое мнение, то я сомневаюсь, что у него это получится, слишком уж он стар для этого. Хотите, чтобы я рассказала о том, как проходят подковерные игры среди больших московских шишек?

Как раз именно поэтому мной и был поднят этот вопрос. Вам следует полностью проигнорировать эту тему, не упоминайте даже косвенно городские выборы и кандидатов. Это не соответствует тематике вашего блога, а тем более аудитории лишний раз не стоит давать повода знать, кому вы приходитесь дочерью. Такое внимание точно повредит имиджу. Мы же не хотим, чтобы ваш личный бренд затормозился в развитии, верно?

Да... верно. Хорошо, я все поняла, – как будто с облегчением ответила Чековская. Несмотря на свои отношения с отцом, в глубине души ей явно не хотелось публично поли-

вать его грязью.

После обсуждения деятельности каждого из присутствующих девушка с хвостом на голове перешла к короткому инструктажу на ближайший месяц. Фактически в этом не было никакого смысла, так как вся повестка и так написана на розданных бумажках. Цель заключалась лишь в том, чтобы в очередной раз напомнить иерархию медийного бизнеса в ЗКИ. Либо ты подчиняешься императорской канцелярии добровольно, либо тебя заставят насильно. Очередная лекция обещала занять еще 30 минут, однако уставшая кучка блогеров держалась молодцом, всем видом демонстрируя наигранную заинтересованность.

Тем временем за окном солнце уже собиралось зайти за горизонт, на улицы вышли гуляющие толпы, а вечер ноябрьского четверга только начинался. Когда на часах стукнуло 18 часов вечера, представители императорской канцелярии закончили свое вещание и объявили, что их подопечные могут быть свободны. Собрав волю в кулак, Ева, которая почти уже уснула на диване, поднялась, помахала ручкой и вышла из помещения.

Наконец-то с публичными унижениями и наставлениями покончено. Еве приходилось сталкиваться с «предупреждениями» и раньше, но в этот раз все прошло тяжелее. В ресторане тихо играла классическая китайская музыка, официанты разносили изысканные блюда, а за столами сидели лощеные представители элиты. Заведение всем своим видом и ат-

мосферой притягивало внимание и будто бы очаровывало, заставляя остаться. И то ли само место у девушки ассоциировалось с вечными нравоучениями от канцелярских бюрократов, то ли погода сегодня была подходящая, но ей хотелось сбежать из ресторана как можно быстрее.

Быстро спустившись по лестнице, Ева чуть ли не вприпрыжку выскочила на улицу. Сделав два шага из дверей, она остановилась, поставила ноги на ширину плеч, развела руки в стороны, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Снизу тянуло жареным перцем, горячим маслом и влажным бетоном. Ресторан стоял на краю широкой площадки, под которой помещались еще две улицы. На верхней вежливо светились вывески дорогих заведений. На нижней мужик в майке переставлял пластиковые табуретки у своей лапшичной и орал на бота-курьера, перегородившего проход. Между ними сушилось белье. Где-то за стеной грохотал состав, над крышей проплывала реклама, из открытого окна женщина звала ребенка домой. Ева любила вечерний шум этого невозможного города.

Постояв так секунд десять, она громко выдохнула через рот и двинулась к своему кабриолету. Не успела девушка до него дойти, как на экране очков отобразилось уведомление о новом сообщении от Алины Бель. «Ев, слушай, помоги, а? Ко мне Шэнь клеится, зовет в бар. Не хочу сливать его пока что, давай втроем поедem. Я за тебя плачу», – гласило сообщение. Чековская дошла до двери машины, остановилась,

положила руку на крышу и секунд на пять застыла, слегка задумавшись. «Ха-ха-ха, ну хорошо, давай, я как раз хотела сегодня выпить. Я в машине, поехали со мной», – мысленно набрала текст Ева и отправила ответ. Затем она забралась в машину, сняла туфли, кинула их на заднее сиденье и включила музыку. Спустя несколько минут дверь справа открылась, и Бель аккуратно забралась в машину.

Блин, задолбал, но посылать не хочу, потому что регулярно с ним работаем. Но, блять, какой же он приставучий и тупой. Еще весь такой сладкий, аж тошнит. Дверь откроет, с утра напишет, будет ходить, страдать, смотреть глазками стеклянными, – прощebetала Алина и в конце издала недовольный звук, похожий одновременно на рык и на стон.

А-ха-ха-ха-ха, ну так а че ты удивляешься, посмотри, блин, на него. Он как со школьной линейки, весь такой правильный, изо всех сил старается мужиком казаться. Еще попытается так всегда. Чисто бубочка. Я не знаю, на фига ты с ним возишься, я бы уже послала давно. У тебя и так все нормально идет, ну свалит и свалит, какая разница?

Да ну не знаю, че вот нельзя нормально себя вести, просто... – не успела договорить Алина.

Просто, чтобы он был вечно рядом, но трахнуть тебя не хотел, да? – перебила Ева.

Да! Именно!

Ха-ха-ха, Алин, ну ты много хочешь. Ладно, куда мы едем-то?

Ну, он предложил в «Чжаобао», не знаю, ты как думаешь? Наверное, и место забронировал уже, угадала? Конечно, мальчик старается же!

Блин, какая ты... Я не могу просто, ха-ха-ха! Человек хотел романтики, а ты взяла и подругу потащила, сейчас будем сидеть и смотреть на его унылое личико.

Не знаю, как ты, но я планирую выпить и от души посмеяться.

А я хочу сегодня в хлам, наверное. Поехали. – И Ева запустила бензиновый двигатель.

Блин, как ты на этой карете едешь, шумно так, ужас какой-то, прошлый век, – ляпнула Бель.

Ну я хотя бы водить умею, – ответила Чековская, смотря в зеркала заднего вида.

Я вот не умею и не могу понять, зачем это нужно. Раньше люди вообще еду руками выращивали и че? Сейчас же все само делается!

Сиреневый кабриолет выехал на чунцинские дороги общего пользования и направился к бару «Чжаобао». Алина Бель еще десять минут несла какой-то малоумный бред, изрядно утомляя Чековскую. В конце концов, заметив нежелание Евы поддерживать бессмысленные споры, она уткнулась в свой гаджет и замолчала. За следующим поворотом дорога вошла прямо в жилой дом. Над темным входом в тоннель светились окна, сбоку висели чьи-то занавески, а на балконе этажом выше мужчина спокойно чистил зубы. Когда-то

туристы ездили сюда смотреть на монорельс, проходящий сквозь дом. Теперь подобным можно было удивить разве что очень отсталого неандертальца. Через новые жилые массивы пропускали автомобильные трассы, разводя потоки по разным этажам. Внутри гул двигателя стал густым и коротким, точно кабриолет сунули в трубу. Ева нарочно дала газу. Алина скривилась и потянулась убавить музыку. Через несколько секунд они выскочили на другую сторону здания, и впереди снова оказались горы, огни и дорога. Вскоре девушки доехали до места назначения.

У входа в заведение уже курил Шэнь, который приехал сюда на такси. Заметив сиреневый кабриолет, он резко выпрямился и поправил прическу. Машина припарковалась рядом, однако никто выходить не спешил. Алина пыталась поговорить «план» поведения, а Ева надевала обувь, делая вид, что слушает подругу. Минуты через две дверь-таки открылась. Девушки кокетливо двинулись к заведению и вместе с Шэнем вошли внутрь.

«Чжаобао» был баром уровня выше среднего, однако звезд с неба не хватал. Здесь была органическая выпивка и даже отдельные комнаты, но какие-либо экзотические штучки отсутствовали. Конечно же, Алина Бель обратила внимание на тот факт, что ее величество пригласили не в самое лучшее место Чунцина. Тем не менее троица все же села за столик у окна в общем зале. Молодые люди заказали закуски и легкие алкогольные напитки.

По лицу Шэня было явно видно, что не на такое развитие вечера он рассчитывал, но желание пообщаться с Бель все же взяло над ним верх, и ему пришлось согласиться на компанию Евы. К слову, отношения между ними были сложными. Откровенно наглый, непредсказуемый и взбалмошный характер Чековской обезоруживал молодого человека и вводил его в ступор, а ее постоянные подколы провоцировали у него защитную реакцию и дискомфорт. Ева же считала Шэня «маленьким мальчиком», который был не в состоянии держать удар и общаться с противоположным полом, поэтому она периодически отпускала в его адрес замаскированные шуточки, если не сказать издевки.

Алина Бель же манерно сидела на стуле, играя с волосами. В ее голове план притащить на «свидание» Еву казался поистине гениальным. Девушка сидела и восхищалась своей оригинальностью и умом. По всей видимости, ей безумно нравилось доставлять эмоциональные страдания другим людям и видеть, как за ней бегают. Кажется, что ничего другого от жизни она и не хотела.

Молодые люди сидели, просматривая контент на своих гаджетах и ожидая, когда принесут заказ. Вскоре сервис-бот поставил на стол закуски и алкоголь.

Ну, давайте за очередное пережитое совещание! – произнес тост парень.

Блин, зачем ты про него напомнил? Ужасно... – прокомментировала Бель.

Ну... хорошо... давайте тогда за то, чтобы у нас все было хорошо, – покраснев, продолжил Шэнь.

Давайте! Я выпью и за то, и за другое, мне нормально, – вклинилась Ева, чувствуя, что Бель явно хочет сказать что-то еще.

Молодые люди чокнулись бокалами. Алина и Шэнь сделали по маленькому глотку. Ева же решила утолить жажду и отхлебнула, не жалея.

У кого какие планы на выходные? – спросил парень с надеждой в голосе.

Я поеду посмотреть дрифт-шоу! Ну и на танцы пойду, конечно, – ответила Ева.

Ой, а я не знаю пока еще, – продолжая играть волосами, ответила Бель. – Вообще... Хочу, конечно, на пляже в Австралийском заливе полежать. Пора в отпуск уже.

Так, может, вместе поедem? Я тоже хочу там побывать, – чувствуя возможность, предложил Шэнь.

А-ха-хах, ну, можно собрать компанию, Ева, ты как? На море хочешь? – прикидываясь, что не понимает намеков, спросила Бель.

Ну конечно же. Вы только сначала фотографии билетов покажите, а то одна завтра уже забудет, а второй так и не решится собрать чемодан.

Да с чего бы это? – возмутился молодой человек.

Ну не знаю даже... А что, ты и правда готов ехать?

В хорошей компании? Почему бы и нет?

А-ха-ха-ха-ха-хах, ну-ну! Мне даже интересно будет посмотреть на это, – громко рассмеялась Ева.

Ев, а че ты смеешься? Позовем всех своих: Хорхе, Джейка, Рому твоего и Сяолинь. Закажем частный рейс и полетели, – вмешалась Алина.

Предлагаешь лететь всемером? Это, видимо, что-то невозможное, – ответила Чековская.

Шэнь стал заметно грустнее. Особенно после упоминания Хорхе и Джейка. Присутствие Евы и явное нежелание Алины идти на близкий контакт полностью деморализовали робкого блогера. Он замолчал и стал пялиться на стол, пока девушки говорили о чем-то своем. Спустя несколько минут он решил присоединиться к темпу Евы и накидаться сегодня в хлам.

Я так и не поняла, зачем они сегодня притащили этого деда. Сидел все время и молчал, только по тебе что-то сказал, – вдруг решила задать общую тему для разговора Бель.

Я не знаю. – Сделала театральный жест Чековская. – Мне, если честно, абсолютно пофиг.

Думаю, что они решили совместить плановое ознакомление с состоянием дел и проинструктировать тебя. Ты же вроде как на отдельном счету числишься, – пояснил Шэнь, запивая свою мысль коктейлем.

Ева закатила глаза и улыбнулась, не соглашаясь с такой точкой зрения.

Ну да, ты же у нас особенная, – сказала Алина.

Ой, я, если честно, уже устала слышать это из каждого чайника. То, что мой биологический отец – большая шишка в России, не значит, что я хоть копейку взяла у него на раскрутку. Все, что у меня сейчас есть, я заработала сама!

Ев, ну я же не это имела в виду. Мы тут все сами всего добились. Просто согласись, дяди из канцелярии все равно видят в тебе дочку Чековского.

У Евы дернулся глаз. Проигнорировав очередной комментарий касательно своего происхождения, недолго думая, она молча выпила весь стакан залпом, а затем через смарт-очки отправила запрос сервис-боту повторить напиток.

Слушай, ну а кстати, че ты вообще сама-то думаешь о выборах? – спросил Шэнь, тоже обновляя заказ.

А-ха-хах, ты про что конкретно?

Ну, кто победит и что это будет значить?

Блин, ну ты серьезно хочешь об этом сейчас поговорить? Кому эта Москва вообще интересна?

Я бы послушала! – встряла Бель, как будто что-то понимала в политике.

Хах, ну тогда слушайте. Старый дед действительно хочет прийти в московскую политику и всех пересажать. У него с самого начала было это извращенное чувство справедливости. Но я не вижу каких-либо возможных сценариев, где Чековскому позволили бы это сделать. Эта система прогнила настолько, что изменить ее получится только государственным переворотом, – выдала оценку Ева.

Неужели в России настолько все плохо, а зачем тогда вообще проводить выборы? А остальные кандидаты есть? – поинтересовалась Алина.

Восемьдесят миллионов человек как-то живут, все их устраивает, никто даже не рыпается. Другое дело, зачем действительно вообще этот цирк устраивать... А остальные кандидаты что? Какая разница, кого выберут, если там только водородный дед собирается что-то менять... – сказала Чековская и отхлебнула из бокала.

Ты так грубо о своем отце отзываешься, почему? – поинтересовался представитель китайской культуры.

А как мне о нем еще отзываться, Шэнь? Я не просила, чтобы меня рожали на этот свет и еще превращали в какой-то рабочий инструмент, как моего старшего братца. Все детство как в рабстве прошло...

У тебя брат есть? – выпучила глаза Бель.

Ну да, есть... – Яркие краски на лице Евы превратились в серо-черные разводы.

А он красивый? Покажи-и-и-и! – не понимая эмоций своей подруги, пропищала Бель.

Блин, Алина, ну ты видишь, ей не особо хочется об этом говорить.

А что такого? – возмутилась Бель. – Это вообще-то ты начал говорить про семью! Что такого в просьбе показать брата?

Шэнь покраснел. Алина продолжала оправдываться и ви-

нить всех вокруг. Ева же на минуту отключилась от реальности, сделав очередной добротный глоток и пережевывая какую-то жареную закуску. Спустя какое-то время Бель поступил звонок, и она с репликами «Да ты че?? Ты сюда подъехал?? Афигеть, сейчас я выйду!» отпросилась у своей компании выйти на 30 минут переговорить с очередным ухажером. Чековская и робкий блогер остались наедине.

Вскоре алкоголь пробил крепкий организм девушки, и она резко повеселела. Настроение Евы сделало очередной оборот вокруг своей оси, и Чековская-Юсинь решила поприкалываться.

Ну ладно! А что у тебя? – с многозначительной улыбкой спросила Ева, затем, гремя стулом, подвинулась поближе к парню.

В каком смысле? – озадаченно ответил Шэнь.

Ну в каком-каком? Сам знаешь в каком! Ты долго собираешься еще бегать за Алиной? – продолжила атаку девушка.

Да... я... я не бегаю, с чего ты решила?

Ну Шэнь! Дурака не валяй! Я же тебя не осуждаю. Это очень сильно видно со стороны. Ты хороший парень, а ей такое неинтересно, она любит скандалы, вечные слезы и все такое. А тебе нужно любящую девушку, которая будет тебя ценить! – сказала Ева и провела ногтем по внешней стороне ладони парня.

Шэнь впал в ступор. Ева потянулась за бокалом.

Да мне показалось, что мы хорошо ладим. Она красивая,

немного нравится мне. Постоянно видимся, но каждый раз она сливается, когда я пытаюсь развивать общение.

Ну конечно, ты за нее на всех платформах делаешь продвижение, рассказываешь всем, какая она хорошая, а она невинно хлопает глазками и все обещает чмокнуть тебя в щечку. Наверное, иногда даже по-дружески так и делает, а ты, бедный, ходишь-мучаешься. – Сделала глоток Ева и слегка ткнула пальцами ног в голень Шэня.

Наверное, ты права... – задумался парень. – А что делать? Как мне себя вести?

Блин, ну я не могу с тебя, такой ты хороший, – улыбнулась девушка, будто увидела щенка.

А что не так?

Да все не так, блять, Шэнь! – моментально переменялась Юсинь. – Че ты все думаешь о том, как ей угодить? Ты о себе подумай! У тебя миллион возможностей найти себе кого-то, у тебя столько фанатов. Что ты так заиклился на Бель?

А на ком мне заикливаться? Я хочу найти человека со схожими взглядами, из одной компании. Мы работаем вместе. К тому же она мне сильно нравится!

Она тобой манипулирует, причем очень нагло. Дает тебе какие-то надежды, а потом в самый ответственный момент сливается. Ты вообще представляешь, как должно выглядеть нормальное общение?

Что ты имеешь в виду?

Я имею в виду, ты понимаешь, как должно было выглядеть

ваше общение, если бы тобой не манипулировали? Ты че, правда думаешь, что ей сложно с кем-то залезть в кровать и что перед этим она месяцами обдумывает и готовится?

Ну я... Я не знаю, наверное, нет...

Шэнь, девушка либо хочет, либо не нужно ее упрашивать. – Грохоча стулом, Ева подвинулась вплотную и взяла парня за обе руки.

Ладони девушки приятным теплом окутали руки Шэня. На мгновение ему стало легко и все обиды на сегодняшний напряженный день улетучились.

Я не знаю, Ева... У меня не получается, я не умею. Всегда все идет через жопу. С фанатками общаться мне не доставляет никакого удовольствия, они все пустые какие-то и вечно пытаются угодить. Зато каждый раз, когда я пытаюсь с кем-то развивать отношения, все происходит, как с Алиной, – разоткровенничался Шэнь.

Не успела Ева заговорить, как вернулась Бель. Ее веселая мордашка сразу же превратилась в кислую недовольную рожу, как только она увидела, чем заняты друзья. Алина села на свое место. Шэнь чувствовал ужасную неловкость, будто нашкодивший пес. Ева медленно отпустила руки парня и развернулась в сторону стола, но стул даже и не подумала сдвинуть обратно. Напротив, она уперла свою ногу в колено Шэня.

Ну что, как дела, все сделала, что хотела? – спросила Ева. Эк-х-м, а что я должна была сделать? – не приходя в себя,

ответила Алина.

Ну ты куда-то отходила, тебе кто-то звонил. Все нормально? – участливо поинтересовалась Юсинь.

А-а-а... ты об этом... да, все нормально. А вы тут не ску-
чали особо, смотрю?

Да нет, мы тут с Шэнем обсуждали, как полетим на море
отдыхать. Ну и договорились в эти выходные вместе сходить
на дрифт-шоу.

Робкому блогеру захотелось провалиться под землю, но
вида он не подал. Шэнь пододвинул закуску и стал очень мед-
ленно жевать, лишь бы никто не заставил его говорить. Али-
на же не могла понять, что происходит и как так получилось,
что Ева решила переключить внимание бедного парня на се-
бя. Ревность за своего ручного мальчика обжигающим ко-
мом встала поперек горла у Бель.

Тем временем Чековская наслаждалась представлением,
которое сама и устроила. Она не преследовала никакой кон-
кретной цели, просто привыкла, что, если ей что-то не
нравится, она начинает это менять, никого не спрашивая.
Неважно, будь то цвет занавесок в спальне или же взаимо-
отношения между другими людьми. Ей не нравилось наблю-
дать за лицемерным патологическим нарциссизмом Алины
и еще больше не нравилось смотреть, как Шэнь пытается до-
биться ее расположения. Потому она решила сначала наго-
ворить гадостей про Бель, а затем утешить обескураженного
Шэня.

Не знала, что ты тоже любишь эти бензиновые драндулеты, Шэнь, – язвительно перешла в неумелое контрнаступление Алина.

Ну, на самом деле не то чтобы очень, но почему бы и не посмотреть, – неуверенно подыграл Чековской парень.

М-м-м, понятно, ну да, вам там вдвоем, видимо, будет чем заняться. А на море когда собираетесь?

Ну мы пока не планировали точную дату, а что, хочешь с нами полететь? – уточнила Ева, затем изящно облизнула палец и стала медленно стирать с губ Шэня крошки от закуски.

Действие было исполнено так манерно и недвусмысленно, что ни у кого не осталось сомнений, что Ева имела в виду. На мгновение она даже сама поверила, что между ней и Шэнем есть какие-то отношения подобного рода.

Нет, я, пожалуй, не буду мешать вам. У вас как-то очень быстро планы появились. Да, кстати, наверное, уже пора по домам? – чувствуя, что ловить нечего, Алина мгновенно потеряла интерес к своим «друзьям» и стала собираться, допивая коктейль.

Ты уже все? Ну да, день был тяжелый. Отдыхай, хорошей дороги тебе. Мы с Шэнем тоже скоро поедem.

Услышав последнюю фразу, Алина поперхнулась коктейлем, поставила стакан на стол и поспешила удалиться. Внутри у нее все сгорало от ярости, но внешне она не могла ударить в грязь лицом и пыталась безуспешно сыграть безразличие. Кроме того, откровенно начинать выяснять отношения

значило бы публично расписаться в собственном двуличии и лишний раз подтвердить в глазах Шэня слова Евы о себе.

Ну что, теперь ты понял, как быстро у нее меняется настроение и из-за чего? – отодвигаясь, спросила Ева.

Кажется, да... Ты, видимо, была права. У нее прям на лице было написано, как она тебя ненавидит.

Вот именно, что ненавидит именно меня. Потому что на тебя ей абсолютно похер. Я украла ее кайф в виде твоего внимания, и она вон смотри, как разозлилась на меня. Если бы ее действительно волновал ты, то эта ненависть была бы направлена в твою сторону. Сечешь, не?

Боже... Как во всем этом разобраться? Как вас, женщин, понимать? – спросил Шэнь, прислоняя ладони ко лбу.

А при чем тут женщины? Ты сам себя-то понимаешь?

Я не знаю, видимо, об этом стоит крепко задуматься...

Ладно, Алина вроде уехала. Я тоже на сегодня все. Ты долго не сиди, а то голова болеть будет. Чао! – легко прощевала Ева, поднимаясь из-за стола.

Постой, а насчет выходных ты же в шутку говорила или всерьез?

Боже... – Закатила глаза девушка. – Какой же ты бедняжка. Нет, Шэнь, у нас с тобой ничего не получится, можешь даже не думать об этом. На дрифт-шоу мы тоже не пойдем, у меня есть компания.

Да я просто уточнить... Ладно, спасибо тебе! Наверное! – крикнул неуверенный блогер вслед Еве.

Она вышла на улицу, потянулась, достала сигарету и двинулась к своему сиреневому стальному зверю. Не туша сигарету, она открыла дверь, сняла туфли и закинула их на заднее сиденье. «Обнаружено высокое содержание алкоголя в крови, доступен только автопилот», – высветилось на приборной панели автомобиля. «Ха-ха-ха-ха, это, по-твоему, высокое содержание алкоголя в крови? Да после сегодняшнего вечера я вообще должна была лежать в канаве с простреленной головой и радоваться тому, что цирк закончился. Поехали домой, да поскорее. Видеть уже не могу этих клоунов», – сказала Ева, включила музыку и откинулась в кресле, потягивая сигарету. «Ноябрь, 7-е число, 2109 год, 21:30», – светилось на часах.

Просторная комната жилого помещения была полностью выполнена из бетона, металла и стекла. Оформление и дизайн напоминали скорее офисное помещение, чем чью-то квартиру. Площадь тоже впечатляла, десять на десять метров с несущими выступами в углах длиной в один метр. Тем самым создавался квадрат, слегка напоминающий крест из-за выступов по углам. При этом в комнате не было ни одного окна. Высота потолка достигала чуть больше шести метров. В центре помещения находилось углубление, которое делило комнату на две зоны – внутреннюю и внешний пери-

метр. Этот самый периметр отделялся от центра ступенькой на полу и полосой подсветки синего цвета на потолке. Все элементы освещения, дизайн интерьера и зонирование строго подчинялись одной фигуре – квадрату. Приглушенный красный свет на потолке ровной линией шел вдоль стен, имитируя такой же крест на потолке.

Ровно в середине комнаты стоял огромный стеклянный куб со сторонами длиной в четыре метра, заполненный до середины землей. В верхней его половине находились ветки, листва и лианы, тем самым имитируя джунгли. Это был огромный муравейник, заселенный колонией бесчисленных насекомых. Под стеклянным кубом находилось бесконечное количество сенсоров, которые отслеживали буквально все, включая давление воздуха, влажность, температуру и количество самих муравьев. Насекомых было 1 миллион 824 тысячи 321 штука.

У одной из стен стоял роскошный, сделанный из кожи, угловатый диван. Его очертания были едва заметны в тусклом красном свете подсветки на потолке. На диване сидел мужчина, по внешнему виду которого было невозможно определить его возраст. Символ эпохи сидел и наблюдал за муравьями, удаленно подключившись ко всем сенсорам муравейника. Он будто бы гипнотизировал муравьев, пытаясь понять их настоящую природу.

Харис хотел взломать коллективный разум насекомых. Его не интересовала биология муравьев, он знал о них бук-

важно все, каждый атом этих созданий был исследован Харисом вдоль и поперек. Символ эпохи пытался понять философию муравьев. Денис Васильевич не мог уложить у себя в кибернетическом мозгу, как настолько простые создания, объединяясь в единую систему, начинают превращаться в настоящий разум, каждый винтик которого четко знает свою задачу.

Харис завидовал муравьям. Он пытался украсть их самый охраняемый секрет.

«Эти простейшие животные одновременно являются и началом эволюции, и ее концом. Человек же, забравшись на самый верх пищевой цепочки, покорила даже соседние планеты. Он создал искусственный интеллект, преобразил себя механически, приблизился к Богу. Однако так и не смог преодолеть величие коллективного разума муравьев», – мысленно рассуждал Харис. «Несмотря на свои успехи, люди до сих пор не понимают, зачем и куда они двигаются. Человеческая популяция управляется горсткой элиты, которая направляет толпы в угоду своим личным интересам. Вся эта биомасса и ее достижения – это нелепая энтропия. Банальная ошибка в вычислениях галактики, которая привела к появлению сознания. Стая безголовых птиц, которая несется неизвестно куда», – продолжал внутренний монолог мужчины, похожий на живого человека. «Наша эволюция как вида закончилась всего несколько десятилетий назад. В день, когда стало возможным обратить время вспять и приблизиться к настояще-

му бессмертию. Генная инженерия, кибернетика, клонирование и искусственный интеллект больше не могут двигать человечество вперед. Времени для homo sapiens больше не существует. Оно не стоит и не идет. Его нет. Sapiens более не может развиваться дальше, а значит, его ждет неминуемая деградация и гибель», – подумал Харис. Он проигрывал эту цепочку рассуждений в голове уже тысячи раз, пытаясь найти ответы.

Символ эпохи встал с дивана и направился к стеклянному кубу. Его изуродованное аугментациями идеальное тело шло словно самые точные в мире швейцарские часы. Он медленно подошел к углублению в центре комнаты, затем сделал шаг вниз и приблизился вплотную к муравейнику.

Что же нам делать?.. – спросил он у стеклянного куба, разглядывая муравьиные ходы. – Как же нам украсть ваш секрет, чертовы насекомые?.. – тихо продолжил вопрошать у муравейника киборг. Он провел двумя пальцами по кубу, словно пытаясь поймать муравья через стекло. Его руки слегка дрожали, напоминая о том, что он все еще не машина.

Харис стоял ровно и неподвижно, лишь двигая головой и разглядывая муравьев. Его глаза сканировали каждое насекомое, которое попадалось ему на глаза. В комнате стояла полная тишина, лишь только едва уловимое жужжание сенсоров под муравейником разбавляло атмосферу помещения. Муравьи гипнотизировали Хариса, а Харис гипнотизировал муравьев... В носу стоял легкий аромат сырой земли и влаж-

ных веток.

«Люди должны превратиться во что-то большее, чем разнородная биомасса ленивых и тупых тварей, ведомых лишь голодом и завистью. Мы должны стать коллективным разумом. Только так мы сможем разгадать смысл этой вселенной и понять, откуда мы и для чего существуем. Став единым организмом, мы наконец-то закончим все войны и споры, а оппортунизм останется только лишь в истории нашей эволюции, служа позорным напоминанием о немытом прошлом. Люди должны стать муравьями. Наш разум должен стать коллективной нейросетью. Да... Да... Мы должны стать homo collectivum», – закончил рассуждать Харис и направился к двери из комнаты с муравейником. Символ эпохи дошагал до выхода, удаленно выключил свет и вышел из помещения.

Эта своеобразная комната медитации Хариса находилась в пентхаусе Дениса Васильевича, который располагался на последних этажах штаб-квартиры «РКС». Мужчина вышел из комнаты, дверь в которую была спрятана в конце огромного холла, совмещающего в себе кухню, огромное зонированное жилое помещение, кабинет и длинный стол для переговоров. Уборная располагалась отдельно в другом конце холла.

Харис находился в штаб-квартире «РКС» почти всегда, отлучаясь только на проведение встреч или участие в мероприятиях. Его жена Эльба и дочь Эльза жили отдельно, время от времени навещая символа эпохи, а также сопровождая

его там, где этого требуют нормы приличия.

Киборг подошел к панорамному окну рядом с рабочим столом. Утро 7 января 2110 года, центр Москвы, зимний туман. Полная тишина, утилитарная роскошь, чистота, холод и отсутствие каких-либо признаков органических форм жизни – вот что представляла ежедневная картина внутри пентхауса Хариса.

Спустя несколько минут мужчина сел в кресло, на его роговице появилось свечение. Символ эпохи обрабатывал поступающую к нему в голову информацию о состоянии фондового рынка России, а также изучал досье всего Совета директоров корпорации «Госводород».

Минут через десять он остановился. Затем позвонил личному секретарю.

Слушаю, Денис Васильевич! – раздался молодой женский голос на том конце «провода».

Элла, назначь мне, пожалуйста, встречи с представителем федерального правительства в «Госводороде» и с Ильясом Петровым, у которого 10% акций. Петрову скажи, что у меня к нему коммерческое предложение на самых выгодных условиях, а представителю – что речь идет о национальной безопасности.

Поняла, Денис Васильевич. На какие даты назначить встречи?

Если смогут через две минуты подъехать ко мне – отлично.

Э-э-э... Я поняла, Денис Васильевич, в максимально возможно сжатые сроки. Выполняю!

Да, нужно организовать встречи до 14 января, осталась всего неделя.

Поняла!

Харис завершил звонок. Затем он отклонился в кресле, слегка развернулся в сторону окна и стал сверлить своими кибернетическими глазами улицы Москвы, представляя вместо них муравьиные ходы.

Чейз быстро шагнул по коридору в сторону внутренней парковки. Прямо у выхода висело электронное табло. «18 ноября 2109 года, 15:33», – гласила надпись. На звонки, как и всегда, отец не отвечал, поэтому Чейз решил, что проще найти его водителя и точно узнать, где он находится. Шум в голове перебивал даже автоматически включившуюся систему контроля настроения. Никакие стимуляторы не могли перебить холодный животный гнев, охватывающий Чековского-младшего в критические моменты. Этот гнев даже не был связан с агрессией, его природа была скорее похожа на безжалостность в сочетании с неудержимым желанием действовать.

Наконец-то Чейз добрался до парковочного павильона и увидел машину, в которой сидел Александр. Роберт подошел

к водительской двери и постучал в окно.

Чем могу помочь, Роберт Владимирович? – спокойно поинтересовался Саша, опуская стекло.

Где отец? – не церемонясь, спросил Чейз.

У него сейчас совещание с инвесторами, он просил не беспокоить его ни при каких обстоятельствах.

Он в своей конференц-комнате?

Да.

Чейз развернулся и, не теряя ни секунды, двинулся к лифту. Мужчина подошел к кнопке вызова и несколько раз нервно и сильно на нее надавил. «Едь быстрее, падла», – подумал про себя Чековский и стукнул дверь ногой. Зайдя внутрь, он нажал на 44-й этаж и отправился наверх.

Конференц-зал находился напротив кабинета Владимира Освальдовича, также на этаже располагался большой холл, оборудованный для проведения приемов. Это был один из тех этажей, куда рядовые сотрудники никогда не поднимались даже после десятилетий работы в «Госводороде».

Чейз вышел из лифта и встал у дверей конференц-зала, в его голове была одна мысль: «действовать как можно быстрее или же дожждаться завершения мероприятия». К счастью для него, дверь распахнулась, и из зала начали выходить люди. Расталкивая народ, Чейз забрался внутрь и принялся рыскать своими механическими глазами в поисках отца. Чековский-старший стоял рядом с Денисом Харисом, который что-то ему рассказывал. Роберт решительно двинулся в сто-

рону отца.

О, Роберт, дорогой, здравствуй! – первым заметил приближающегося Чейза Харис.

Здравствуйте, Денис Васильевич. С вашего позволения я украду у вас Владимира Освальдовича. У меня есть срочный вопрос, который не терпит ни секунды отлагательств, – ответил Чейз.

Чековский-старший сделал слегка изумленное лицо, а затем подумал о том, чтобы публично отчитать начальника департамента стратегии и развития за то, что он встречается в чужой разговор. Однако взбудораженное и обеспокоенное лицо сына натолкнуло его на мысль, что дело может быть действительно важным.

Экх-м, Роберт, что случилось? Я сейчас немного занят, если ты не заметил.

Я понимаю, но сейчас нам нужно пройти в твой кабинет и переговорить, – уверенно сказал Чейз.

Харис стоял молча и, к удивлению, не комментировал ситуацию. В голове у него шел стремительный поток вычислений со всевозможных датчиков, которые анализировали каждое движение Чейза и все его биоритмы, доступные для удаленной оценки. Символ эпохи отметил повышенный пульс, потоотделение, суженные зрачки, тембр голоса и очевидные признаки выброса в кровь кортизола и адреналина.

Володь, ну мы в принципе-то все уже обсудили. Я тебя оставляю наедине с сыном, давай, я побежал, – вежливо про-

изнес Денис Харис, пожал Чековским руки и легким шагом направился к выходу.

Ну пошли, – сказал Владимир Освальдович и направился в кабинет.

Чековский-старший вышел из конференц-зала, сделал несколько шагов в сторону своей обители, затем приложил руку к сканеру, и дверь открылась. Помещение впечатляло своими размерами, здесь мог поместиться целый среднего размера отдел. Фактически это было отдельной трехкомнатной квартирой в офисе «Госводорода». Здесь была и спальня, на случай если руководителю госкорпорации приходилось оставаться на ночь, и некое подобие кухни с баром, и, собственно, рабочая зона с большим столом.

Ну, чего? – спросил Чековский, развалившись в кресле.

М-да... С чего бы начать... – вытирая лицо ладонью, сказал Чейз. – Я знаю, что ты делаешь из-за Евы.

Ты меня выдернул из рабочего процесса, чтобы опять начать свою шарманку? – строгим тоном произнес отец.

Да нет... Сейчас без шуток. Со дня на день тебе выдвинут обвинение в государственной измене...

Владимир Освальдович замер на несколько секунд. Затем встал со стула и подошел к окну, несколько минут он просто-ял молча. Чейз прекрасно знал своего отца и понимал, что умудренный опытом старец в теле мужчины в самом расцвете сил понял, к чему идет разговор. Ему лишь нужно было время, чтобы утихомирить бурю эмоций и успокоить развол-

новавшееся сердце.

Откуда у тебя эта информация? – спросил отец.

Двадцать минут назад Юнона прилетела сюда и сообщила. Ей скинули целый сюжет, чтобы она опубликовала это во «Вьюге», потом она поговорила с Эдуардом, и оказалось, что кто-то слил все, чем ты занимаешься, в МНБ, они начали расследование. Эдуард сказал, что им предоставили записи всех твоих разговоров с китайцами. Доказательства железобетонные. Сейчас речь идет только о том, чтобы как-то смягчить будущее наказание. Оправдаться не получится. Тебе есть что сказать по этому поводу?

Как они смогли установить прослушку? То есть это изначально было не МНБ?

Я не знаю, как они смогли это сделать, и нет, МНБ это подкинули. Конкретная планомерная работа извне. Вероятнее всего, это связано с твоим баллотированием на пост мэра. Других причин так копать под тебя я не вижу.

Я тебя понял... – сказал Чековский-старший и сел в кресло. – И что говорит Эдуард? Что мне грозит?

Сейчас они занимаются анализом полученной информации и очевидно, что все подтвердится. Он говорит, что никто не пойдет на то, чтобы вменять тебе высшую степень наказания, и слава богу... Предлагает толкать линию, что ты действовал под давлением и фактически ничего ценного не передавал китайцам, – холодно продолжил диалог Чейз.

То есть предлагает во всем сознаться и даже не защищать-

ся? – заметно повысив тон, спросил старик.

Я не видел обвинений, и ты их тоже не видел, отец. Ты фактически занимался государственной изменой у всех на виду. Ты даже этого не отрицаешь... Как ты думаешь, если тебя поймали с поличным, будут ли твои аргументы в духе «это все неправда» убедительными? – ответил на резкий выпад отца Чейз.

Хорошо, я все понял. Мне нужно сделать несколько звонков и готовиться к официальным обвинениям. Передай мою благодарность своим друзьям. Сейчас мне нужно побыть одному, оставь меня, пожалуйста. Я позвоню тебе, когда будет что-то ясно, – сказал руководитель «Госводорода» и встал с кресла.

Хорошо. Слушай, а что на совещании делал Денис Васильевич? Это же внутренние дела корпорации.

Я избавился от части своих акций «Госводорода». Уже говорил тебе о том, что это необходимо сделать для избрания на политический пост. Ту часть выкупил Денис Васильевич, теперь у него 8% акций. По условиям сделки его ввели в Совет директоров, поэтому он и участвует в обсуждениях. Оставшуюся часть я передам тебе. Все? Вопросов больше не осталось?

Мне все ясно.

Чейз закрыл глаза и сделал вдох. Он переживал за отца, но каждый разговор с ним напоминал ему общение не с родителем, а со строгим начальником, и даже сейчас, в такой на-

пряженный момент, диалог походил на какое-то официальное мероприятие. Он молча встал со стула и медленно двинулся к выходу.

Знаешь... – остановившись у двери, не выдержал Роберт. – Я могу понять, почему ты это делал, и надеюсь, ты осознаешь, к чему все это приведет, но, поверь мне... Если я увижу ее, то задушю собственными руками и ничего меня не остановит. Жду от тебя вестей, – сказал он и хлопнул дверью.

Глава «Госводорода» опустил в кресло, крепко задумавшись над своей жизнью. Если дело уже у МНБ, а в СМИ готовится информационная кампания, то нужно хотя бы узнать, откуда произошла утечка и кто стоит за этим. Мысли в голове у старца начали свой безумный вальс. Каким бы стойким Чековский-старший ни был, он все равно оставался человеком. Он встал с кресла и подошел к графину с водой, который стоял на барной стойке в конце комнаты. Мужчина взял сосуд и стал наливать воду в стакан, с удивлением обнаружив, что руки его трясутся. Владимир Освальдович поднес воду ко рту, сделал два глотка, и пальцы предательски подвели его. стакан полетел вниз и разбился. Старик взялся за сердце, в глазах потемнело. Он сел за барный стул и упер голову в руки. По всему телу выступил холодный пот. Так Чековский просидел около десяти минут, пока не смог собраться с мыслями и наконец подняться.

Алло, начальника моей охраны в кабинет ко мне, живо! – сказал в трубку телефона глава «Госводорода». – Начальни-

ка юридического департамента тоже срочно сюда.

Чековский встал со стула и подошел к окну. Дождь снаружи все никак не утихал, превращаясь скорее уже в тропический шторм. В воздушном пространстве над городом объявили запрет полетов, и с высоты 44-го этажа стали заметны пробки на улицах Москвы. Через пять минут начальники охраны и юридического департамента стояли у входа в кабинет.

Владимир Освальдович, вызывали? – отчеканил начальник охраны Алексей Крепнов.

Садитесь, – сказал Чековский и сам сел в кресло. – Значит, дело обстоит очень скверно. Мою личную внутреннюю сеть взломали, произошла утечка данных, в СМИ готовится информационная кампания. Ту информацию, которую достали из моих личных переписок и звонков, направили в МНБ. В ближайшие дни объявят обвинения в преступлении. Алексей, ты сейчас бросаешь все свои дела, собираешь абсолютно всех своих специалистов и БЕГОМ отправляешься искать уязвимости во внутренней сети. Ориентируйтесь на звонки и сообщение с контактом «Роман Евгеньевич» из моей записной книги. Нужно понять, куда утекли данные, когда и кому. Все понял?

Все понял, Владимир Освальдович. Единственный вопрос: откуда у вас эта информация?

Это тебя волновать не должно, тебе нужно только понимать, что за эту утечку ты отвечаешь своей головой. Свобо-

ден!

Начальник охраны подорвался со стула и почти бегом вылетел из кабинета. Главный юрист «Госводорода» остался сидеть неподвижно, ожидая своей экзекуции.

Миша, значит, слушай сюда. Сюжет следующий: мою дочь, как ты знаешь, фактически держат в заложниках в ЗКИ. Меня шантажируют тем, что в любой момент могут ее закрыть или вообще убить, пока она там находится. Я не могу оказать на нее никакого влияния, сколько бы я ни пытался с ней связаться. Девочка не знает о том, что происходит, любые попытки установить с ней контакт терпят неудачу, в том числе и благодаря китайцам. Официально и публично о ситуации я не могу заявить, как ты понимаешь, по двум причинам. Еву закроют, а меня будет ждать расправа. Мне приходится идти на серьезные преступления, я наложил вето на часть африканских проектов, чтобы не мешать нашим китайским конкурентам. Также пришлось передать им наши разработки в сфере катализаторов. Понимаешь, к чему я веду?

Это государственная измена, Владимир Освальдович. Есть ли у наших противников доказательства всего этого? – спросил Михаил Кузнецов.

Моему сыну сообщили, что сейчас МНБ ведет расследование слитых данных. Во «Выюгу» поступило предложение опубликовать этот сюжет. Как ты понимаешь, это не просто очередная чушь с клеветой, тут подготовка основательная.

Собирай команду, думай, как нам от всего этого защищаться. Однозначно нужно говорить, что я действовал под давлением, и нужно приуменьшать значимость нанесенного урона. Самим китайцам такой расклад вещей еще более невыгоден, чем нам. Это со 100%-й вероятностью заказ изнутри.

Владимир Освальдович, мне все понятно. Предварительный план действий у меня в голове уже есть, но сейчас мы ничего не можем сделать, пока нет никакого конструктива. Нужно дожидаться официальных обвинений.

Да, давай иди. Только это... Ты же понимаешь, что нужно обратиться к самым доверенным людям. Подключай свои связи.

Разумеется, Владимир Освальдович. Я пошел готовиться, – сказал Михаил и со слегка озадаченным лицом вышел из кабинета.

Чековский остался сидеть в кресле. Последние годы в его жизни были наполнены глубинным страхом за себя и своих детей. Конечно же, он понимал, что вся эта история с его дочерью может вывернуться наружу. Однако человек, который живет на этом свете больше ста лет и буквально является одним из самых влиятельных людей России, не может просто так взять и остановиться. На его плечах слишком большой груз ответственности, чтобы сложить все свои полномочия и почивать на лаврах, став сибирским отшельником. Тем более уже поздно менять свои убеждения, благодаря которым Чековский-старший фактически забрался на Олимп.

Время близилось к вечеру, на сегодняшний день не было ничего, что могло бы как-то прояснить ситуацию или изменить ее к лучшему. В ближайшее время ожидалась настоящая буря, и Чековский принял решение подготовиться к ней морально. Он встал с кресла и направился на выход. Встав у двери, он замер, а затем глянул на разбитый стакан. «Природу обмануть невозможно», – подумал он. Никакие омолаживающие процедуры и радикальное продление жизни не могут вернуть время вспять. «Сердце может биться ровно, но душу свою я омолодить не смогу», – подумал он.

Задумчивым шагом, слегка придерживаясь рукой о стенку, он доковылял до лифта и спустился на нем на парковку. Александр, заметив фигуру Чековского, машинально запустил двигатель автомобиля и настроил комфортную температуру в салоне. Затем он вышел и открыл заднюю пассажирскую дверь. Старик, опираясь на плечо водителя, приземлился на сиденье и молча упер голову в руки.

Куда едем, Владимир Освальдович? – спросил Александр, вернувшись на водительское сиденье.

Домой, Саш. Включи, пожалуйста, классику и сделай чуть попрохладнее, что-то мне душно.

Принял. Вода справа от вас в двери, – ответил водитель, медленно выкручивая руль и регулируя температуру.

Старик открыл свой любимый гаджет и включил ролик Евы Юсинь, в котором она рассказывала о своих новых имплантах волос, меняющих цвет. По щеке Чековского потек-

ла слезинка. Он свернул телефон, бросил его на сиденье и закрыл глаза. «Нужно собраться», – подумал он и принялся выполнять дыхательную практику, глубоко вдыхая и очень медленно выдыхая. «Кажется, стабилизировался», – сказал вслух старик, заметив, что частота сердечных сокращений снизилась, а тело немного расслабилось. Через 20 минут черный лимузин доехал до особняка главы «Госводорода». Историческое здание на Втором кольце Москвы было окружено парковыми зонами, а фасад блестел от чистоты и дороговизны материалов, использовавшихся при реставрации. Ворота открылись, на посту стояла вооруженная охрана, Чековский опустил стекло, машина проехала вглубь территории.

Александр помог старцу выбраться из салона, на входе уже стоял дворецкий, ожидая хозяина. Дав распоряжения о своих пожеланиях на ужин, Владимир Освальдович зашел в дом, отдал верхнюю одежду слуге и молча поднялся в свои покои. Он снял пиджак, развязал галстук, а затем, расстегивая пуговицу, закинул несколько дров в камин и поджег. Поставив так минутку, он опустился на кресло и подвинул шахматную доску поближе к себе. «Пешка Е-4. Разыграем скандинавскую защиту», – подумал он, сходил белой фигурой и погрузился в свои мысли.

В дверь несколько раз с силой постучали. От вибрации

дрогнули даже стены. Кори, на ходу надевая штаны, побрел ко входу в квартиру и посмотрел на экран, транслирующий запись с камеры. За дверью стоял его друг-гигант, уперевшись кулачищем в стенку. Мак'Дугалл открыл замок.

Андрэ, ничего себе! А ты че? Че случилось? – поздоровался Кори, стоя с надетыми задом наперед штанами и голым торсом.

Доброе утро, мудила! – грозно ответил Шоу и зашел внутрь. – Ты совсем охренел, что ли?

Да че случилось-то? – спросил хакер, и изо рта у него повеяло перегаром.

Ты совсем на приколе? – Андрэ стал говорить еще суровее.

Я нихуя не понимаю! Че ты пришел-то?! – завизжал Кори.

Ты, скотина обдолбанная, посмотри на часы. Какое сегодня число?!

2 декабря, понедельник, 15 часов дня. Че ты хотел-то? На хрена ты пришел? – продолжая не понимать, что происходит, ответил Дональд, слегка шатаясь и косясь на настенные часы.

– Дони, ну ты где? Мы уже соскучились, иди к нам, – донесся из соседней комнаты женский голос. Кори театрально развел руками, будто он тут «ни при чем», и нагло ухмыльнулся.

Ты весь свой оставшийся мозг пропил, придурок? Всю неделю не появляешься в «Госводороде», а сегодня мы с утра

должны были быть у Павла, решать вопрос с тем, как отмы-
вать гонорар. Ты че всю неделю со шлюхами в запое прова-
лялся? – озвучил проблему Шоу.

Ну провалялся и че с того? Могу себе позволить!

Ты че, больной? Я тебе третий день не могу дозвониться,
еле узнал, куда ты съехал. Просто пиздец какой-то! Ты бы
еще у Кремля квартиру снял, миллионер из трущоб херов.
Что с тобой? – размахивая руками, заметно повысил тон Ан-
дрэ.

Да че ты завелся-то, а?! Не ори на меня! Я это... Я... Я
отдыхал! Меня все это достало, amigo. Мы всего добились,
мне нужен отпуск! Не мешай мне, ты видишь, я не один. Да-
вай я тебе позвоню потом как-нибудь, иди, мне нужно по-
быть наедине с собой, – начал брыкаться Кори и побрел к
холодильнику.

Ты че, совсем охренел, что ли? Мы о чем вообще догово-
ривались? – взбесился Шоу и дернул хакера за плечо.

Да че ты орешь?! Не трогай меня! Да! Я не ходил на рабо-
ту, и знаешь че? – спросил Кори и сделал впечатляющую за-
тяжку из ингалятора «Гармония-9», самого мощного из до-
ступных на рынке нейросупрессантов. – ДА В РОТ Я ЕБАЛ
ЭТОТ «ГОСВОДОРОД»! Все, нахер, он уже в прошлом, мне
моей доли хватит до конца жизни, я не собираюсь больше
горбатиться ни на кого. Вот! Посмотри вокруг! Вот чего мы
добились! – Дональд подошел к окну и раскрыл шторы, свет
ударил по глазам, снаружи был впечатляющий вид на красо-

ты Четвертого кольца Москвы. – Я живу в центре, мать ее, Москвы в элитном доме! По моим расчетам, мне моих миллионов хватит еще на десять лет вперед, а дальше мне будет абсолютно похер! И знаешь почему?! Потому что я не собираюсь думать, как жить дальше! Я сыт по горло этим дерьмом, мне больше не нужно изъебываться и придумывать, как же прожить завтрашний день! А там, глядишь, еще какого-нибудь лоха обуем, – выпалил Мак’Дугалл, взял бутылку дорогого ирландского виски и прыгнул на диван. – А теперь, будь добр, свали нахер отсюда и не мешай мне!

Глаза Андрэ, кажется, сначала собрались в кучу, а после попытались выпасть из орбит. Когнитивный диссонанс парализовал его, оставив стоять неподвижно на месте. Сказать, что он был шокирован, было равносильно тому, чтобы назвать всемирный потоп XXI века «слегка превышенной нормой осадков».

Вдруг в дверном проеме в спальню показались две девицы, прикрывающиеся одеялом. Вид у них был слегка потрепанный, однако по очертаниям лиц и фигур можно было сказать, что за одну ночь они брали недешево.

Котик, ну ты где? Сколько тебя ждать еще? Ой, а кто это? – сказала одна из них, пока другая хихикала. По их речи сразу стало понятно, что веселящих веществ в них не меньше, чем в Кори.

Девочки, подождите немного, закройте дверь, дайте мне поговорить!! Я сейчас! – крикнул Дональд и хлебнул из гор-

ла бутылки виски.

Андрэ озверевшим взглядом зыркнул на проституток. Те сразу все поняли и мигом скрылись в полумраке спальни, закрыв за собой дверь.

Ебанись... – пробормотал Шоу. – Ты понимаешь, че ты городишь вообще? Нюхнул запаха крупных денег и буквально за месяц забил хер вообще на все, о чем мы говорили? Ты не понимаешь, что ты рано или поздно привлечешь внимание дядей в погонах и гудбай, сладкая жизнь? Мы для чего вообще так рисковали, чтобы ты сейчас обдолбанным лежал на диване и слал все к чертовой матери?

А тебе, Андрэ, не кажется, что ты слишком много вопросов задаешь? Это моя жизнь, и не тебе решать, как ей распоряжаться! – Подорвался с дивана Кори. – Ни хера нам не будет, наши 500 миллионов на двоих – это просто капля в море. Я ничего не покупал и не собираюсь, квартира в аренду, машина та же. Что, Андрэ?! Ты хочешь сказать, за мной придут, потому что я резко перестал жрать биомассу из пищевого принтера и начал пить дорогой алкоголь?!

Да, Дональд. Да! Именно так, к тебе одним прекрасным утром не просто постучат в дверь, а вышибут ее, упакуют по пакетам и будут пытаться в подвалах каждую часть твоего пропитого тела по отдельности. А потом, когда от тебя ничего не останется, они придут за мной! Ты вообще когда успел стать таким беспечным?

А-а-а-а-а! Так вот в чем дело-то, оказывается, ты о своей

жопе беспокоишься! Ну конечно, что ж я сразу-то не догадался. Да ты не волнуйся, hermano, я не такая крыса и топить тебя не буду. Если меня возьмут, я до заводских настроек отброшусь и на этом все, заканчивать жизнь в камере я не собираюсь, – продолжил Кори и еще раз хлебнул виски.

О чем ты вообще? Че ты несешь, до каких настроек ты собрался откатываться, клоун? – Андрэ начал понимать, что проблема серьезнее, чем казалась на первый взгляд.

Да передознусь я! Хочешь, вот прям щас выпилюсь, А?! – Кори потянулся за баллончиком с аэрозолем «Гармония-9», который лежал на кухонном столе, схватил его, выдохнул, поднес ко рту и приготовился сделать последнюю в своей жизни затяжку.

Шоу подскочил к разбушевавшемуся наркоману и ударил его по руке, отправив баллончик с отравой в полет об стенку. Кори заорал и ринулся ловить свое сокровище.

Угомонись, pendejo! – Поймал хакера громила, поднял, как ребенка, и бросил на диван. – Успокойся, я тебе говорю. Давай поговорим!

Сука, о чем с тобой говорить? Я уже сказал, что не собираюсь больше жить жизнью донного обитателя московских трущоб! Что ты мне сделаешь?? Завалишь прямо тут?! Ну так давай, Андрэ, у тебя только это и получается – бить людей и читать им мораль! Давай, че ты встал-то? – подорвался с дивана Кори, размахивая руками.

Дональд, успокойся, прошу тебя. Ты в неадекватном со-

стоянии, я понимаю, что тебе сорвало крышу, но еще через неделю, когда твой загул закончится, ты очнешься и поймешь, что натворил делов. Я не собираюсь причинять тебе какой-либо вред, просто давай поговорим как друзья, тихо и спокойно.

Друзья, говоришь?.. – Кори сделал очередной глоток виски. – А какие мы, блять, друзья, Андрэ? Какие мы друзья, а?! Мы с тобой как две шавки, сбежавшие с тонущего корабля, перебрались в этот проклятый город, чтобы просто не сдохнуть. Всю дорогу мы просто были вынуждены держаться вместе, и всю дорогу я слушаю твои нравоучения, будто ты моя мать! Мы с тобой не друзья, Андрэ, мы с тобой вынужденные временные союзники, и время нашего союза подошло к концу.

Какая же ты свинья... – Слова Дональда задели за душу Андрэ, который по-настоящему любил своего друга и беспокоился о нем.

Да ты спасибо мне, блять, скажи! Что бы ты делал без меня? Что ты вообще сделал в тот вечер, зашел в магазин и нажал на две кнопки? ЭТО Я НАМ ДЕНЕГ ЗАРАБОТАЛ! – Кори схватил бутылку и швырнул ее об стенку, сосуд разлетелся на осколки, оставив после себя заметный след в стене. – И МНЕ РЕШАТЬ, КУДА Я БУДУ ИХ ТРАТИТЬ! – истощенно проорал наркоман.

А... Ты так считаешь... – Шоу был сбит с толку, он ждал от хакера каких угодно реплик, но только не такого. – Види-

мо, ты забыл, что это я вышел на Елену и что это я тебе спасал жизнь в тот вечер. Глаз не болит после операции?.. Да это и неважно, мне все понятно. Прощай, Дональд. Надеюсь, ты получишь то, что заслуживаешь, – произнес Андрэ и вышел из квартиры.

Захлопнув за собой дверь, он услышал в свой адрес ругательства и проклятья, которые разносились по всему этажу. Шоу медленно дошел до лифта, нажал на кнопку, руки были ватными и не слушались его. В груди образовался ком, словно поглощающий весь свет и все счастье. Громила спустился вниз и вышел из подъезда, затем прислонился спиной к стене рядом с дверью, достал из внутреннего кармана куртки пачку KrasTabaco и закурил.

На часах было 15:30, декабрьское солнце уже собралось садиться за горизонт. Двор здания, где снял квартиру Кори, представлял собой тихое и чистое пространство, у входа в подъезд стояли лавочки и клумбы с растительностью. Пейзаж разительно отличался от привычных спальных районов московских гетто. Здесь не валялись покалеченные бомжи, а на улицах не слонялись безумцы и бандиты. Прямо напротив входа стояла «Электра» Кори, вся в пыли. Андрэ грустно смотрел на машину и курил.

Минут через пять дверь подъезда открылась и из нее вывалились две растрепанные девицы, которых Андрэ видел в квартире Кори. Они зыркнули в сторону крупного мужчины и, бурча что-то себе под нос, поковыляли в сторону ближай-

шего кафе. Шоу докурил сигарету и бросил бычок в урну, все так же стоя, прислонившись спиной к стене. В голове стоял шум, перемешанный с досадой и непониманием.

Очевидны были две вещи. Во-первых, нужно дистанцироваться от Дональда, так как он находится в абсолютно неадекватном состоянии, и риски того, что он потянет на дно вместе с собой, крайне высоки. Во-вторых, даже если перебраться в какую-нибудь абсолютную глушь и залечь на дно, рано или поздно тебя найдут, а значит, проблему нужно решать по-другому.

В голове у Андрэ проносились сотни вариантов выхода из сложившейся ситуации. Один-второй-третий-двадцатый...

«Может, просто проломить ему дверь, скрутить, взять ключи от «Электри» и в багажнике увезти на принудительное лечение? Осталось же пару контактов среди серпуховских, они вполне могут помочь. Установлю в его тупую башку очередную приبلуду, и он избавится от зависимости... Ну да... А дальше-то что? Он мне скажет спасибо и признает, как же ошибался? Да хрен там. Возненавидит еще сильнее или вообще пустит себе пулю в лоб. Это не выход... Да и я не нянька... Сколько еще можно возиться с ним, особенно после такого. Шавки, сбежавшие с тонущего корабля, наш союз подошел к концу. Вот же тварь неблагодарная...» – вел сумбурный внутренний диалог Шоу.

«Зачем тогда я тут вообще нахожусь? Что меня тут держит?» – продолжил рассуждать Андрэ. Ведь той суммы, ко-

тору ю он зарабо тал, хват ит на не са мую бед ную жизнь и вне Моск вы.

«А поче му я во об ще цик лю сь на этом прокля том ме сте? Кто ска зал, что тут моя жизнь и за кон чит ся? Мож ет, по ра вер ну ть ся до мой? Да уж...» – по ду мал Шоу и нерв но рас сме ял ся. За тем дос тал еще од ну си га ре ту, за курил и сел на ла воч ку.

«А что сме шно го-то?» – на ко нец-то нащупав вы ход, спро сил сам у се бя Андрэ. «Мне тут боль ше нет ме ста, а зна чит, на ступи ло вре мя воз вращ ать ся на ро ди ну. Ост алось ре шить од ин во прос – как пе ре ве сти 250 мил ли онов в Мек си ку», – при нял ре ше ние гро ми ла.

Шоу встал с ла воч ки и бы стрым шагом на прав ил ся к бли жай шей стан ции ме тро «Ули ца 1905 го да». Пе шком бы ло ид ти око ло 15 ми нут. Ко неч но же, на ма шине пе ред ви гать ся го раз до удо бнее, но так как «Э лек тра» при над ле жа ла Ко ри, такая оп ция пе ре ста ла быть дос туп на, ви ди мо, уже на вс ег да.

В го ло ве у здо ров яка на чал фор ми ровать ся план по бе га из Моск вы. «Как от мыть 250 мил ли онов? А за чем их во об ще от мы вать, ес ли я ре шил уез жать? То есть за чем мне пре вращ ать на лич ность в то ке ны имен но в Моск ве, ес ли я мо гу сде лать это на ро ди не. Но 250 мил ли онов есть 250 мил ли онов, и ве зти их на лич кой не по лу чит ся, да и ино стран ные бу ма жки в Мек си ке ни ко му не нуж ны. Нуж на толь ко циф ро вая ва лю та. А зна чит что? Зна чит, нужен ка кой-то то вар, на ко тор ый бу дет спро с и ко тор ый я смогу про дать. В Мек си ке

явно будет проще зарегистрировать юрлицо и прогнать операцию купли-продажи официально. Кажется, я понял, что нужно делать...» – рассуждал Шоу.

Очевидный вариант был закупить на полученные деньги чернушный товар, погрузить на корабль и морем отправиться в Мексику. Несколько человек из латиноамериканской диаспоры как раз промышляют подобным. Конечно же, присутствуют риски, но это самый здравый вариант из всех возможных.

«Закупаю партию чернухи, военные импланты, скорее всего, на рынке их немного есть, грузу в контейнер, который никто не будет ни проверять, ни регистрировать, устраиваюсь охранником на судно, чтобы пересечь океан без подозрений. По прибытии в порт вывожу товар и сам по мексиканскому паспорту схожу на сушу. Имплантами точно может заинтересоваться тетушка Имельда, если она меня еще помнит... Звучит как идеальный план... Осталось только реализовать», – разобрался со своими мыслями Андрэ и толкнул дверь входа в станцию метро.

Здоровяк решил действовать сразу, пока есть время. С этим настроем он отправился в сторону своего любимого Серпуховского рынка, чтобы перетереть с хорошим знакомым Эмилио Арриэта. Андрэ спустился на платформу и встал в ожидании поезда. Московский метрополитен представлял собой невероятно большую и разветвленную систему, связывающую все кольца под землей. Насчитывалось

около тысячи станций, как подземных, так и открытых. В конце ХХI века здесь перестелили полотно, заменив его на электромагнитную подушку, и скорость движения поездов увеличилась вдвое.

Метрополитен сменил и свои вековые традиции – систему ценообразования. Стоимость поездки регулировалась в зависимости от того, в какой зоне благополучия выходил пассажир. Для тех, кто был прописан где-нибудь в гетто и при этом не имел уважительных причин появляться в центре гигалописа, цена росла кратно. Статус сотрудника «Госводорода» позволял Андрэ Шоу не смотреть на стоимость поездок, потому что для него она была минимальной. Такие же правила распространялись и на «Электру». Когда она пересекала очередную зону благополучия, Кори не нужно было платить дополнительный налог на пребывание в центре.

Схожие правила ценообразования работали много где. В том числе и в заведениях общественного питания. Таким образом, прописанные или работающие в центре города люди в целом имели скидку на большое количество товаров и услуг. Так городские власти решили проблему, избавляя прекрасные улицы благополучной Москвы от толп туристов-оборванцев, которым хотелось погулять по «городу будущего». Просто сама поездка в центр столицы стоила банально дорого.

К платформе подлетел поезд, Андрэ забрался внутрь и встал в углу у поручня, чтобы не теснить своим здоровен-

ным телом других пассажиров. Поездка должна была занять около часа. Шоу прислонился к стене и закрыл глаза, погрузившись в свои мысли. Слова и поведение Кори сильно ранили душу, и здоровяк пытался отогнать дурные чувства. «Mierda... Снова со своим альтруизмом я жидко обделался... Сколько еще раз я буду спасать таких людей, как этот pendejо? Зачем я вообще настолько сильно поверил в нашу дружбу... Хотя, с другой стороны, что мне еще было делать? Мы знакомы почти 15 лет. Да уж... Нужно было просто разбежаться в разные стороны, как только Елена отдала деньги, а не продолжать играть в какое-то братство. Собственно, этот ублюдок тем и занялся», – мысленно ругал себя Шоу.

Сделав несколько пересадок и проехав около часа, он наконец-то добрался до Серпуховского рынка. Фактически это был преступный центр Москвы, здесь для «правильных людей» оказывали мутного толка услуги, а за хорошие деньги продавали любые товары. Конечно же, просто так с улицы зайти и купить реактивный гранатомет не получилось бы. Под благовидным предлогом таких «залетных» просто сдавали полиции. Однако если у кого-то есть знакомства, рекомендации и правильный подход к ведению дел, то здесь можно было найти абсолютно все.

Само здание Серпуховского рынка представляло собой огромный пятиэтажный торговый центр, обустроенный по принципу крытого базара. Здесь не было никаких модных вывесок и шикарного обслуживающего персонала. Все стро-

го и по делу. Большинство прилавков выглядели как барахолки, где продавались якобы подержанные товары: роботы, еда, программное обеспечение, импланты, средства самообороны и так далее.

Андрэ подошел ко входу в здание и закурил, обдумывая свой план. У дверей стояла разноцветная шпана, а неподалеку на земле лежали покалеченные нетрезвые маргиналы. Кстати говоря, несмотря на внешний вид пространства, «закон» тут соблюдался очень четко. За кражи или рукоприкладство местная охрана карала очень жестоко, вплоть до физического уничтожения.

На Серпуховский рынок заезжали и представители московской элиты, причем довольно часто. Ведь тут можно было анонимно приобрести то, что официально могло бы нанести ущерб репутации или даже привести к проблемам с законом.

Андрэ докурил сигарету и потушил ее, втерев в асфальт. Уверенным шагом он вошел внутрь и вызвал лифт на третий этаж. Поднявшись, здоровяк огляделся по сторонам и двинулся к лавке Эмилио.

Здравствуй, друг мой, – по-испански поприветствовал хозяина Андрэ.

Ух ты, какие люди, сам Андрэ Шоу снова заявился ко мне, – продолжил диалог на испанском Эмилио. – Как дела? Давно тебя не видел.

Потихоньку, все нормально. Как твои, как бизнес идет? Да тоже все в порядке, вполне себе. Не жалуюсь, по край-

ней мере, – по-испански ответил низкорослый и слегка полноватый мексиканец, протирая полки со своим барахлом.

Ну я к тебе пришел с выгодным предложением.

Ого, ну от таких людей, как ты, мне всегда интересно выслушать любые предложения. Я весь во внимании.

Давай зайдем к тебе в комнату. Чтобы не у всех на виду.

Конечно-конечно, проходи, – ответил хозяин, отодвинул штору, закрывающую дверь, и, зазывая рукой, проследовал в комнату, которая находилась за кассой.

Андрэ пошел следом. Внутри было маленькое помещение около восьми квадратных метров, в котором располагался сложенный диван с постельным бельем, рабочий стол с компьютером и кресло для гостя напротив. У стенок стояли стеллажи с учетными книгами и всякой ерундой. Дверь в помещение закрывалась на внушительный магнитный замок с биометрией, а сами стены были обиты звукоизолирующим покрытием. Материалы и мебель были высочайшего качества в отличие от интерьера остальной лавки Эмилио.

Хозяин сел за рабочий стол и указал рукой на кресло напротив, приглашая Андрэ. Затем достал сигару и поставил на стол два стакана.

Выпьешь со мной «Маргариту»? – спросил Эмилио.

Да, давай, мне сейчас не помешает, – ответил Шоу, достал из куртки пачку сигарет и положил на стол.

Ну, с чем пожаловал? – спросил мексиканец, нажимая на кнопки автомата по приготовлению алкогольных напитков.

Мне нужно уехать из Москвы.

Та-а-а-ак... И я так понимаю, что есть какое-то сложное условие.

Куда же без него... В общем... Я собираюсь вывезти в Мексику не самую маленькую сумму денег. Проблема в том, что это наличность, а значит, никому там она будет не нужна. Поэтому хочу закупить партию имплантов и вывезти ее на корабле вместе с собой. Вот для этого я и пришел к тебе.

Понятно... То есть ты хочешь арендовать место на судне под контейнер, набить его доверху всякой гадостью и вывезти на нашу родину. Я правильно понял? – спросил Эмилио, поставил на стол две «Маргариты», сел в кресло и поджег сигару.

Не гадостью, а имплантами. Да, все так. Заодно и себя еще вывезти из этого проклятого города, – ответил громила и взял в зубы сигарету.

Мне нужно знать, о какой сумме идет речь, – задумчиво спросил хозяин лавки и стал раскуривать сигару.

Наличности 250 миллионов рублей, – сделав глоток, ответил Шоу.

Понятно... Мне, безусловно, абсолютно неинтересно, где ты взял столько денег и почему хочешь уехать из России. Меня интересует, почему именно импланты, – раскурив сигару, продолжил расспрашивать Эмилио, прихлебнув из стакана с коктейлем.

Потому что я знаю, кого это заинтересует. В Мексике бу-

дет несложно зарегистрировать фирму и провести сделку по продаже партии официально. После этого я, скорее всего, выйду на пенсию.

Ха-ха-хах! Понятно, Андрэ. То есть от меня ты хочешь контейнер, место на судне, которое не будут тщательно проверять, а еще услуги по разгрузке товара и тебя самого в порту с последующим прохождением границы и таможни. Верно? Я нигде не ошибся?

Все верно. Сколько это будет стоить?

Ты даже не спросишь меня, готов ли я за это взяться? – надменно спросил мексиканец.

Я знаю, что для тебя такая операция не проблема. Такие рейсы проходят каждый месяц. Вопрос в цене.

Много ты знаешь, Андрэ. Много... Но ты мой друг, поэтому не буду заострять на этом излишнее внимание, – куря сигару и запивая коктейлем на текиле, отметил Арриэта. – Такие рейсы, конечно, имеют место, но вот провести тебя самого через границу будет совсем непросто. Как ты себе это представляешь?

Я устроюсь охранником на судно. Так как корабль – это территория России, а у меня есть российское гражданство, то мне будет гораздо проще выйти из порта. На месте я достану свой мексиканский паспорт и уже там потребуются твоя помощь.

Ха-ха-ха! Это умно! Вот уж правда говорят, не суди людей по внешности, не в обиду тебе сказано, но таких хитрых

охранников еще никто не видел. Да, я думаю, вполне возможно повернуть такую схему. Но вот вопрос – где ты возьмешь сам товар?

Ну... Я слышал, что у вас тут где-то завалялась прошлогодняя партия военных нейропроцессоров от «РКС». Пряма на этом этаже. Вроде как это не самый охраняемый секрет... Но еще я слышал, что в руки она вам попала не самым простым способом, а потому отлеживаться мертвым грузом ей еще долго. Я могу ее продать одной своей старой хорошей знакомой, а заодно и замолвить за тебя словечко. Так давай же поможем друг другу.

Какой знакомой? – прикуривая вторую сигару, заинтересовался мексиканец.

Имельде Осорио. – Шоу тоже затянулся.

Андрэ, ты удивляешь меня все больше и больше... Откуда ты с ней знаком?

Я с ее сыном в одной школе учился. Мы были хорошими друзьями, а потом нас раскидала жизнь. Время от времени переписываемся, он часто зовет меня на родину, предлагает работу...

Слушай, а как так получилось, что человек таких талантов все еще не стал мультимиллиардером?

Не знаю, Эмилио... Возможно, риск того не стоит. Возможно, я просто занимаюсь не тем, чем нужно... Это сейчас неважно...

Ну да. Успеем еще об этом поговорить. Слушай, а что там

с твоим другом... Как его... Мак'Дугалл вроде бы. С собой ты его брать не собираешься?

Дональд в уравнение не входит. У нас возникли некоторые недопонимания, – ответил здоровяк и нервно затянулся сигаретой.

Вот с этого момента подробнее. Ваши с ним недопонимания не выйдут ли мне потом боком?

Он сейчас находится в наркотическом угаре. Ни о каких моих планах он не знает. Оформить меня охранником можно тоже втихую. Я просто пропаду, и никто не найдет моих следов.

Понятно... Нет, это херня! – громко сказал Эмилио и стукнул стаканом по столу. – Я не знаю, чем вы там занимались, и знать не хочу. Но тут все очевидно! Если твоего дружка скрутят, то найти самого умного в мире охранника не составит труда, мне такие проблемы не нужны! – рявкнул хозяин лавки и подлетел со стула.

Эх, блять... Эмилио! Я заплачу хорошие деньги!

Мексиканец сделал два шага до холодильника, достал оттуда какое-то маленькое пирожное, нервно его проглотил, затем вернулся обратно и сел в кресло.

Поедешь вместе со своей гадостью внутри контейнера! По ночам тебя будут выпускать справить нужду и помыться. Никак иначе! – пережевывая выпечку, пробурчал Арриэта.

Я же сдохну там за целый месяц! – возмутился Андрэ.

Не сдохнешь, контейнер специальный, кровать, телеви-

зор, свет, еда. Все, мать его, включено! Другого варианта нет. Либо так, либо никак! Даже тазик тебе поставим, если морской болезнью страдаешь!

Ладно... – задумался громила и сделал очередной глоток.
– Другого выхода у меня нет.

По старой дружбе я возьму с тебя 50 миллионов: 10 – за перевозку тебя, 10 – на взятку таможене и пограничникам, 30 – на мою моральную компенсацию. Работаем только на таких условиях, никакого торга.

Что ж... Меня все устраивает.

Где ты оставил деньги?

В надежном месте, Эмилио.

Значит, слушай меня, дружище, – продолжая раскуривать сигару, назидательным тоном продолжил мексиканец. – Если мы работаем, то только так. Сейчас внизу тебя будет ждать машина, на которой ты поедешь за своими миллионами. После этого тебя отвезут в надежное место. Следующий рейс в четверг вечером, 19 декабря. К тому моменту на судне тебя будет ждать контейнер, набитый имплантами на 200 миллионов рублей по рыночной цене. За себя не волнуйся, я своих людей не обманываю. К тому же тетя Имельда послужит для тебя надежной защитой. По прибытии в Мексику тебя и все твое барахло отвезут в глухомань. Дадут телефон с номерами, по которым ты сможешь связаться со своими друзьями. Там же будет помощник. Только делай все по уму. Не надо первым же делом рассказывать Осорио, в каком конкретно

поле у тебя стоит контейнер, доверху набитый военным барахлом из России. Все понятно?

Да... Все ясно, впереди меня ждут не самые простые два месяца.

Это уж точно... Ладно, давай! Чтобы все выгорело! – произнес тост хозяин лавки, и они чокнулись стаканами.

Эмилио и Андрэ просидели еще около сорока минут, допивая коктейли и куря. Затем хозяин лавки позвонил своему водителю и проинструктировал действовать по отлаженной схеме. Шоу вышел из каморки, попрощался с Эмилио и направился к лифту. «Десять лет я вижу эти прилавки с палеными микросхемами, оторванными протезами, химией и пушками. Десять лет я хожу тут как свой среди чужих. Мне скоро сорок лет, а я до сих пор не понял, как меня сюда занесло и чем я тут вообще занимался... Помогал родственникам в Мексике, зарабатывая деньги? Что мной двигало, когда я решил переехать в эту страну? Обида? Авантюра?» – думал он, подходя к лестнице на второй этаж.

Запах еды из местных прилавков, хаотично разбросанных по второму этажу, ударил в нос Шоу яркими воспоминаниями. Когда-то лет восемь назад он искал здесь экзотические фрукты за баснословные деньги, чтобы сделать приятный сюрприз своей женщине, пока Кори сидел в «Электре» на улице и ждал, чтобы подвезти его до дома. Тогда все казалось волшебным: новая жизнь вдали от дома. Карьерные перспективы в «Госводороде», счастливая семейная жизнь и

горящие азартом глаза. «Когда все пошло под откос? В какой промежуток времени наступил момент, что все начало валиться из рук? Когда ушла Мария или когда Кори стал скатываться в зависимость? Мог ли я что-то изменить тогда? А если мог, то почему не сделал? Где же я ошибся? Зачем мы вообще вписались во всю эту историю с Чековскими?» – Вопросы, вопросы, вопросы не давали Андрэ покоя. Он проходил мимо стеллажей с натуральным мясом, приправами, какими-то фруктами, пробираясь через толпу.

«Вот лестница на первый этаж... Тут продают роботов... Точнее, то, что от них осталось. Во всяком случае их можно починить и восстановить до рабочего состояния. Эх... Так я и не смог выполнить обещание Марии и подарить такого, чтобы избавить ее от домашних забот... Да это в целом уже и неважно. Нужно вычеркнуть эти десять лет из своей жизни, возвращаться домой и искать счастье там, где тебя ждут...» – думал Шоу, спускаясь по лестнице.

Громила остановился у выхода, чтобы оглядеться и попрощаться со ставшими за десять лет родными местами. У выхода в рынок стоял черный джип с тонированными стеклами. Шоу вышел из здания, подошел к автомобилю. Глубоко вдохнул, готовясь к чему угодно, затем открыл дверь и забрался внутрь. В салоне кроме водителя никого не было. «Ну хотя бы на этом этапе мне не прострелят голову», – подумал он и сказал шефу адрес места, где он оставил деньги.

Наступило 14 января 2110 года. На улицах Москвы все еще держалось праздничное убранство: на окнах жилищ светились гирлянды, а общественные заведения уже запустили маркетинговую кампанию «Купи новое в старом Новом году».

Офис «Госводорода» тоже не отставал: несмотря на дурные новости о временном отстранении Владимира Освальдовича Чековского от исполнения функций генерального директора в связи с уголовным процессом, новое транзитное руководство в лице Совета директоров приняло решение пока оставить в коридорах мишуру и новогодние игрушки.

Положение Чековского-младшего на данный момент также оставалось крайне уязвимым. История с отцом естественным образом отразилась и на его репутации. Кроме того, некоторые члены Совета директоров были не прочь скинуть клику Чековских с трона навсегда, избавившись от Роберта.

Тем временем в самом Совете в настоящий момент проходило совещание по антикризисному урегулированию ситуации. В конференц-зале на 44-м этаже собрались 12 человек, а также ИИ-представитель правительства Москвы. Так как «Госводород» – государственная корпорация, то в Совет входили не только значимые представители отрасли и всякие бездельники, но и несколько чиновников федерального

правительства. К тому же тут еще сидела и парочка крупных акционеров. Среди них был и «символ эпохи» Денис Васильевич Харис, вальяжно развалившийся в кресле.

Как бы ни закончилась эта история с Владимиром Освальдовичем, очевидно, что восстанавливать его на должности генерального директора было бы вопиющей репутационной ошибкой! – произнес кто-то в пылу обсуждений.

Чековский фактически основал эту корпорацию, и он привел ее к успеху, кому, как не ему, знать, куда двигаться дальше, – парировал кто-то.

Вероятность того, что его осудят, крайне высока, так давайте готовиться заранее! Нужно назначать нового генерального директора! – вмешался третий человек.

Подтверждаю вероятность негативного исхода событий. По моей оценке, шанс на обвинительный приговор составляет 92,34%, лучше бы приняться за разрешение управленческих вопросов прямо сейчас, – вставил ремарку ИИ московского правительства.

Очевидно, что на эту должность подходит Чековский-младший. Он руководит стратегическим планированием корпорации, профессионал самого высокого класса. Должна же быть преемственность поколений! – громко произнес кто-то из малочисленного лагеря «лоялистов».

Это абсолютная глупость! Каким образом Роберт Владимирович может руководить корпорацией, если он ровно точно в таком же положении шантажа, что и Владимир Осваль-

дович?!

Еще около десяти минут прошло за обсуждением кандидатур и целесообразности полного увольнения Чековско-го-старшего. Никакого консенсуса в Совете не наблюдалось и близко. Десятилетия правления «Госводородом» одним человеком привели к атрофии этого органа как такового.

Друзья! Я понимаю, как вам сейчас тяжело, особенно тем из нас, кто прошел всю дорогу в этой славной компании под руководством Чековского Владимира Освальдовича, – вдруг встал со стула Денис Васильевич Харис и громким, звонким, приятным тембром начал свою речь. – Но у всего есть свое начало и свой конец, наступают новые времена, и нам нужно адаптироваться к ним! Я не открою вам глаза на мир, сказав, что, к великому сожалению, у Чековского больше нет перспектив в этой корпорации. Даже если с него снимут все обвинения, его дочь по-прежнему остается в Китае, ввиду дан-ного факта в реальности ничего не изменится. В связи с этим я готов сложить свои полномочия в основанной мной компа-нии «Российские кибернетические системы», буквально от-дать право на управление своим детищем, чтобы занять пост генерального директора «Госводорода». Как вы знаете, я об-ладаю огромным опытом по управлению корпорациями ми-рового значения. Под моим руководством «РКС» стала пер-вой в мире кибернетической компанией по капитализации, мы задаем тренды всему человечеству. В силу специфики кибернетической отрасли я крайне глубоко погружен в во-

прос энергетики. У меня есть видение и понимание дальнейшего развития индустрии водородной энергии России. В завершение я хочу сказать, что также поддерживаю правила честной конкуренции, однако времени на раскачку у нас нет, а поэтому предлагаю провести голосование среди всех выдвинутых кандидатов на пост генерального директора на сегодняшнем заседании. Спасибо за внимание!

В зале на некоторое время повисла тишина. Уход главного идейного вдохновителя технологического прогресса человечества из «РКС» ради должности генерального директора в «Госводороде» спрогнозировать было сложно.

Я поддерживаю ваше предложение о проведении немедленного голосования. Сейчас у нас шесть кандидатов, тянуть резину дальше смысла нет, – высказалась какая-то женщина из правительства.

Я тоже выступаю за проведение голосования без отлагательств! – присоединился кто-то еще.

Несколько человек выступили против, среди них в том числе были и верные Чековским. В конечном счете перевес желающих утвердить новую кандидатуру прямо сейчас стал очевидным.

На рабочих информационных панелях участников собрания высветилось приглашение проголосовать. По гаджетам всех присутствующих разлетелся анонимный опрос. Спустя несколько минут голосование завершилось. На информационных панелях высветилось сообщение, что для определе-

ния непредвзятости результатов голосов потребуется около 30 минут на обработку.

Участники Совета закончили свои обсуждения и в ожидании результатов голосования решили сделать перерыв. Кто-то остался на своем месте, а кто-то направился к кофемашине. Харис поднялся из-за стола и направился к выходу в коридор. Легкой походкой он покинул помещение и пошагал к окну. Вид с 44-го этажа открывался поистине захватывающий. Где-то там за горизонт уходили последние кольца Москвы. Город буквально выглядел как матрешка, в центре которой красовалась расписная сердцевина, а на внешних слоях собиралась грязь, копоть и кровь.

Денис Васильевич! – окликнул Хариса Петров – один из крупных акционеров «Госводорода».

Символ эпохи оглянулся и кивнул, будто бы приглашая встать рядом и полюбоваться видом на уродливый гиганполис.

Я проголосовал согласно договоренностям, – почти шепотом произнес Петров.

Какой интересный день, не находите? – кивнул Харис, имитируя светскую беседу. – Да... Сложные времена грядут. Думаю, что вся эта ситуация обнулит абсолютно все усилия Раевской по выстраиванию хоть какой-нибудь дружбы с ЗКИ. Нас ждет эскалация...

Похоже на то... Во всяком случае у нас есть все, чтобы успешно конкурировать, – прокомментировал Петров.

Это если таких случаев, как с Чековским, у нас не полстраны. Кто ж его знает. В России все всегда одинаково, что при Раевской, что при Лжедмитрии, – сказал Харис, развернулся и направился обратно в конференц-зал, попутно заглядываясь на дверь в кабинет бывшего генерального директора «Госводорода».

Члены Совета понемногу начали собираться и занимать свои места. Харис уселся на свое место, осторожно осматривая помещение. Несколько представителей Совета глядели на символа эпохи, будто в надежде выжидая, что он посмотрит на них в ответ, кивнет и тем самым даст легитимное оправдание их выбору на голосовании. Однако Харис не стал уделять кому-либо визуального внимания и просто остановил свой взгляд на настольном рабочем экране, откинувшись в кресле.

Что ж, коллеги... Давайте начнем, прошу занять свои места, – произнесла корпоративный секретарь, женщина 45 лет. – По итогам голосования у нас есть победитель. Второго тура не потребуется. Итак, коллеги, с радостью объявляю результаты. 9 из 13 голосов получил Денис Васильевич Харис! Поздравляю, у «Госводорода» появился новый руководитель.

В помещении прозвучали дипломатичные аплодисменты. Харис поднялся со своего места, застегнул пуговицу пиджака и сделал легкий поклон вежливости участникам заседания.

Благодарю за оказанное доверие, друзья. Я оправдаю возложенные на меня надежды, мы найдем общий язык и будем двигаться дальше, — произнес он и сел на свое место.

В течение недели вам будет необходимо покинуть «РКС», — продолжила свою речь секретарь. — В ближайшие часы будет утвержден документ о назначении вас на должность временно исполняющего обязанности генерального директора — председателя Совета директоров «Госводорода». На этом заседание объявляется закрытым. Денис Васильевич, позвольте, я помогу вам с обустройством на вашем новом рабочем месте, прошу, пройдите за мной.

Харис поднялся с места и проследовал за секретарем из конференц-зала. Оба подошли ко входу в кабинет генерального директора. Женщина прислонила к электронному замку ключ, и дверь открылась. Затем она передала ключ новому директору «Госводорода» и провела краткую экскурсию, после чего оставила его.

Денис Васильевич вальяжно прошелся по кабинету, оценивая его размеры и пригодность к непрерывному проживанию в нем, затем сделал печальные выводы и уселся в кресло. «Первым делом здесь нужно организовать ремонт и расширить пространство», — подумал он.

Новый глава водородной корпорации России неподвижно просидел в кресле около получаса, активно эксплуатируя свой полуроботизированный мозг и оценивая сложившуюся обстановку. Вдруг поступил внутренний звонок по защи-

щенной линии. «Чековский Роберт Владимирович, директор Департамента стратегии и развития», – гласила надпись о входящем вызове на экране устройства.

Да, Роберт, дорогой, говори! Я тебя слушаю, – ответил на звонок Харис.

Денис Васильевич, приветствую вас! До меня дошли новости о результатах сегодняшнего заседания Совета. Поздравляю вас с назначением! Неожиданно, конечно, но в свете происходящих событий это отличная новость.

Да, спасибо тебе! Ну, будем разбираться, что тут у вас происходит. Ты это... Зайди ко мне прямо сейчас, нужно поговорить.

Понял, бегу, – сказал Чейз и бросил трубку.

Харис встал с кресла, поправил пиджак и подошел к окну, высматривая проходящих на улице пешеходов и ботов. Он стоял неподвижно, перебирая в голове всевозможные исходы ближайшего будущего и вырабатывая тактический план по реформам в «Госводороде».

Спустя пять минут прозвучало уведомление, что у дверей в кабинет стоит посетитель. Харис отправил команду открыть дверь и развернулся ко входу.

Приветствую, Денис Васильевич! Еще раз поздравляю с назначением, приятно видеть вас у руля!

Здравствуй-здравствуй, дорогой! – звонко сказал Харис и подошел к Роберту пожать руку. – Ну, проходи, садись, – дополнил он и указал жестом на кресло рядом у стола.

Роберт последовал на указанное место и уселся, Харис же сел за свой рабочий стол руководителя, который стоял справа от стола для проведения совещаний.

Ну что, Роберт, говорил я с твоим папкой. Конечно, да... Ситуация совсем из ряда вон выходящая. Это как он так вообще умудрился Родину предать-то? Ты был в курсе всей этой истории? – довольно убедительно начал разыгрывать театральную сцену Денис Васильевич.

Родину он не предавал. О ситуации я узнал почти два месяца назад. Информацию сначала хотели распространить через «Вьюгу», мне об этом сообщила Юнона Шталь.

Ну да-да, я знаю, что вы друзья еще со школы. Слушай, крепко за Володьку взялись, конечно. А он что, совсем тебе не рассказывал, что там у сестрицы твоей в Китае происходит?

Нет, Денис Васильевич. Я когда услышал, что она стала причиной шантажа, чуть не полетел в ЗКИ за ее головой.

Ну ты горячку-то не пори, она твоя сестра, и сомневаюсь, что вообще в курсе ситуации была. Тут вопросы к твоему батьке, поднастрал он тебе знатно, конечно.

Вы про репутацию? Меня ни в чем не обвиняют, я свидетелем прохожу по делу, вы об этом в курсе.

Я-то в курсе, в курсе, Роберт. А ты вот в курсе, что буквально час назад на заседании Совета было?

В общих чертах. Говорят, отец мой больше не народный любимец.

Ты, я смотрю, тут везде свои уши имеешь. Даже не знаю, похвалить тебя или отругать. В общем, ситуация разворачивается очень неприятная, Роберт, – сказал Харис и встал из-за стола и направился к окну.

Объясните? – выждал паузу Чековский-младший и спросил.

Роберт, мне не очень приятно об этом тебе говорить, но, по всей видимости, отец твой огребет по полной. Не знаю, какое решение вынесет суд, но оно будет не самым ласковым, думаю, ты и сам это понимаешь. Поэтому я не могу оставить тебя в «Госводороде». Грядет очень серьезный аудит со стороны властей, а как только мою должность официально утвердят, возникнет вопрос: «а какого черта сын предателя Родины работает в государственной корпорации топ-менеджером?» Понимаешь? Там никто разбираться не будет. – Сделал сострадательное лицо киборг.

Фантастика... – вздохнул Роберт и потер лоб рукой. – Мой отец – народный герой современной России – шпионил для китайцев, а мой будущий тесть теперь мой начальник и увольняет меня из корпорации, в которой я проработал 15 лет. Это что, какая-то шутка, розыгрыш? Что вообще происходит?..

Я понимаю... Понимаю... Роберт. Но и ты пойми всю сложность политической ситуации. Я не могу поступить по-другому. Ты сам как руководитель должен осознавать, какое решение тут необходимо принять.

У меня вопросов нет, Денис Васильевич. Вещи сейчас идти собирать?

Роберт, ну давай-ка ты в руки себя возьмешь, и мы не будем тут устраивать цирковое представление, ладненько? Оформим все в достойном виде, проведем выплату за полгода вперед плюс премию за выдающиеся заслуги, я составлю тебе рекомендательное письмо, все выставим так, будто решение было твоим и основывалось на морально-этических соображениях. Давай не строй из себя принцессу. С твоим послужным списком на дороге не останешься, помогу тебе с дальнейшим трудоустройством, – высказался Харис, затем подошел к краю стола и уперся руками в спинку кресла, которое стояло напротив Роберта.

Хах... Я понял... Что ж... Мне сказать нечего, Денис Васильевич, слушаюсь вас. – Потупил взгляд Чековский. – Так что?... Я на сегодня свободен уже или что?

Да, конечно, дорогой, тебе надо побыть в покое, обмозговать, принять ситуацию. Давай ступай, завтра приходи ровно к десяти, сразу ко мне поднимайся, переговорим.

Хорошо, понятно. Тогда до завтра. – Поднялся со стула Роберт и развернулся к выходу.

А, это... Роберт, когда решение суда назначено?

Через неделю, 21 января, вторник.

Понятно. Ну ладно, давай, завтра в десять жду.

Чековский-младший кивнул и направился к выходу. Нервно открыв дверь, он поспешил скорее выбраться из по-

мещения. В голове стоял гул. Мысли не складывались в кучу. Мужчина нервной походкой двинулся к лифту. События разворачивались настолько стремительно, что даже аугментированная черепная коробка Чейза была не в состоянии обработать все поступающие сигналы. «Еще два месяца назад все было просто замечательно, а сегодня меня уволил мой тесть», — думал он. Кое-как доковыляв до посадочной площадки, Роберт открыл дверь своего авиамобиля и забрался внутрь. Бортовой компьютер настроил автопилот по стандартному маршруту до пентхауса Чековского-младшего, и транспортное средство оторвалось от поверхности. Одна мысль не давала покоя Чейзу: «как же удобно все получается...».

Ева лежала на огромной кровати, небрежно закинув ногу на ногу и лениво пялясь в потолок, расписанный дерзкими граффити и психоделическими узорами. Ее комната напоминала декорации к какой-то андеграундной антиутопии: валяющаяся повсюду одежда, пустые бутылки из-под энергетиков, измятые упаковки биопатчей и пыль. Неоновый свет с потолочных голограмм переливался кислотно-зелеными и розовыми оттенками, заставляя стены квартиры походить на туалет ночного клуба. В этом беспорядке и синтетической яркости Ева находила странное спокойствие. Обстановка во-

круг просто кричала о тяжелом жизненном периоде панк-рок-принцессы Чунцина.

Она рассеянно крутила между пальцами электронную сигарету с ароматом персикового мартини, иногда поднося ее к губам и выпуская вверх густые облака пара. Взгляд девушки периодически сосредотачивался на планшете, который монотонно воспроизводил очередной выпуск новостей «Вьюги». На экране ее давняя московская знакомая Юнона Шталь вещала с той самой серьезностью и холодом, которые так раздражали Еву.

«Итак, дорогие зрители, – уверенно говорила Юнона, – Москва продолжает кипеть от политических скандалов. Суд над Владимиром Чековским, обвиняемым в государственной измене, состоится во вторник, 21 января. Временно исполняющим обязанности главы “Госводорода” стал Денис Харис».

Ева сердито вздохнула, перекатившись на бок, и с ожесточением уставилась в экран. Мысль о том, что имя ее отца уже почти два месяца полоскают во всех новостных программах на планете Земля, вызывала внутри нестерпимый зуд. Хотя совсем недавно она сама была первой, кто открыто смеялась над его политическими амбициями, считая отца устаревшим и бессмысленным ретромагнатом, чей мир давно отжил свое.

«Вот же старикан... – пробормотала она, глубоко затянувшись и выпустив очередное облако персикового пара в потолок. – Куда ты вляпался?»

Глядя на Юнону с ее идеально уложенной прической и строгим, осуждающим взглядом, Ева ощутила острый и неприятный укол раздражения прямо через экран планшета. На мгновение ее посетила совершенно незнакомая, болезненная мысль: ей захотелось защитить отца от всего, что с ним произошло.

Она резко перевернулась на спину, уставившись на голографический потолок. Внутри бушевал шквал эмоций, с которыми было невозможно справиться. Глубоко, где-то в подсознании, Ева понимала страшную правду: все это произошло именно из-за нее. Именно ради ее безопасности отец согласился на ту самую проклятую сделку, которая сейчас уничтожала его карьеру и репутацию.

Ева заскрежетала зубами, пытаясь заглушить эти мысли, но они, словно назойливые насекомые, возвращались вновь и вновь, заползали в подкорку мозга и грызли что-то важное. Что-то непонятное. Что-то глубокое.

«Напоминаем, – ровно и холодно продолжала Юнона, – что Владимир Чековский полностью отрицает обвинения, называя их политическим заказом. Тем не менее эксперты сомневаются, что Московский суд вынесет оправдательный приговор».

«Да иди ты нахер, Шталь!» – не выдержав, гавкнула Ева и резким движением смахнула планшет с кровати. Он упал на пол, замигал, но продолжал монотонно транслировать новости, теперь уже немного искаженным голосом. Девушка

уткнулась лицом в подушку, начав громко и глухо ругаться, словно хотела заглушить не только ненавистный голос на экране, но и насекомых в своей голове.

Вдруг до нее резко дошло, что же она испытывает. Это было совестью Евы, которая, по всей видимости, только сегодня появилась на свет.

Что было бы, если б она вела себя иначе? Не кричала бы на каждом углу о своей свободе, не ввязывалась бы в скандалы, не провоцировала бы власти своими выходками и публичными заявлениями?

Что бы было, если б она была не рок-звездой и бьюти-панком, а обычной, скучной, правильной девочкой, которая осталась бы в Москве, а не ломилась в другую страну доказывать всем, какая она взрослая... Может, отец был бы в безопасности?

Эти мысли не давали покоя, заставляя кулаки сжиматься так, что ногти впивались в ладони, а в ногах появлялись судороги.

Она снова глубоко затянулась, стараясь подавить внутреннюю дрожь и тошнотворное чувство стыда, но ничего не получалось. Нервы были на пределе, привычный эпатаж и дерзость панк-королевы ЗКИ больше не спасали от нарастающего ощущения безысходности. Еве хотелось плакать и просить прощения.

В этот момент раздражающую тишину пререзал звонок. На экране высветилось знакомое «Шэнь Гуанли». Ева на

мгновение застыла, затем, тяжело вздохнув, нажала на прием вызова.

Шэнь, какого хера тебе надо? – хриплым голосом «поприветствовала» собеседника Ева.

И тебе привет. Смотрю, ты не в духе... Но у меня для тебя важные новости.

Слушай, мне сейчас вообще не до важных новостей, давай как-нибудь потом, – ответила Ева, готовясь нажать на кнопку «завершить звонок».

Они касаются тебя, причем очень срочно. Нужно встретиться прямо сейчас.

...

Алле! Ты тут?

...

Ева! Ты слышишь меня, алле?

Да слышу я, блять, слышу. Это что, то, о чем я думаю?

Я не умею читать мысли, но тут все очевидно, никаких других срочных новостей про тебя сейчас нет, по-моему.

Слушай, я сейчас в таком состоянии, что не смогу никуда выйти, это что, нельзя обсудить по телефону? Ты мне все равно уже позвонил.

Нет, нельзя.

...

Слушай, я тебя упрашивать не буду, но я крайне рекомендую тебе меньше выебываться и выйти на улицу. Или мне что, к тебе домой приехать?

Ого... Да ты серьезно настроен, но не надо ко мне приезжать, спасибо. Ладно... дай мне час, где ты предлагаешь встретиться?

В том же баре, где мы виделись в последний раз.

Твою мать, Шэнь, ты думаешь, я помню, где мы с тобой виделись?

В «Чжаобао».

А-а-а-а... Ну да, вспомнила. Ладно, сейчас я приведу себя в порядок и выеду. Как соберусь – сообщу, – сказала Чековская и бросила трубку.

Ева нервно кинула телефон на кровать, легла на спину, уставилась в потолок и начала мычать, выражая самой себе недовольство всем происходящим вокруг. Спустя пять минут драматического представления для самой себя она нашла в себе силы привести свое тело в вертикальное положение и отправиться в уборную, чтобы привести себя в порядок.

Встав перед зеркалом, она с ужасом обнаружила, что некогда миловидное личико сейчас, скорее, напоминает физиономию уставшей рок-фанатки после 10-часового рейва. «Да и хер с ним, просто помоюсь», – подумала она и решила не заморачиваться с косметикой.

Еще через 30 минут она натянула на себя темный балахон с капюшоном и уже сидела у выхода из квартиры, лениво просовывая ноги в кроссовки и собираясь с мыслями. Чековская вышла из квартиры и направилась на парковку к

своему любимому авто.

Яркий кабриолет выкатился из-под земли и направилось к обозначенному месту встречи. Ехала она в полной тишине, соблюдая правила дорожного движения. В голове все так же шуршали насекомые, цепляющиеся то за одну мысль, то за другую. Создавалось впечатление, что девушка только сейчас впервые столкнулась с чем-то неприятным в своей жизни. На душе появилось липкое чувство тревоги и неопределенности.

Юсинь благополучно доехала до бара «Чжаобао» и припарковала машину. «17 января, 15:13», – показывали электронные часы автомобиля. «Вау, я почти не опоздала, не к добру это», – подумала панк-королева Чунцина.

Ева зашла в бар «Чжаобао», мгновенно окунувшись в привычную атмосферу беспечности, электронных ритмов и оживленных разговоров. Несмотря на привычку к подобным местам, сегодня ей было не по себе. Напряжение буквально сдавливало грудь, и даже привычные громкие и веселые голоса других посетителей не могли унять разбушевавшийся внутри фонтан негативных эмоций.

Шэнь сидел за дальним столиком, спрятавшись в тени. Он выглядел необычно сосредоточенным, серьезным и источал какую-то новую энергию. По крайней мере, так на первый взгляд показалось Еве, которая, помимо шуток и приколов, вдруг стала замечать недружелюбность окружающего мира. Чековская медленно приблизилась, уселась напротив,

закинув ногу на ногу и попытавшись изобразить привычное безразличие.

Ну? Чего такого срочного, что нельзя было сказать по телефону? – вместо приветствия спросила Ева, вопросительно подняв бровь, пытаясь скрыть внутренний мандраж.

Еще раз привет. М-да, видок у тебя какой-то необычный. Мы мой внешний вид собрались обсуждать? – съязвила Ева, глубже натянув капюшон.

Ладно, давай к делу. – Шэнь подался вперед, голос его звучал тихо и осторожно, словно он боялся, что кто-то мог подслушать их разговор даже в этом шумном месте. – Ева, завтра утром против тебя начнется дискредитационная кампания, а на следующей неделе тебя выгонят из страны. Такие новости.

...Ты че, укуренный? – спросила Ева, которая в глубине души ожидала такого исхода событий, но решила защититься, включив режим агрессии ко всем окружающим.

Послушай, я понимаю, что ты немного не в себе, однако я пришел сюда не для того, чтобы слушать твои язвительные комментарии, а чтобы помочь. Если тебе не нужно ничего знать, то я тогда пошел. – У скромного парня лопнуло терпение.

Ева молча уставилась на Шэня.

Ладно, я, пожалуй, тебя оставлю. Тебе, смотрю, вообще на все похуй уже.

Нет, стой! Останься! Я просто не могу собраться с мыс-

лями.

Понимаю... Окей... Тогда слушай дальше. Завтра выйдет что-то типа разоблачения на тебя. Как все проснутся после выходных – кураторы тебе вежливо намекнут, что ты теперь токсичный актив и хорошо было бы тебе свалить из ЗКИ да побыстрее.

Ахуенно, и кто же выпустит это «разоблачение»?

Угадай с трех раз...

Шэнь, я сейчас не в состоянии играть в угадайки.

Бель.

Чего, блять?! Ты серьезно?

Абсолютно. Будет заливать про то, какая ты двуличная, расскажет про то, как она с тобой дружила, не зная, насколько ты лживая и что случилось с твоим отцом. Еще будет обещать ЗКИ и обсирать Россию, говорить, что из-за таких, как ты, портится имидж империи, которую пытаются втянуть в грязные скандалы.

Пиздец... Эта тварь сама решила устроить такое?

Нет, конечно, ей сказали делать – она с радостью согласилась, особенно после того, как мы в этом баре посидели втроем.

Вот шлюха... Какая же мразь!

Ева, тебе сейчас нужно думать о том, как вывести денежки из Китая и куда валить.

Ох, пиздец... – пробурчала девушка, взялась руками за голову и уперлась локтями в стол.

У тебя какие-то сбережения есть?

Да... Половина в децентрализованных квантовых активах, половина просто на личном счете... На несколько лет вперед хватит...

Это не может не радовать. Машина, квартира? Все твое личное?

Квартира – нет, машина – да. Твою мать! А куда я с ней денусь? Куда вообще меня выгнать хотят?

Да никуда конкретно, просто принудят покинуть страну, иначе в тюрьму сядешь за нарушение запрета на пребывание на территории ЗКИ. У тебя же есть российское гражданство, ты можешь вернуться домой.

В Россию? Это же полный пиздец!

А у тебя есть варианты получше?

Твою мать... Я туда не хочу!

Слушай, дело твое, конечно, но сейчас не про хочу и не хочу, а про сесть в тюрьму или нет. Сохранить деньги и свободу или нет.

Я понимаю...

У тебя по факту два-три дня и сегодняшний вечер.

Блять! Шэнь, а откуда у тебя такая инфа? Ты случайно не пытаешься наебать меня?

Откуда у меня информация? Хороший знакомый в канцелярии рассказал. Пытаюсь ли я тебя обмануть? Нет, естественно. Для чего мне это?

Ясно... А рассказываешь ты мне это зачем? В чем твой

интерес?

Да ни в чем. Просто сочувствую тебе, ты в этой ситуации ничем не виновата. У тебя ко мне всегда было адекватное отношение, вот и я решил отплатить тем же. Если тебе так удобно, то просто оставляю свою совесть чистой.

Ева на несколько минут замолчала, переваривая услышанное. В голове вертелся калейдоскоп противоречивых мыслей. Ее привычный мир рушился на глазах, и все, что казалось непоколебимым и вечным, теперь трещало по швам. Розовый, «бунтарский», непокорный шаблон порвался, напоровшись на внезапную реальность.

Ладно, – наконец произнесла она, стараясь казаться более уверенной. – Спасибо, Шэнь... Реально спасибо, что предупредил. Я ценю.

Шэнь внимательно посмотрел ей в глаза и слегка улыбнулся, в его взгляде читалось неподдельное сочувствие.

Будь осторожнее, пожалуйста. Я более ничем не могу тебе помочь, дальше сама. Да и... Ты же понимаешь, что этого разговора не было и я тебе ничего не говорил?

Да, я понимаю... – ответила она тихо. – Я пойду, мне нужно собраться с мыслями. Спасибо... – И Ева поднялась из-за стола.

Не за что, Ева. Удачи тебе, – ответил молодой человек, посмотрев на нее, словно пытаясь запомнить напоследок, как она выглядит.

Чековская поправила капюшон и покинула бар, не глядя

по сторонам. Обратный путь домой прошел как в тумане. Сознание лихорадочно металось, пытаясь выстроить хоть какую-то последовательность дальнейших действий. Все тщетно, в голове мельтешили только какие-то эмоциональные всплески и чувство бесконечной ненависти ко всему происходящему.

Вернувшись домой, она, пробираясь сквозь хаотично разбросанные шмотки, бутылки и коробки, бросилась за компьютер, судорожно проверяя счета и начиная перевод активов в квантовую криптовалюту. Страх сжимал горло, глаза нервно скакали по интерфейсам банковских приложений и криптокошелькам.

Юсинь осознавала, что чунцинская сказка закончилась и времени осталось критически мало. Все это было словно кошмар, от которого хотелось проснуться, но она прекрасно понимала: это была реальность, с которой она раньше не имела дела.

К ночи, когда самые срочные переводы были завершены, она почти без сил рухнула на кровать. В голове пульсировала одна мысль: завтра утром мир изменится навсегда. Девушку мучал вопрос: «а что будет дальше?» Внутри шли торги между надеждой на мирное урегулирование и катастрофой.

Ночь прошла крайне беспокойно, Юсинь множество раз просыпалась, судорожно хватала планшет и обновляла страницу Алины Бель, боясь увидеть там тот самый ролик. Ближе к пяти утра она окончательно выбилась из сил и отклю-

чилась.

Утро субботы началось с громкого навязчивого сигнала уведомлений, которые бесконечным потоком сыпались на все ее устройства. Сквозь пелену сна она машинально протянула руку и открыла глаза, мгновенно ощутив, как грудная клетка болезненно сжалась.

В уведомлениях сотни ссылок на видео бывшей «подруги». Дрожащие руки потянулись к экрану, Ева быстро нашла ролик и открыла его. На экране появилось печальное и обиженное лицо Алины, голос ее звучал напряженно и надрывно.

«...Я всегда считала Еву Юсинь своей близкой подругой. Я доверяла ей как родной сестре. Но оказалось, что все это время она просто использовала меня, моих друзей и китайское гостеприимство ради своей грязной игры. Она предала даже собственного отца, Владимира Чековского, втянув его в грязный международный скандал. Теперь мы все знаем, кто она на самом деле: лицемерка, эгоистка и предательница, разрушившая не только семью, но и доверие Западно-Китайской Империи...»

Юсинь не смогла досмотреть до конца. Гнев, паника, растерянность, страх и ярость смешались внутри нее в один удушливый комок. Трясущимися пальцами она принялась проверять соцсети. Там было еще хуже. Тысячи комментариев, ненависть и оскорбления, обвинения в предательстве и угрозы. Весь ее медийный образ рухнул за считанные часы.

«Хотела быть киберпанк-принцессой, а стала геополитическим мемом. Сидела на бабках папика, играла в независимую, а как прижало, сразу в истерику. Нихуя не делает, только пялится в камеру и выебывается, пусть валит туда, откуда вылезла», — читала вслух комментарии Ева.

«Пиздец... Их даже не цензурят. Похоже, что удалять весь этот хейт не будут, чтобы висел и напоминал».

Окончательно приняв новую реальность и поверив в сценарий Шэня, Ева целый день металась по квартире, звоня всем подряд, пытаясь достучаться до бывших друзей и партнеров. Тем не менее по ту сторону либо не отвечали, либо вежливо посылали куда подальше. Даже личный медиаменеджер коротко сообщил, что разрывает с ней контракт.

Поняв, что помощи ждать неоткуда, Ева занялась срочным переводом всех оставшихся средств в квантовую криптовалюту, пытаясь защитить свое состояние от возможных санкций властей. В течение всего дня она почти ничего не ела, а только носилась по квартире, собирая вещи и устраняя следы хаоса последних дней.

Следующей ночью Ева почти не спала. Беспокойные мысли не давали покоя, заставляя ее снова и снова проверять счета, убеждаясь, что активы находятся в безопасности. Она нервно ходила по квартире, изредка останавливаясь, чтобы глубоко вздохнуть и попытаться успокоиться, но безуспешно. Все театральные сценки и эпатажные выходы наедине с собой куда-то улетучились. Ближе ко второй половине дня

к ней стали поступать предложения прокомментировать ролик Бель. Естественно, панк-королева посылала всех на три буквы, а уже к вечеру выставила блокировку на все входящие сообщения и звонки во всех ресурсах.

Ночью она завершила сбор пожитков. К удивлению, ей удалось уместить все нужное барахло в два чемодана, оставив еще около 700 килограммов личных вещей лежать в квартире. Предметы, которые еще на прошлой неделе казались необходимыми и любимыми, теперь воспринимались как мертвый груз. Осмотрев квартиру, Ева взяла чемоданы и потащила их в машину.

Тревога только усиливалась: куда ехать, как покинуть страну, как избежать преследования? Каждый шаг, каждое действие казалось последним в ее комфортной, роскошной реальности.

Ночь прошла точно так же, как и предыдущая.

Ранним утром понедельника на смартфон Евы поступил звонок с официального номера кураторов из имперской канцелярии ЗКИ. Сердце учащенно забилося, по телу выступил холодный пот, а кожа головы стала немного покалывать. Она осторожно подняла трубку, пытаясь не выдать волнения:

Алле, – спокойно ответила Ева.

Доброе утро, госпожа Юсинь, – произнес знакомый голос на безупречном официальном китайском, по ту сторону говорила та самая женщина, которая курировала сборы на «этическую деятельность» крупных медийных персон.

Да, здравствуйте, – продолжила пытаться имитировать спокойствие Ева.

Я звоню вам от имени имперской канцелярии. К большому сожалению, в связи с последними событиями и распространением компрометирующих материалов ваша медийная деятельность на территории ЗКИ более невозможна. Контракты, заключенные с вами ранее, считаются аннулированными. Кроме того, мы вынуждены официально уведомить вас о наложении запрета на ваше пребывание на территории государства.

Что? – Голос Евы сорвался, и в горле пересохло.

Сожалею, но я вынуждена уведомить, что у вас есть ровно 24 часа, чтобы покинуть страну. В противном случае власти будут вынуждены применить меры по вашему задержанию и дальнейшему уголовному преследованию по обвинению в подрыве общественного порядка и дискредитации государства. Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Прошу воспринять эту информацию серьезно.

Ева молча слушала, чувствуя, как сердце стучит все громче и громче, словно стремясь вырваться наружу.

Как мне покинуть страну? – тихо спросила Чековская.

До 09:00 утра завтрашнего дня вы можете выехать за пределы Империи любым легальным способом.

У меня в собственности машина, она мне дорога, я могу выехать за территорию Китая на ней?

Да, конечно, однако предупреждаю вас, что если вы не

успеете пересечь границу до истечения 24 часов, то это будет считаться серьезным нарушением наложенного запрета. Уточните, через какой пограничный пункт вы собираетесь покинуть Империю? – как робот продолжила женщина на том конце провода, будто заранее зная план побега панк-принцессы.

Через Казахстан... – так же тихо ответила Ева.

На границе не будет проблем, конечно же, если вы будете соблюдать действующее законодательство.

Спасибо...

Надеемся на ваше благоразумие, госпожа Юсинь... И... Удачи, – вежливо закончила куратор и отключилась.

Ева медленно опустила телефон на стол. Внутри нее словно что-то окончательно сломалось и одновременно возникло чувство легкости, свалившейся с плеч неопределенности последних дней. Несколько секунд она сидела неподвижно, затем вскочила с места, словно проснувшись от страшного сна, и решительно направилась к выходу.

Она быстро схватила легкую сумку с заранее собранными вещами и подошла к зеркалу. В нем отражалась совершенно незнакомая девушка – измученная, бледная и потерянная. Не задерживаясь, она выбежала из квартиры, закрыла дверь, бросила ключ-карту в почтовый ящик, отправила сообщение хозяину квартиры и спустилась на подземную парковку, где ее уже ждал сиреневый кабриолет, нагруженный вещами.

Ева села в машину, завела мотор и выехала на улицы Чун-

цина, направляясь в сторону скоростной трассы на запад, в Синьцзян. Город проносился мимо нее, словно растворяясь в дымке, словно навсегда оставаясь в прошлом. На выезде из Чунцина она заехала на заправку, наполнила бак доверху, а заодно прикупила парочку банок с кофеином, несколько тюбиков пищевой пасты и две полные канистры бензина по 25 литров.

В голове кружилась только одна мысль – ей нужно было уехать как можно скорее, как можно дальше, в неизвестность и, возможно, навсегда. Каждая секунда, каждый километр дороги приближал ее к новой реальности, о которой она пока не имела ни малейшего представления.

К 11 утра сиреневый кабриолет с закрытой крышей уже встал на трассу Чунцин – Урумчи, и стрелка спидометра пробила отметку 220 км/ч.

Двигатель громко рычал под капотом, как будто сам охреневая от происходящего. Ева, укутавшись в черную толстовку, сидела, вжавшись в кресло всем телом, будто хотела слиться с машиной и умотать не только из Китая, но вообще из этой цифровой версии преисподней.

К часу дня Ева выехала на скоростную магистраль длиною в тысячу километров. Вокруг на бешеной скорости пролетали пейзажи будущего: искореженные каркасы агрополей с цехами по производству пищевых бактерий, гигантские колонны солнечных батарей и... выжженная раскаленным солнцем земля центральной части Китая. Бортовой компью-

тер сообщал, что за окном 49 градусов по Цельсию. Приборка высветила оповещение: «перегрев двигателя через 35 минут, рекомендовано снизить скорость и охладить машину».

Да блять! Этого еще не хватало! – матернулась вслух Ева. Навигатор показывал, что ближайшая заправка, где можно будет остановиться и слегка остудить ДВС, была в 20 минутах. Юсинь сбросила скорость до 190 км/ч. Прогнозируемое время прибытия увеличилось на полтора часа. По расчетам компьютера, в четыре часа ночи сиреневый кабриолет должен был пересечь границу.

Ладно... Похер! Успеваю... Надеюсь, ничего не приключится по дороге, – продолжила разговор с собой девушка.

Дым от электронной сигареты с вишневым льдом заполнил салон, голову – воспоминания. Тусовки с подругами, пьяные дебоши, фотки для синтетических глянцев, дегустации фальшивого шампанского с нанопузырьками. Вся ее жизнь в Чунцине пролетала перед глазами.

Я что... Умираю, блять? – оценила Ева иронию своего мозга. В действительности же это в каком-то смысле и было смертью. В свои 25 лет она завершила карьеру скандальной звезды, и теперь с чемоданами, полными пожитков из прошлой жизни, мчалась за горизонт наперегонки со своей свободой.

Затем пошли воспоминания о Москве. Такие странные, как будто бы насильно пересаженные из другой метавселенной в подсознание. Строгие, но добрые глаза отца, угрюмое

и вечно серьезное лицо брата... Что это вообще было? Как от подростковых истерик с криками «я не хочу!» можно было докатиться до того, что сейчас виднеется через лобовое стекло сиреневого бензинового кабриолета? На эти вопросы, вероятно, не было ответа ни у кого. Точно так же, как и у самой Евы.

Но хуже всего было молчание отца. Глухое, как будто его не существовало. Ни одного сообщения. Ни попытки дозвониться. Ни «держись, доча». Ни «все будет нормально». Пустота. Ева хмуро смотрела на зеркала заднего вида, будто хотела разглядеть между пикселями, где тот момент, когда все пошло туда, куда пошло...

Да какого хрена... – прошептала она себе под нос, словно надеясь, что ее кто-то услышит и ответит.

Твою мать! А может, он пытался?! – заорала девушка. Эта мысль упала неожиданно, как снег в Сахаре.

Может, он бился в ее эхо-комнату, слал сигналы, орал сквозь блокировки, а ее просто отрезали от всего? В ЗКИ это вообще не проблема – вырезать из твоей жизни кого угодно. Квантовое шифрование, многоканальная блокировка попыток связи, ИИ-надзор. В 2110 году ты не просто не получаешь сообщение – ты не знаешь, что оно вообще было. Могли перебить все: звонки, нотификации, даже следы. Как будто его никогда не существовало. Да еще к тому же отец ведь был на крючке, любая попытка пробиться в лоб могла угрожать дочери.

Ева еще сильнее вжалась в кресло. Это был не страх. Это была тишина, которая жрала изнутри. Она чувствовала, как потеют ладони, а сердце бьется будто через ватный фильтр. Ей резко захотелось позвонить отцу.

Но чувство страха, стыда и вины резко взяло верх над благородным намерением. Она все еще боялась набрать его номер. Ей было страшно услышать, как гудки обрываются. Или еще хуже – если он ответит. Если голос будет холодный. Чужой. Осуждающий.

Брат... Ему она даже не думала писать. Там уже давно все умерло. Он знал, кто она. Он предупреждал. Он без конца осуждал. Было бессмысленно ждать надежды на прощение.

Господи! Какая же я дура! – вдруг заревела Чековская и ударила по рулю.

На приборке высветилось уведомление «перегрев двигателя через 12 минут, остановите транспортное средство». Девушка сбросила скорость, вдалеке показалась заправка. Где-то в абсолютно удаленной глуши между городами посередине китайских пустошей.

Вот она: автоматическая станция с облезлыми интерфейсами и тусклыми огоньками – презентация технологической антиутопии 2110 года.

Ева припарковалась рядом с бензиновым заправочным пистолетом, вышла из машины, расправила плечи, глубоко вдохнула – и тут же закашлялась. Воздух вонял пластиком и гарью от старых дронов. Выкинув на улицу мусор из салона,

она вставила пистолет в заправочную горловину.

Через десять минут на приборной панели показатели температуры стабилизировались. Двигатель проревел, и кабrioлет с визгом шин стартанул с места в карьер.

«Никто тебе не поможет, здесь нет спасателей. Теперь тебе самой надо выбираться из этой жопы», – прошептал внутренний голос.

Ближе к девяти часам вечера Ева пролетела мимо обходной трассы Урумчи. Огни мегаполиса цеплялись за зеркала, как последняя иллюзия нормальности. Ева смотрела на неоновые башни и впервые за весь путь осознала: вот он, конец. За этим светом – только мрак и граница. Никаких вечеринок, камер, хайлайтов. Только трасса, ночь, она и, не дай бог, какая-нибудь проблема на границе.

Машина летела вперед, как будто знала дорогу сама. За окном – ни души, только пустыня, голограммы-указатели и редкие огни автоматических конвоев. Навигатор не комментировал поездку. Музыка была выключена. Ева ехала в абсолютной тишине, будто боялась спугнуть хрупкий остаток контроля.

Банки с энергетиками закончились, а усталость в руках и туман в голове молили об остановке. Однако автопилот не допускал разгон выше 150 км/ч. На часах тем временем была полночь, а это значило, что время на исходе. Просто так отключиться и довериться компьютеру было бы слишком даже для Юсинь.

Спустя еще несколько часов изнурительной дороги вдалеке показались огни границы. Все выглядело как сцена из антиутопического мюзикла: турели, ИИ-сканеры, голографические табло, прожекторы. Она остановила машину, вышла и подошла к окну контроля. Сердце рухнуло в живот.

Погранец даже не смотрел ей в лицо. Он просто просканировал ее ID и пару секунд что-то читал.

Госпожа Юсинь, – отстраненно произнес он. – Вы собираетесь покинуть территорию Западно-Китайской Империи?

Ну... Да? – не понимая, что на это ответить, сказала Ева.

Сотрудник начал что-то усердно разглядывать в мониторе.

Есть одна проблема, – холодно ответил он и посмотрел ей в глаза.

Жизнь вокруг на секунду замерла. Девушка, которая и так еле стояла на ногах, чуть не упала в обморок. Бдительный сотрудник, заметив угрозу того, что скоро придется вызывать скорую, решил не томить и продолжил свою речь.

Вы выбросили мусор на заправочной станции. У вас штраф. Будете оплачивать?

Твою ж... – пробурчала Ева, которая за сегодняшний день уже мысленно несколько раз себя похоронила.

Что, простите? – уточнил погранец.

Да-да, конечно, прошу прощения, не увидела там мусорки, голову припекло. Скажите, как можно рассчитаться?

Вам вон в то строение, машину пока перепаркуйте на сто-

янку.

Ева кивнула, развернулась, открыла дверь, забралась внутрь и отъехала в сторону парковки. Затем она снова вылезла из машины и направилась в пристройку неподалеку. По спине опять пробежал холодок: «а вдруг меня там сейчас повяжут?» Но делать было нечего, выбора у нее не оставалось.

Зайдя внутрь помещения, Ева слегка опешила. В комнате была касса за бронестеклом, напротив стояли стулья для ожидающих своей очереди. У дальней от входа стенки стоял бот, который медленно и методично бился головой о стенку. На стуле рядом с этой стенкой сидел какой-то жирный мужик, который лил слезы и поглаживал робота по ноге. Прямо у входа сидела парочка молодых людей в рваной одежде, очевидно, сильно придавленная какими-то веществами.

Ева замерла. Картина скорее напоминала какой-то перформанс, чем кассу у границы ЗКИ. С учетом обстановки вокруг это было даже похоже на шизофренический подкол от самой Вселенной.

Оценив обстановку, Ева решила влезть без очереди. Сзади послышалось неодобрительное бульканье, но через минуту штраф уже был оплачен, и девушка покинула психоделическое помещение.

Сиреневый кабриолет, переливаясь в ночных огнях, подъехал к КПП. Пограничник еще раз проверил все формальности и поднял шлагбаум. На казахской стороне тоже заго-

релся зеленый свет. К 2110 году человечеству удалось победить бюрократию на отдельно стоящем пограничном пункте и заявки на въезд и выезд обрабатывались обеими сторонами одновременно.

Ева медленно тронулась вперед, и, когда машина прокатилась за линию, она резко нажала на тормоз и встала прямо посреди дороги. Казахстан встречал ее пустотой и ночной тишиной. Неонов не было. Людей тоже. Только дорога и дальняя вспышка света на горизонте.

Она заглушила двигатель, наклонилась вперед и уткнулась лицом в руль. Тело дрожало. Слезы покатались сами по себе, как будто их вызвал какой-то встроенный скрипт. Судорожное дыхание, хрипы, всхлипы.

Вот и все, – выдохнула она. – Добро пожаловать в реальность.

Ни один нейросканер, ни один голографический лейбл, ни один модный фильтр не мог сейчас скрыть, как ей больно. Она рыдала. Громко. Беззвучно. Как угодно. Но впереди была только пустота.

Владимир Освальдович стоял у панорамного окна и смотрел на город. Он не включал свет в кабинете. Сумерки размывали очертания зданий, гасили яркость рекламы, делали все плоским и мрачным. В стекле отражался силуэт крепкого

мужчины с душой старика – ровная осанка, руки за спиной, лицо – каменное, неподвижное, как гранитный монумент.

На столе за его спиной работал экран: новостной эфир без звука. Прямо сейчас шел специальный выпуск главного новостного канала страны: ведущий в деловом костюме, с седеющей челкой и хищной ухмылкой, озвучивал заголовки:

«По данным источников в Следственном комитете, в завтрашнем судебном заседании будет оглашена сумма ущерба, нанесенного корпорации "Госводород". Речь может идти о нескольких триллионах рублей».

«Чековские – это не просто семья. Это символ стабильности всей водородной эры. Если государство ударит по ним – это значит, что любой олигарх теперь под прицелом».

«Эксперты заявляют, что Владимир Чековский может получить условный срок, такой удар его семья сможет легко пережить».

Владимир повернул голову, прочитав последнюю строку субтитров. Он нажал на пульт и выключил экран. Затем отошел от окна, приблизился к бару и достал бокал. Медленно налил себе немного темного амароне. Сделал глоток и сел в кресло. Ни одна черта лица не дрогнула. Весь его облик излучал лишь одно: усталость воина, который знает, что завтра утром может проиграть битву, но все равно наденет доспехи и пойдет.

Чейз стоял в коридоре и смотрел на закрытую дверь отцовского кабинета. Не стал входить. Он знал: сейчас не вре-

мя говорить. Он молча развернулся и вышел на улицу. Температура опустилась до аномально низких для января +10 градусов по Цельсию. Этой ночью Москва была чересчур тихой. Как перед бурей.

Роберт достал сигарету, зажал ее между губ и прикурил, прикрыв пламя рукой. Он знал, что отец не любит, когда он курит, но сегодня было плевать. Дым стелился в прохладном воздухе. В его голове не было мыслей – только белый шум, перемешанный с воспоминаниями.

Он вспомнил детство, Еву, ее бегство, назначение Хариса на пост в «Госводороде», время, проведенное с Эльзой, тревожный голос Юноны, поддержку Эдуарда. За всем этим – одна навязчивая мысль: «Что, если завтра – конец?»

Небо светилось, отражая огни Москвы. Где-то вдалеке, за крышами, гудел летящий транспорт. Роберт выкинул окуроч и вернулся в дом. Завтра ранний подъем. Завтра – суд. Завтра – война.

Перед сном он запустил нейроинтерфейс. Там уже кипели ленты: аналитики, эксперты, блогеры.

«Если Чековского-старшего реально осудят – это значит, что идет зачистка. Все, что было до 2100 года, будет объявлено ошибкой. Это обнуление элит».

«Ставлю, что он получит условку. Но акционеры разорвут его семью в судах. Это будет корпоративная казнь».

«Похоже, что у виновницы всей этой заварушки – Евы, дочери Чековского, – тоже намечается проблемный период

в жизни на фоне недавней облавы на нее в китайских соцсетях».

Роберт закрыл интерфейс. Еще один глубокий вдох. Завтра все закончится. Или только начнется...

День в особняке Чековского-старшего 21 января 2110 года начался в шесть утра. Внизу у порога уже стоял сын, вокруг суетились несколько слуг, в машинах на улице сидела команда адвокатов, личных помощников, консультантов и охрана. Старик, одетый во все приличное и черное, спустился по лестнице со взглядом человека, идущего на Голгофу. На лице не было никакой эмоции, только принятие и холодное смирение.

Привет, все на месте, ты готов? – спросил отца Роберт.

Привет, да, я готов, – спокойно ответил старик.

Хорошо, тогда я зову остальных, быстро позавтракаем и еще раз прогоним все сценарии.

Зови, да, – почти безразлично ответил Владимир и пошел в холл.

Чейз завел доверенных людей в особняк. Прислуга разместила их за большим столом. Завтрак продлился недолго, никаких затяжных чаепитий и утренних процедур сегодня не было предусмотрено.

К 6:30 началось главное: последняя стратегическая репетиция перед судом. Вся команда собралась в гостиной перед массивным голографическим столом, заваленным планшетами, файлами, электронными протоколами. Пространство

заливал резкий белесый свет голографических проекторов. За окнами же – крошечная тьма: московская зима в самой своей хищной ипостаси, 25 градусов тепла и ни намека на рассвет.

Адвокаты озвучивали возможные повороты. Один из помощников зачитывал сценарии медийных последствий, другой демонстрировал динамику общественного мнения по десяткам регионов. Владимир слушал молча. Иногда кивал, поправлял запонки. Но создавалось впечатление, что он уже живет на два часа вперед. Или вообще не живет...

Выяснить, кто именно взломал личную сеть Чековского, его люди так и не смогли. Еще в ноябре МНБ забрало собранные Крепновым материалы и закрыло корпоративной службе безопасности доступ к дальнейшей проверке. На запросы Кузнецова приходили ответы о тайне следствия. Для обвинения имели значение разговоры с китайцами, а кто и зачем их достал, в суде обсуждать не собирались.

После смены руководства «Госводорода» внутренний поиск источника утечки закрыли окончательно. Крепнову велели заниматься безопасностью действующего директора, Кузнецов больше не мог распоряжаться ресурсами корпорации ради бывшего руководителя. Личные адвокаты Чековского остались с ним, но теперь добивались смягчения приговора: доказывали шантаж, спорили об ущербе, собирали заключения врачей. Искать тех, кто устроил всю эту историю, было уже некому.

В 6:43 Роберт получил уведомление на нейроимплант. Сообщение от Юноны: «Роберт, готовься. До меня доносятся слухи: Ева покинула ЗКИ. Сейчас она в Казахстане. Не знаю, поможет ли тебе эта информация, но, по крайней мере, китайцы ей больше ничего не сделают. Решай сам – говорить отцу или нет. Но, если хочешь моего мнения: это может его немного успокоить. Держитесь. Я слежу за происходящим в прямом эфире».

Он дочитал, замер на секунду, будто надеясь, что за строками скрыто что-то еще. Затем, не отвечая, заархивировал сообщение. Для эмоций времени не было.

Команда консультантов обсуждала все возможные сценарии. Проговаривали методы минимизации рисков, способы противодействия, планы по дальнейшей реабилитации.

Сцена напоминала спортивную раздевалку перед боем вечера, где морально потухшим бойцом был Владимир Освальдович, за подбадривающих тренеров выступали юристы и консультанты, а в роли менеджера выступал Чейз, который стоял с каменным лицом, словно штурмовик, готовый к вылету.

В 6:55 – опять вызов Роберту. Эльза. Он секунду колебался, думая сбросить вызов. Затем все же решился и вышел на улицу, чтобы принять звонок.

На экране появилось лицо Эльзы – покрасневшее, опухшее от слез. Она сидела где-то в полутемной комнате, позади угадывалась пустая бутылка вина и бокал, почти пустой.

В голосе – дрожь, в глазах – паника.

Роберт... прости, пожалуйста, что я так... Я знаю, что сейчас не время, – начала она, выдавливая из себя фразы с надрывом и соплями. – Я всю ночь не спала, знаю, что вы уже встали.

Эльза, успокойся! Сейчас не время, я тебе перезвоню после суда.

Нет! Стой! – проревела девушка. – Мне вообще запретили тебе звонить. До суда. Сказали: нельзя. Но я больше не могу!

Она всхлипнула и быстро вытерла нос тыльной стороной ладони.

Ты о чем вообще? Кто тебе запретил? – нервно спросил Чейз.

Папа! Отец отменил свадьбу. Просто... Просто сказал, что «так будет правильно». Что «в этой обстановке» – цитирую! – «связывать нас с Чековскими будет политическим самоубийством». Он говорил это с таким спокойствием... буд-то мы не пара, не люди, не чувства... А просто актив и пассив, как в бухгалтерии... Я вообще ничего не понимаю! – сквозь слезы пробормотала Эльза.

Чейз смотрел на нее молча. Лицо каменное. Никакой реакции. Только еле заметно сжатые челюсти.

Я... Я ему говорила, что люблю тебя, что мы можем подождать... Но он сказал, что ты теперь токсичный элемент. Что ты подставляешь всех, кто рядом. Что у тебя «странная повестка» и «непредсказуемое поведение». Господи, Роберт...

Он говорил о тебе как о враге! Как будто ты не человек вообще...

Она снова всхлипнула, уже громче. Рука дрожала, бокал вина соскользнул с колена и со звоном разбился где-то вне кадра.

Мне так стыдно. Я не знаю, как мне с этим жить. Я не хочу, чтобы ты думал, что я все это поддерживаю... Я просто... я просто не могу ничего изменить. Он... он контролирует все. Даже мой паспорт, даже мои счета... Я ничтожество. Я никто, – окончательно разревелась Эльза.

Роберт некоторое время просто молчал. На его лице ничего не менялось. Только глаза стали темнее. Глубже. Холоднее.

Он сказал, что ты больше не можешь появляться у нас дома. Что если я буду пытаться с тобой общаться – мне придется выбирать между семьей и тобой. Ты понимаешь, да? Он поставил ультиматум. А потом... потом он даже не дал мне самой принять решение. Просто отменил все. Назвал это «управлением репутационными рисками». Я... я не знаю, как ты теперь смотришь на меня. Но я...

Все, – тихо сказал Роберт. – Я понял.

Она замерла, будто ожидая еще слов. Оправданий. Осуждений. Крика. Хоть чего-то. Но ничего не последовало. Чейз просто смотрел в камеру, как в стену. Он уже сделал выводы. Все было ясно.

Прости... – прошептала Эльза еле слышно.

Я перезвоню тебе после суда, – сказал он и сбросил звонок.

Чейз вытер лицо ладонью, зажмурил глаза, глубоко вдохнул, а затем уставился сверлить взглядом ворота особняка. «Этого вполне можно было ожидать. Интересные союзники у нас. Это какое-то фиаско... Не хватало, чтобы сейчас еще в дом метеорит прилетел, а по дороге фура въехала в кортеж», – подумал Чейз, всеми силами стараясь рационализировать ситуацию и не дать эмоциям выйти из-под контроля.

Роберт простоял еще минуту на улице, сделал несколько глубоких вдохов и медленных выдохов. Затем включил поведенческий имплант, чтобы потушить разбушевавшийся всплеск адреналина и кортизола. Сжал зубы и вернулся в помещение.

К 7:00 в холле вновь собрались все участники штаба. Последние уточнения, еще одна редакция заявления от пресс-секретаря, сверка маршрутной сетки и медиаплана. Один из консультантов показывал Владимиру на голограмме, как он будет входить в зал, где разместится пресса, какие ракурсы у камер, на каких словах остановиться, чтобы их процитировали заголовками. В 8:45 вместе с первыми лучами рассвета генеральная репетиция закончилась.

Владимир встал. Подошел к зеркалу. Поправил галстук. Вгляделся в собственное отражение, будто хотел запомнить себя таким. Потом обернулся и посмотрел на стол, за которым сидел Роберт, обхватив голову руками. Отец подошел к

столу и сел напротив.

Ну? Что ты нос повесил? – заговорил Чековский-старший.

Звонила Эльза... – начал Роберт. – В общем... В общем, Харис нам совсем не союзник. Запретил ей общаться со мной, наговорил гадостей. В итоге она напилась, позвонила и начала реветь в трубку. Такие дела...

Понятно. То, что он нам не поможет, стало очевидно еще на следующий день, как стало известно о возбуждении уголовного дела. Мы это уже много раз обсуждали.

Да... Но... Чтобы прямо вот так нож в спину... Как будто бы мало проблем сейчас.

Успокойся, нам сейчас от этой информации ни холодно, ни жарко. Да и... Судя по твоей реакции, на саму девушку тебе уже глубоко плевать, откровенно говоря.

Я пока не успел об этом подумать. После суда разберусь, что у меня на душе.

Достойный ответ, – как будто бы впервые в жизни отец сдержанно похвалил сына.

Есть еще кое-что... Написала Юнона. До нее, видимо, информация доходит раньше, чем вообще до кого-либо...

Что случилось? – резко оживился старик, чувствуя что-то важное.

В общем, она говорит, что Ева, возможно, выехала из Китая в Казахстан и что, по всей видимости, имперцы ей не препятствовали и мешать не будут. Я не знаю, что это значит. Вероятно, она сейчас сама по себе. Плохо это или хорошо...

Это... – задумался старик. – Скорее, хорошо. Зная ее, она не пропадет там.

Быстро среагировала, по всей видимости, была к этому готова.

Возможно, – с болью в сердце сказал Чековский-старший. – Ладно, нам пора. Собираемся.

В особняке наступила тишина. Каждый присутствующий понимал: дальше – неизвестность. Владимир прошел через холл, Чейз шел следом. Охрана открыла двери, и оба вышли в рассветное утро столицы. Рядом стоял кортеж из пяти машин. Чековские вышли с территории особняка и забрались в представительский удлиненный седан. На водительском кресле сидел все тот же Александр.

На часах было 9:00. Кортеж тронулся.

Владимир Освальдович задумчиво глядел в окно. Роберт запустил нейроинтерфейс для коммуникаций. Десятки сообщений от всех подряд со словами поддержки. Внимание зацепилось лишь за одно: «Брат, держись. Я с тобой, молимся за вас», – написал Эдуард.

Дорога до суда казалась невыносимо долгой, хотя ехать было всего 30 минут. Каждый пройденный метр казался километром, а километр – пыткой. Здания вокруг выглядели необычайно высокими и будто смотрели сверху вниз с презрением.

Как и несколькими месяцами ранее, у Чейза в голове шла ожесточенная война из противоречивых чувств. С одной сто-

роны, он испытывал ненависть ко всему миру, который ополчился против его семьи. Эта злоба превращала его в цепного пса, готового прогрызть глотки всем, кто посягнул на дом Чековских. С другой стороны, в глубине души он понимал, что этого всего можно было бы избежать, если бы не сестра и бесконечная любовь отца к ней, перемешанная с его гордостью и желанием решить все самостоятельно.

Где мы оступились? В какой момент нужно было поступить по-другому? Что я делал не так? Почему мне не удалось уследить за ней? Слишком много вопросов для одной головы и слишком много эмоций перед решающим моментом.

Владимир Освальдович же просто смотрел в окно. Он прекрасно понимал, что никто, кроме него, в этой ситуации не виноват. По крайней мере, так он считал и, как всегда, не хотел делить груз ответственности с кем-либо. Ему было лишь обидно за то, что он проиграл. Вообще, тяжело воспринимать сокрушительные поражения, когда больше ста лет побед подряд.

Прибываем через пять минут, – громко, но спокойно произнес Александр. Чейз воспринял информацию и мысленно послал команду охране подготовиться к выходу из машин.

Вокруг здания Замоскворецкого районного суда уже с самого рассвета царил суеда, напоминавшая скорее подготовку к международному саммиту, нежели к судебному разбирательству. Улицы были перекрыты, по периметру стояли кордоны из полицейских дронов, роботов быстрого реаги-

рования и бойцов спецназа. Толпы журналистов, блогеров, независимых стримеров и ИИ-репортеров заняли каждый доступный метр, прилипнув к ограждениям и расставив портативные ретрансляторы.

В небе парили десятки дронов с голографическими проекторами, проецируя логотипы новостных каналов и текущие заголовки, обновлявшиеся в реальном времени. У тротуаров стояли бронированные фургоны спецназа, две кареты скорой помощи и передвижной центр мониторинга общественного мнения с голографическими экранами.

Здесь стояли и фанаты Чековских, пришедшие с плакатами «Он построил империю», и яростные противники с транспарантами «Предатель должен сидеть». Кто-то выл, кто-то молился. Камеры щелкали, линзы двигались, тысячи глаз и объективов были направлены на вход в суд.

Кортеж Чековских подъехал ко входу. Толпа немедленно пришла в движение: кто-то бросился вперед с микрофонами, кто-то с камерами, а кое-кто просто орал. Охрана Чековских вместе с полицией сформировала живой коридор. По громкоговорителям звучали предупреждения: «Проход не загромождать. Соблюдайте порядок. Нарушители будут задержаны».

Дверь представительского седана отворилась. Владимир и Роберт вышли наружу. Сразу же послышались выкрики: от оскорблений и проклятий до слов поддержки и аплодисментов. Очевидно было одно: фигура Чековского-старшего вы-

зывала сильные эмоции у всего населения современной России.

Чековские, сопровождаемые телохранителями и помощниками, быстро проследовали внутрь. Как снаружи, так и внутри здание было забито доверху, только здесь еще были и чиновники, бизнесмены, подрядчики «Госводорода», международные наблюдатели, журналисты, а также лица, чьи мотивы оставались неизвестными. Судьба одной из самых влиятельных семей страны решалась в прямом эфире, на глазах у миллионов.

Владимир уселся неподвижно. Его пальцы сцеплены, взгляд – пустой, усталый. Чейз, напротив, сидел напряженно, его левый кулак судорожно сжимался, обнажая металлические пластины имплантов.

Судья – пожилая женщина с вытертым временем лицом и пронзительным взглядом – внимательно изучала материалы дела, глядя в голографические экраны перед собой.

Судебные приставы закрыли двери, зал наполнился ровным светом потолочных прожекторов. Наступила тишина, нарушаемая лишь звуками аппаратуры и вспышками камер.

Через несколько минут в зал вошел секретарь суда и огласил список участников заседания. Формальности затянулись: представление сторон, зачитывание краткого резюме дела, оглашение списка предоставленных материалов, ссылки на тома дел, принятые в работу.

Прозвучало несколько уточняющих вопросов. Прокурор

сухо напомнил об объемах улик. Адвокат Владимира подчеркнул давление, которому его подзащитный подвергался, намекнув на вмешательство третьих сторон. Все это только оттягивало момент кульминации. Но в конечном счете судья добралась до приговора.

Господин Чековский, – начала она, ее голос звучал твердо, но без лишней злобы, – суд Российской Федерации рассмотрел представленные доказательства, заслушал показания и принял во внимание как обвинения, так и вашу выдающуюся службу стране.

Она сделала паузу, позволяя тишине окутать зал.

Суд признает, что на протяжении десятилетий вы вносили неоценимый вклад в развитие отечественной водородной энергетики. Однако ваша последняя деятельность... – Она подняла глаза и посмотрела прямо на Владимира. – Ваше сотрудничество с зарубежными структурами, действия, повлекшие утечку критически важных данных и препятствование реализации стратегических программ, нанесли удар по национальной безопасности и подорвали доверие общества к институтам государства.

Зал замер. Даже камеры будто стихли, перестав щелкать затворами.

Тем не менее, принимая во внимание ваш возраст, состояние здоровья, угрозу жизни вашей дочери, возникшую в результате прямого шантажа, а также исключительную значимость вашего прежнего вклада, суд выносит следующее ре-

шение:

Пятнадцать лет лишения свободы условно, с отсрочкой исполнения наказания на неопределенный срок в связи с подтвержденным заключением медицинской комиссии о наличии хронических заболеваний, несовместимых с содержанием в условиях пенитенциарного учреждения. Дополнительно назначается мера юридического ограничения в виде запрета на занятие любых выборных, назначаемых или контрактных должностей в органах государственной власти, муниципального управления, а также в акционерных обществах и иных организациях с государственным участием в уставном капитале, сроком на двадцать лет, начиная с даты вступления настоящего приговора в законную силу.

В зале послышались перешептывания. Некоторые ожидали реального срока. Условное наказание и запрет на занятие должностей в государственных структурах казались абсолютно приемлемой сделкой в подобных обстоятельствах. На секунду появилась надежда на спасение. Однако судья продолжила:

Кроме того, суд признает установленным факт нанесения имущественного ущерба Российской Федерации и публичному акционерному обществу «Госводород» в особо крупном размере, сопряженного с на-

рушением экономической безопасности государства. В связи с чем постановляется взыскание компенсации с ответчика Чековского Владимира Освальдовича в размере, эквивалентном 30 триллионам рублей, с дальнейшим правом государства на реализацию имущества и активов, находящихся в его собственности, в соответствии с действующим законодательством о взыскании убытков и конфискации имущества, нажитого в результате совершения противоправных действий.

В зале повисла тяжелая, почти физически ощутимая тишина. Кто-то из присутствующих едва слышно охнул, другие переглянулись, не веря своим ушам. Даже камеры на мгновение будто замерли, как если бы нейросети не сразу смогли интерпретировать услышанное. Тридцать триллионов рублей – сумма, больше похожая на результат случайного удара головой о клавиатуру, чем на правосудие. Несколько человек в зале перегнулись через ряды, явно пытаясь убедиться, что правильно услышали. Кто-то начал строчить заметки в нейроинтерфейс, а кто-то, напротив, застыл с раскрытым ртом. В головах зрителей кипели простые мысли: «Это как бюджет какой-нибудь страны. Это экономическая казнь».

Роберт, услышав цифру, на мгновение перестал дышать. Пальцы его правой руки медленно сжались в кулак до скрежета в сервоприводах. Он не сразу понял, что сжал так силь-

но, что металл его импланта скрипнул. Владимир, напротив, не сдвинулся ни на миллиметр. Только слегка опустил глаза, будто в знак принятия судьбы. Он все понял сразу: это не был приговор – это было публичное расчленение, аккуратно завернутое в юридическую упаковку. Это был конец империи Чековских. Всего лишь. За один. Январский. День.

Это абсурд! – крикнул Роберт. – Вы в своем уме?! 30 триллионов?! Это дело сфабриковано! Это экономическая казнь!

Судья даже не моргнула.

Господин Чековский-младший, в случае повторного нарушения порядка вы будете выведены из зала и оштрафованы.

Он сел. Глубоко вдохнул. Сжал зубы. На шее выступили вены.

Судья продолжила, уже без эмоций, словно зачитывая протокол:

Штраф подлежит уплате через реализацию имущества. Согласно данным следствия, семья Чековских владеет 22% акций «Госводорода» и 8% «Российских кибернетических систем», общей рыночной стоимостью 20 триллионов рублей. Остаток долга будет компенсирован за счет конфискации недвижимости, транспортных средств, корпоративных счетов и прочих активов.

Она закрыла досье и откинулась назад.

После завершения взысканий оставшиеся средства, если таковые будут, вернутся в распоряжение семьи. Решение вступит в силу через десять календарных дней, если не бу-

дет обжаловано. Обвиняемый вправе обратиться в кассационный суд высшей инстанции. Исполнение решения поручается федеральному ведомству по контролю имущественных взысканий. На этом судебное заседание объявляется закрытым.

Голографическая печать заполыхала красным. В зале раздался гул. Журналисты побежали к выходу. Камеры ожили. Толпа начала двигаться.

Чейз посмотрел на отца. У Владимира Освальдовича было выражение лица человека, который только что увидел ядерный взрыв из окна своего дома.

Это конец... – тихо сказал он.

Это действительно был конец. Скорее, публичное расчленение всего состояния Чековских. Продажа всего имущества и активов семьи едва ли позволила бы получить 25 трлн рублей. С учетом паники на фондовом рынке, которая начнется спустя минуту после публичного оглашения приговора, падения акций как «Госводорода», так и «РКС», а вслед за ними и всего финансового сектора России, даже 25 трлн казались недостижимыми.

Единственное, на что Чековские могли рассчитывать, – это уменьшение штрафа в случае положительного рассмотрения жалобы высшей инстанцией. Однако это, скорее, сможет лишь спасти от неописуемо огромных долгов перед государством, нежели сохранить хоть какое-то имущество.

Владимир Освальдович медленно поднялся с места. Он

не кивнул, не обернулся, не попросил разрешения. Просто встал и пошел. Словно ничего уже не имеет значения.

Роберт остался на секунду сидеть. Руки не двигались. Только глаза следили за отцом – за человеком, который однажды построил империю, а теперь покидал ее руины через парадный вход. Без фанфар. Без аплодисментов.

В этой тишине между шагами свергнутого патриарха осталась одна простая истина: династия Чековских закончилась.

Глава 4. Петля

День первый

Проснулся от звонка в дверь. Встав с кровати, уселся на ее край и уставился в окно. На улице красовались заводы Двенадцатого кольца Москвы. Боже... В каком же я аду.

В целом... Этот район не был пригоден для жизни абсолютно. Здесь не было ни магазинов, ни кафе, ни благоустройства. Только промышленные объекты, роботы, рабочие и самые жалкие обитатели социального дна, которые сбивались в стаи бездомных, пытаясь протянуть хотя бы еще один день.

Кое-как поднялся и побрел к двери, пробираясь через захламленное коробками помещение. Это было что-то вроде склада Эмилио, а по совместительству убежище на случай, если нужно было кого-то спрятать. Дошагал и открыл дверь. На пороге стоял тот самый водитель, который двумя неделя-

ми ранее доставил меня сюда вместе со скромным запасом еды и воды.

Привет, Андрэ. Собирайся, у тебя 15 минут. Я пока зайду, осмотрю квартиру, – сказал он и шагнул внутрь помещения.

Понял, – ответил я и направился к раковине на импровизированной кухне размером два квадратных метра, рядом же стоял унитаз.

Без смущения принялся мыть лицо и заниматься утренней гигиеной. Глянул на часы: восемь часов тридцать минут ровно, солнце уже выкатилось из-за горизонта. Поссал в унитаз у раковины... Человек Эмилио копошился в какой-то коробке с надписью на китайском. Я напялил спортивные штаны, свободную футболку размера 5XL и налил себе в кружку горячей воды. Затем сел на стул рядом с провиантом. Залез в упаковку и достал последний тюбик с пищевой маской. Мда... Эмилио и запас еды посчитал ровно до копейки. Справился с завтраком за пять минут, хлебнул горячей воды. Mierda! Обжег язык...

Эй, я готов, – сказал я человеку Эмилио, который стоял и курил в окно.

Поехали, все оставляй тут, – ответил он, туша сигарету о подоконник.

Где мои вещи, где товар?

Не задавай лишних вопросов. Все, что тебе причитается, уже на месте. Поехали, не теряем ни минуты, – сказал он и вышел из квартиры, придерживая дверь.

Пошел вслед за ним. Это помещение не было квартирой, я находился на втором этаже в какой-то складской комнате заброшенного завода. Сразу у двери находилась металлическая лестница вниз на первый этаж. Там у складского помещения уже ждала машина, которая заехала внутрь заброшенного здания. Я закурил. Дорога обещала быть долгой, к четырем часам дня нам нужно было добраться до Северного порта. Это там, где раньше была Ленинградская область.

Я спустился вниз, сделал пару утренних затяжек и сел на заднее место. Водитель забрался внутрь и вдавил педаль газа. За черным тонированным окном виднелись уродливые здания с бесчисленными станками и конвейерами внутри. Проехали квартал... И еще... И еще один... Какая-то толпа электрофриков заживо забивала лежащее тело. Блять! Они его едят! Господи, я реально в аду.

К девяти часам утра мы выехали из Москвы и двинулись на север. Черт бы побрал это место, больше ноги моей здесь не будет. Мысли сбивались в ком воспоминаний и невнятных эмоций. Я уснул...

Так прошла вся дорога. Изредка открывал глаза. Трасса, полностью огороженная от природы, словно гипнотизировала. Водитель включил автопилот и читал книгу. Настоящую. Из бумаги... Странно...

Иногда забор у трассы прерывался и можно было заметить хвойные леса севера России. Наверное, это было единственным, что оставалось натуральным в этой части планеты. Ле-

са и книга...

Эй, Андрэ! Просыпайся, мы подъезжаем, – разбудил меня водитель.

Я открыл глаза. Мы заехали в порт. Уже закат... Снова темнота на небе. Огромный старый сухогруз, наполненный контейнерами, стоял рядом. Сколько же ему лет?.. Восемьдесят? Сто? Неужели такие до сих пор эксплуатируют?

«Экспедиция 2001» – красовалась надпись вдоль корпуса. Бог ты мой... Ему больше ста лет...

Успокаивало только одно – он был огромным и полностью заставленным какими-то товарами, а значит, не только я один такой дурак верю в то, что он может перейти океан.

Мы двинулись к погрузочному крану. Там стоял Эмилио и что-то объяснял портовому работнику.

Ну наконец-то! Вы опоздали на тридцать минут. В чем проблема? – спросил он, как только мы приблизились.

По дороге пришлось заехать на заправку. Колесо пробило, – ответил водитель.

Ясно. Андрэ, у нас теперь нет времени на прощание и долгие речи. Контейнер видишь? – торопливо спросил он и показал пальцем на серый сорокафутовый стальной короб с открытой дверью. – Забирайся внутрь, там же твой товар. Грузимся, и через час судно отправляется.

Я кивнул и молча двинулся. На часах было без двадцати пять. 19 декабря 2109 года. Похоже, что Новый год я буду праздновать в море.

Я вошел внутрь стальной коробки. На потолке была лампочка, у стенки висел телевизор, сразу под ним лежал матрас, одеяло и подушка. Рядом стоял обогреватель. В конце контейнера находилось два короба с водой, в совокупности около полутора тонн. Сбоку стоял биотуалет. Противоположная стенка была полностью заставлена палетами с имплантами. Не хватало только холодильника с пивом. Просто мечта холостяка... Пока что вроде все честно. Ладно... мне уже неважно, что со мной будет. Я просто не хочу здесь больше находиться...

– Давай, Андрэ, я свяжусь с тобой, как только ты доберешься до Мексики. Держись! – крикнул Эмилио Арриэта.

Контейнер с глухим металлическим звуком закрылся, оставив меня в полной темноте. Лампочка зажглась, освещая скромный «дом» на ближайший месяц.

Спустя несколько минут кран поднял контейнер, и меня погрузили на сухогруз. Ну... Поехали...

День второй

Сегодня дверь никто не открывал... Сходил пару раз в биотуалет. На стенке в нем висит памятка: «во время качки закрывать крышку на защелку, при переполнении использовать баллон с бактериями». М-да... Ценная информация. Все еще жду, когда меня выпустят на палубу подышать воздухом и дадут сигарету.

Сука... Весь уже липкий и грязный. Как же тут душно. Внизу у стенок сделаны вентиляционные отверстия, но их явно не хватает. Обнаружил одну палету с провиантом. Куда же без тюбиков с пищевой массой.

Попробовал посмотреть телевизор. Прекрасно... У него нет динамиков, а в памяти какое-то допотопное кино. Да и телеку, похоже, скоро лет сорок исполнится. Жду завтрашнего дня... Через вентиляционные щели слегка просачивается свет, однако определить, какое время суток, невозможно. Хорошо, что у меня есть часы.

День четвертый

Эмилио, скотина, блять! Ты меня обманул, cabrón! Твою мать, контейнер заперт наглухо. Я в ловушке, сижу в запаянной изнутри клетке. Никто и не думает его открывать, мне придется провести всю дорогу взаперти.

Скотина! Теперь понятно, почему мы «опоздали». Он просто создал видимость того, что у нас нет времени на обсуждения, чтобы я не задавал лишних вопросов и полез в контейнер, не думая. ПИЗДЕЦ!! ТВОЮ МАТЬ! Мне придется сидеть тут больше месяца!

День пятый

Весь день отжимался, приседал и растягивался. Нужно

попытаться не сойти с ума. Я провел взаперти меньше недели, а такое ощущение, что я сижу здесь целый месяц. Ебучий телевизор без звука. Кто это вообще придумал? Какое-то издевательство. Такие поездки явно рассчитаны на то, что их нужно проводить как минимум вдвоем.

У меня нет ни доступа к сети, ни понимания, где я вообще нахожусь. Куда мы едем? В Мексику или в Китай?

Из биотуалета начинает вонять. В углу стоит ведро, наполнил его водой и попытался помыться целиком. Здравствуй, каменный век.

Пока отжимался, увидел под палетой проволоку. Смастерил крючок и решил прочистить вентиляционные отверстия. Вроде бы стало немного полегче дышать. Или это эффект плацебо?

День шестой

Проснулся от сильной качки. Понял, что мы попали в шторм. Первым делом побежал закрывать крышку туалета. Слава богу, что я тут всего шесть дней. Теперь буду закрывать его всегда, иначе произойдет авария.

Блять... Как же мне херово... От сильной качки блевал в дырку. Чувствую себя куском дерьма.

Ближе к ночи океан утих. Нужно держаться...

Всякое дерьмо лезет в голову, не могу избавиться от навязчивых мыслей. Мозг, словно наркоман, пытается придум-

мать мне занятие. Зачем-то вспомнил, как мы пару лет назад с Кори в «Синергии» нажрались, а потом поехали драться с бомжами рядом с нашей мегабашней. Для чего?.. Чем я вообще занимаюсь в этой жизни?

Когда-то я сидел у берега рядом с бывшим Пуэрто-Вальярта. Солнце клонилось к закату, а я пил мохито и наблюдал, как сестра играет с соседской детворой. Ветер легкий, теплый. Пахло солью, песком, какими-то жареными уличными блюдами. Боже, что я вообще тут делаю? Почему я не вернулся тогда домой, а погнался за этой глупой мечтой?

Мне 38 лет... Где я? Я же самое настоящее животное. На что я вообще в своей жизни повелся? На «Госводород»? Чем я думал?..

День седьмой

Проснулся от звуков снаружи. Показалось, что кто-то говорит. Прислонился ухом к двери. Ничего не слышно... Может, мне показалось? Да нет, там точно кто-то громко разговаривал.

Пошел отжиматься и приседать. Кажется, мышцы начинают ослабевать. Еще эта ЕБАНАЯ ЛАМПОЧКА СВЕТИТ, КАК В ХОСПИСЕ, БЛЯТЬ! НЕЛЬЗЯ БЫЛО НОРМАЛЬНУЮ ПОВЕСИТЬ?!

От злости ударил в стенку, звон, кажется, стоял целую минуту. Твою мать, разбил кулак в кровь... Надо держать себя

в руках... Что, если команда корабля не знает, что перевозит меня нелегально? Блять... Андрэ, соберись! Прошла всего неделя, а ты уже с ума сходишь.

Черт... А стенка-то даже не прогнулась. Из какого металла вообще этот контейнер делали, он что, бронированный? Насколько я понял, сверху на нем стоит еще один или несколько контейнеров, в целом он вообще со всех сторон в круг обставлен другими контейнерами, это видно через вентиляционные дырки. Я даже если захочу, не смогу проломить стенки... Скорее руки себе сломаю... Этого еще не хватало.

День восьмой

Опять качка. В этот раз вроде бы переносится полегче. Мне кажется, что я тут вечность. Периодически лампочка выключается и приходится включать телевизор. Тут всего 10 фильмов. Пересмотрел их уже все. Пытаюсь озвучивать актеров, каждый раз придумывая что-то новое.

Нет... Это дурдом.

День девятый

Как ты, Андрэ? Нормально все у тебя?

Да, спасибо, Андрэ, что спросил! У меня все хорошо. Я просто заперт в железной коробке, вот и все.

Ну, может, тогда нужно было лучше думать головой и все-таки остаться в Москве? Ну знаешь... Попробовать поговорить с Кори. Попытаться найти какое-то решение. Деньги же все-таки были.

Ха-ха-ха! Очень смешно. Не пытайся меня убедить в том, что я ошибся. Что сделано, то сделано, и я здесь не просто так. Я еду на родину, потому что другого выхода нет. Да и вообще, как ты себе представляешь это самое решение? Сказать наркоману прекратить? Я с самого начала знал, что это дорога в никуда. Я просто не мог с нее сойти. Теперь мы тут, едем обратно домой и даже не с пустыми руками. ЧТО ТЕБЕ ЕЩЕ НУЖНО?!

А что ты так нервничаешь? Чувствуешь вину? А что случилось-то, Андрэ? Уже не получается делать невозмутимый вид и читать всем лекции о морали? ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО ТЫ ТЕПЕРЬ СБЕЖАЛ? МММ? Ты трус, Андрэ? ДА, ТЫ ТРУС, АНДРЭ!

Я НЕ СБЕЖАЛ! Я ДЕЙСТВОВАЛ РАЗУМНО!

Я ЯЯ ЯЯ Я ЯЯЯЯЯ Я ЯЯ Я ЯЯЯЯЯ!! ТЫ ТОЛЬКО О СЕБЕ И ГОВОРИШЬ ВСЕГДА! А ты хоть раз подумал о других, а?! Ты задумывался хоть раз о том, что не нужно было ехать в Россию? На кой хер ты вообще потащился за своим дружкой в этот ад? ЧТО? Не мог вернуться домой сразу? Конечно же, не мог, тебе ведь нужно было удовлетворять свои амбиции. Только вот знаешь что? ТЫ ПРОСТО ПОБОЯЛСЯ ПОСМОТРЕТЬ В ГЛАЗА МАТЕРИ И МЛАД-

ШЕЙ СЕСТРЕ! ТЫ ПРОСТО РЕШИЛ НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ПОТОМУ ЧТО СТРУСИЛ! Ты только пытаешься быть таким моральным и праведным, а на деле просто очередной кусок говна, который заслуживает сдохнуть, как псина в железной клетке!

День десятый

Пролежал под телевизором почти сутки. Тело ломит, все отваливается. Тошнит... Кажется, вчера я говорил сам с собой, это не очень хорошо.

Надо что-то с этим делать, нужно каждый день держать себя в форме. Я просто не замечу, как сойду с ума. Прошло всего 10 дней. Впереди еще около тридцати. Нужно двигаться, иначе я банально не доеду до Мексики.

Вроде бы починил лампочку. Проблема была в выключателе. Разобрал, ударило током. Собрал обратно, ударило еще раз. Заработало. Ну хоть какое-то развлечение.

Кажется, вчера мне снился Кори. Мы куда-то бежали через лес. Что за чушь вообще?..

98, 99... 100! Все... Я сдох. Теряю силу, не могу отжаться больше 100 раз за один подход. Мне кажется, я похудел килограммов на пять.

Кори! Ты меня слышишь? Если ты меня слышишь, то знай, когда все закончится, я приду к тебе и лично выбью, скотина, из тебя все дерьмо до последней капли. Какая же ты

мразь! Что тебе не хватало в жизни, ебучий ты наркоман?!
ААА? ЧТО ТЕБЕ НЕ ХВАТАЛО?

День тринадцатый

Стены моей клетки сжимаются. Закрываю глаза, и будто бы контейнер пытается меня сдавить. Сил заниматься упражнениями все меньше и меньше. Воздух кислый, тухлый и ржавый одновременно. Очень тяжело соображать. Мой мозг – самый опасный враг во всей этой истории. Каждую секунду пытаюсь думать о чем-то отвлеченном.

Стучал в стенку полдня, пытаюсь набивать ритм. На пальцах уже синяки. Приятно чувствовать легкую боль, она отвлекает от контейнера.

НУ ЧТО ТЫ УСТАВИЛСЯ НА МЕНЯ?! ЧЕРТОВ УГОЛ, У ТЕБЯ-ТО ВСЕ ХОРОШО, У ТЕБЯ МОЗГОВ НЕТ, ТЫ ПРОСТО ЖЕЛЕЗНАЯ СТЕНКА 90 ГРАДУСОВ!

Ходил из стороны в сторону несколько часов.

Это совершенно не так просто, как может показаться на первый взгляд. Это не квартира и не виртуальная реальность. Тут все по-настоящему. Вот он, туалет, доверху набитый мочой и дерьмом. Вот они, тюбики с чертовой пастой со вкусом карбонары, орехов и салата. Вот имитация реального мира в виде допотопного телевизора. А вот и сам мир! Три метра в ширину и двенадцать в длину! Вокруг железные стенки С ЧЕРТОВЫМИ УГЛАМИ!

Зачем я себя успокаиваю? Андрэ, иди поприседай, на шпагат сядь, посчитай до тысячи и обратно. Че ты как маленький? Ну да, это непросто, а кто вообще сказал, что путешествие за 50 миллионов будет комфортным? Киберпанк, блять! High tech, low life! За 38 годков можно было бы и привыкнуть.

Сегодня, кстати, Новый год! Можешь попить воды побольше и съесть два тюбика с дерьмом вместо одного. Умойся, почисти зубы пальцем. Ты на кого вообще похож?

Так, давай, подойди к цистерне с водой. Молодец. Теперь открой кран и набери воды в руки. Умница! Теперь встань у телевизора и произнеси тост. Руки с водой держи перед собой, как бокал с шипучим алкоголем!

Блять! Ну что ты встал как нищий у метро? Выбрось эту воду! Набери ведро, все-таки емкость какая-то. Давай-давай-давай! Так, молодец, набрал ведро воды. Теперь еще раз произноси тост, только с выражением!

С НО-ВЫМ ГО-ДОМ! С НО-ВЫМ ГО-ДОМ! С НО-ВЫМ ГО-ДОМ! Желаю всем, чтобы вы никогда не попадали в такую ситуацию, в которой оказался я. Пусть в вашей жизни все будет предсказуемо, банально и неинтересно, твари! Так бы и обнял вас всех да шеи посворачивал! УРА-А-А-А!

День четырнадцатый

Дышать нечем, вентиляция ужасная. В голове туман.

Мозг абсолютно не слушается. Постоянно лезут навязчивые мысли, не могу избавиться от них. Смотрю на часы и считаю каждую минуту. Пытался посчитать, сколько минут еще осталось тут сидеть. Очень сложно соображать, каждую секунду забываю, о чем думал мгновение назад. Считал почти несколько часов. Вышло 30 тысяч минут...

Связал проволокой коробки из-под тубиков с едой. Получилось подобие веера. Промаяхал им часа два. Толку никакого. Кажется, только хуже делаю и силы зря трачу...

Два дня подряд снятся кошмары, просыпаюсь весь в поту, иду пробовать помыться. Вся кожа чешется, особенно на голове. Сплошная дезориентация в пространстве. Мне кажется, что у меня начинается экзема. Периодически думаю, что по мне кто-то ползет.

Сначала пытался постирать вещи, но это бессмысленно, и воды не хватит еще на двадцать с чем-то дней. Нет, стирать вещи нельзя.

Случайно поставил ведро с водой рядом с обогревателем, вода начала испаряться, воздух слегка увлажнился. Стало душно, но хотя бы глаза не сушит. Видимо, так же случайно и огонь придумали.

Нашел в палете с едой коробку нижнего белья. Всего десять трусов. Твою мать... На кой хуй нужно было засовывать их так глубоко?! Че нельзя было на видное место положить?!

Снял с себя всю одежду. Как же я похудел, просто высох на глазах.

Пробовал отжиматься. На пятидесятом разе свалился и ударился головой об пол. Боюсь, что мне не хватит еды до Мексики.

Кажется, у меня поднялась температура. По ночам знобит. Обогреватель не помогает.

Вспоминаю Марию. Если бы она сейчас меня видела... Что бы она сказала? Плюнула бы мне в лицо? Зачем я вообще живу эту жизнь?

ДОНАЛЬД, ТЫ СКОТИНА! ЭТО ТЕБЯ НУЖНО БЫЛО ПОСАДИТЬ В ЭТУ КЛЕТКУ, ЕБУЧИЙ ТЫ НАРКОМАН! КАКОЙ ЖЕ ТЫ АХУЕННЫЙ ФИЛОСОФ! УСТАЛ ОТ ЖИЗНИ, ГОВОРИШЬ? ДА ТЫ ВСЮ ЖИЗНЬ ПОД КАЙФОМ ПРОВЕЛ! ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О ЖИЗНИ? АА?! ОТВЕЧАЙ, ТВАРЬ!

День шестнадцатый

Просидел у стенки десять часов, началась качка. Кажется, океан волнуется и это очень плохо. Лишь бы не попали в шторм.

Попробовал сделать перестановку, чтобы обновить картинку. В общем, палеты прикреплены к днищу контейнера. По всей видимости, чтобы не полетели во время шторма. Мда... Тут даже ничего не подвинешь. Самый настоящий карцер.

Пищевая масса больше не лезет в горло, пить тоже не мо-

гу. Постоянно тошнит, ломит все тело и болит живот.

Кажется, что контейнер постоянно смотрит на меня. Он будто бы ждет, когда я засну, чтобы сожрать меня и переварить.

Иногда я чувствую, как стены гудят. Постоянно мерещится, что со мной кто-то разговаривает. Начинаю задумываться о том, что я могу не доехать до конца. Поездка оказалась совершенно не такой простой. Часы показывают 3 января 2110 года. К концу месяца мое тело доплывет до Мексики. Интересно, будет ли оно живо к тому моменту?

Все время кажется, что в контейнере установлены камеры, которые наблюдают за моими страданиями, а Кори смотрит в них и ржет надо мной.

День семнадцатый

У меня начинаются зрительные галлюцинации... Я вижу, будто бы Мария сидит на коробках и что-то напевает себе под нос. Когда я закрываю глаза, то пытаюсь вспомнить лицо своей сестры, но у меня не получается.

Я забыл, как она выглядит... Боже...

Качка усиливается, становится страшно. Если сейчас начнется шторм, то после него я не смогу уже нормально стоять на ногах. Организм в аварийном режиме, сильно похудел. Лишь бы питание на глазные импланты не засбоило, еще ослепнуть мне не хватало.

Каждый раз, когда пытаюсь подойти к Марии, она исчезает и я слышу мерзкий хохот. Кажется, что все самые банальные стереотипы о том, как люди сходят с ума, оказались правдой.

Еще я попытался сделать театр теней. Включил телевизор и попробовал изобразить животных. Начала мерещиться какая-то не очень приятная чушь. Неужели я такой внушаемый? Или мне просто противопоказана самоизоляция?

День восемнадцатый

Выпил воды. Есть больше не могу, меня постоянно тошнит. Руки дрожат. Пробовал отжиматься. Смог оттолкнуться от пола десять раз. Качка прекратилась, мне повезло.

Все время кажется, что снаружи кто-то разговаривает. Я уже не обращаю на это внимания.

Попробовал через силу съесть несколько тубиков с пастой. На вкус они превратились в землю. Заталкивал их в себя по кусочку. Нужны какие-то калории, иначе я просто не выживу. Несколько часов пытался доест. У меня получилось...

Потом начал рассматривать швы самого тубика. Идеально ровные... Как они это делают? Машины? Люди? Или это тоже только иллюзия? Может, я уже ем пустоту?

День двадцать первый

Три недели, как я сижу взаперти в стальном гробу. Кажется, что контейнер оживает, еще немного, и стены сожмутся и раздавят меня. Воспаление по всей коже. Один контейнер с водой почти закончился. Я забрался внутрь и попытался помыться оставшейся водой. Загрузил последний баллон с бактериями в туалет, вонь немного утихла.

Я понял, что ошибся. Я просто ошибся... Мне нужно было остаться в России и попытаться привести Кори в чувство.

Я же даже не попробовал. Подумал, что это бесполезно.

Ночью постоянно снятся кошмары. Мне кажется, что меня душат, воздуха критически не хватает. Даже не получается дышать из отверстий внизу стенки.

В горле ком, у меня текут слезы. Вот так вот... Огромная туша забила в угол и плачет. Я просто ничтожество. Я все просрал...

День двадцать третий

Ты знаешь, Дональд... Я всю жизнь пытался жить правильно, просто старался никого не обманывать и помогать тем, кто нуждается в этом...

Ну и к чему это привело? Вот ты сидишь в ржавой коробке, как подопытная крыса, убежав от проблем и бросив меня в этом чертовом городе. Какой был смысл от твоих принципов, Андрэ, если в конечном итоге ты от них отказался, став

беглецом?

Я не знаю... Похоже, что я очень сильно ошибался. Просто заблуждался. Я делал это, исходя лишь из своего представления о морали и этике. Мне казалось, что я живу правильно. Так, как могу... Так, как у меня получается в текущих обстоятельствах. Я не знаю, Дональд. Просто не знаю...

И что? Просто вот так вот сядешь и подохнешь тут? Ты даже более жалкий, чем я. Мне хотя бы не приходится врать себе и окружающим. Да, я знаю, что я тварь, наркоман и последняя мразь, но я хотя бы не притворяюсь хорошим, Андроэ. Ты понимаешь? Понимаешь, что я говорю тебе? Подумай об этом, перед тем как сгинуть в этой тюрьме.

Да, Дональд. Теперь, мне кажется, я тебя понимаю. Ты просто видел этот мир чуть лучше меня и знал, что просто так его не изменить. Тем более нам с тобой. Ты просто пытался найти хоть какое-то утешение и не вспоминать весь происходящий вокруг кошмар. Это тоже был выход... Но я тебя осуждал и пытался исправить. Зачем?..

День двадцать седьмой

Ужасный шторм, все летает по контейнеру. Спрятал коробку с провиантом вглубь ящиков с имплантами. Обогреватель засунул между палетами. Сука, это сколько баллов шторм?

Пытаюсь держаться за палеты с грузом, какой-то херней

разбило лампочку. Теперь свет только от телевизора. Заливает воду через вентиляцию, все мокрое, тяжело держаться! Черт-черт-ЧЕРТ! Руки не слушаются. А-А-А-А-А-А!

Соскользнул и полетел в биотуалет, проломил дверь. СУ-КА! НЕТ! Сломал крышку! НЕТ НАХУЙ! НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА! ДА ТВОЮ МАТЬ! Сейчас все выльется наружу, господи! НЕТ-НЕТ-НЕТ-НЕТ-НЕТ!

ДА! Закрыл обломком крышку, уперся в стенку! Вроде бы удастся держаться и закрывать дырку. Есть! Зафиксировался. Нужно просто переждать шторм, просто переждать!

Вонь ужасная, качка очень сильная, и я почти ничего не вижу. Меня тошнит... Я не выдержу больше! Просто убейте меня уже наконец! Блять! Да за что мне все это? Твою мать, как же это омерзительно!

НУ ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ? БОГ! ОТВЕТЬ МНЕ УЖЕ НАКОНЕЦ-ТО! ЧТО ТЕБЕ ЕЩЕ НУЖНО ОТ МЕНЯ, А-А-А? ТЕБЕ НРАВИТСЯ ИЗДЕВАТЬСЯ НАДО МНОЙ? ТЕБЕ НРАВИТСЯ СМОТРЕТЬ, КАК Я ПЫТАЮСЬ ВЫЖИТЬ В ТУАЛЕТЕ?! ТЫ СМЕЕШЬСЯ НАДО МНОЙ, КАК Я ЗАКРЫВАЮ ДЕРЬМО И МОЧУ В УНИТАЗЕ, ЧТОБЫ ОНО НЕ ВЫЛЕТЕЛО ОТТУДА? ЧЕМ Я ЗАСЛУЖИЛ ЭТИ НАКАЗАНИЯ?! ОТВЕТЬ ХОТЯ БЫ НА ЭТОТ ВОПРОС! ХОТЯ БЫ НА ОДИН!

ТОШНИТ!..

Твою мать... Я не выдержу, меня выворачивает наизнанку...

Меня вырвало себе на руки... Шторм не заканчивается.
Я отключаюсь... Теряю сознание, все плывет... Надо...
Надо закрыть крышку и не удариться головой...

День двадцать девятый

Эй, Андрэ! Андрэ, ну просыпайся! Ну ты соня-засоня.
Ахах, вставай! Вставай, иначе буду кусаться!

Ч-что?.. Где я?..

Ну блин, зайка! Ну ты че, совсем уже? Просыпайся давай,
я приготовила тебе завтрак! Как ты любишь! Вставай, пойдем!

М-мария?.. Что? Что ты тут делаешь?.. Как ты тут оказалась?

Ну ты че, совсем дурной, что ли? Мы тут живем, вообще-то. Ты чем таким вчера занимался? Пришел домой черт знает во сколько... Опять ты со своим другом-наркоманом таскался? Блин, Андрэ, ну я же так переживаю!

А-а-а... Шея... Блять... Я, кажется, растянул шею... Как же больно...

Зайка, ну как же ты так?..

Блять... Где я вообще?.. Мария, что вчера было?

Не знаю, Андрэ. Я вернулась домой, а ты тут лежишь.
Блин, ну ты вставай давай уже. Который час, кстати? Мы сегодня хотели сходить погулять! Ты обещал взять машину и покататься по центру Москвы!

16 января 2110 года, 13 часов 44 минуты. Твою мать... В чем я весь?.. Фу... Блять... Я что? Я что, в туалете?

Ха-ха-ха! Да, зайка, ты лежишь в туалете, весь в дерьме и блевоте! А-ха-ха-хах! Ну ты не переживай, я тебя и такого люблю. Вставай! Тебе пора в душ!

Дай мне руку, пожалуйста. Помоги подняться.

Ой не, ты весь противный. Хочешь, чтобы я тоже ходила вонючая? Вон посмотри, тебе туда!

Я осмотрелся. Лежал, свернувшись клубком в пластиковом туалете. Черт... Что ж я вчера такое употреблял. Надо вылезать и пойти помыться.

Мария, а где у нас душ?

Ну ты совсем, зай. Вон он!

Посмотрел туда, куда указывала Мария. Увидел две цистерны с водой, одна из них была почти пустой, а вторая полная наполовину. Рядом стояло ведро.

Решил не задавать лишних вопросов и помыться из ведра. Черт, почему у меня ломит все тело? Руки дрожат. Бог ты мой... А когда я успел так похудеть-то? Черт возьми, я сбросил килограммов двадцать, не меньше. Блин... Да проще просто забраться в левую цистерну и помыться там, все равно вода там не очень какая-то уже. Где ж меня так помотало? Блять, все чешется, это что? ЯЗВА? Твою мать... Надо чем-то ее обработать. Такое чувство, что меня отравили, я заболел гриппом, а вчера в одно лицо разгрузил железнодорожный вагон. Ладно... кое-как обмылся. Теперь этой водой

даже полы нельзя будет мыть.

Я хочу есть, где там твой обещанный завтрак?

Вот же он, Андрэ! С твоими любимыми вкусами: карбонара, ореховый шоколад, тропический микс, стейк и глазунья с сыром!

Да... Точно, спасибо. Съем со вкусом стейка. Ты будешь?

Не, спасибо. Я ж на диете, зайка. Садись рядом, посмотрим кино.

Ну давай. Слушай... А где мы вообще? Какая-то странная комната. Где наша квартира?

Ты о чем? Это и есть наша квартира! Мы же копим на то, чтобы переехать на Шестое кольцо. Там условия получше, чем на Восьмом. Эх... Правда, накопим мы еще совсем не скоро, я так полагаю... Ты, главное, это... Пожалуйста, не рискуй больше, а то в следующий раз может случиться что-то плохое. Я переживаю. У нас еще вся жизнь впереди, не волнуйся, все успеется.

Странно... Я точно помню, что у нас душ-то был. Не в цистерне же мыться. Черт, а что это за коробки?

Андрэ, ну тебе совсем, что ли, память отшибло? Эмилио же говорил, что душ по ночам будет, когда тебя будут выпускать по вечерам помыться.

Чего?.. Куда выпускать? Ты о чем вообще?!

А коробки... Ну это ты хотел продать их тетушке Имельде.

Стоп... Подожди, ты про какую Имельду говоришь? За-

чем мне что-то продавать, откуда они вообще взялись?

Не знаю, Андрэ. А зачем ты вообще собрался отправиться в Мексику?

Куда?!

Громкий гудок какого-то судна прогремел прямо под ухом. Создалось такое ощущение, что я сам нахожусь на этом судне.

Мария, а у нас всегда такие звуки в квартире? Не помню, чтобы подобное случалось раньше...

С тех пор, как ты совсем изменился, Андрэ.

Что? Ты о чем вообще?

Андрэ, я так больше не могу. Ты знаешь... Знаешь... Я очень любила тебя, но я больше не могу продолжать так жить. Нам нужно расстаться.

Мария, ты чего? Что случилось? Мы что, куда-то едем?

Ах-а-а-хахах! погоди, ты все это время думал, что мы вообще куда-то ехали? ХА-ХАХ-ХА-А! ТЕБЯ ОБМАНУЛИ, АНДРЭ! МЫ СТОИМ НА МЕСТЕ, И ТЫ ВИНОВАТ, ЧТО Я ЗАПЕРТА С ТОБОЙ!

Я попытался дотронуться до ее плеча, но моя рука как будто бы не могла достать до нее. Мария сидела рядом, прямо впритык, но я не мог до нее дотянуться. Будто бы она находилась в каком-то другом мире, словно если бы ее проецировали в виртуальной реальности, а я бы попробовал дотронуться до ее плеча. Вдруг она резко заплакала.

УХОДИ! Уходи, Андрэ! Забудь обо мне, я больше не хочу

тебя видеть!

Ч-что?.. Да объясни, наконец, что случилось?!

Езжай в свою Мексику! Тебе здесь больше не место! У тебя тут больше никого нет!

В голову постепенно стали обрывками возвращаться какие-то воспоминания последних нескольких месяцев. Елена говорила держать язык за зубами и дала целую сумку, набитую наличкой. Это за что вообще?.. Кори... Он кричал на меня, и мы поссорились, потом я две недели торчал на каком-то складе. Бог ты мой... Не-е-е-ет... НЕТ! Я в чертовом контейнере, набитом военными имплантами, еду обратно в Мексику.

Шторм... Был шторм и, по всей видимости, во время него я ударился головой и отключился...

Твою мать... Сколько я уже тут? В контейнер я попал 19 декабря, а сейчас уже 16 января. Я торчу тут почти месяц... Или нет? Почему прозвучал гудок? Мы уже приехали? Так маршрут же должен был занять сорок дней. Сука! А что, если мы ехали не в Мексику? ЭМИЛИО, ТВАРЬ, ТЫ МЕНЯ ОБ-МАНУЛ!?! ТЫ ЗАПЕР МЕНЯ ТУТ, ЧТОБЫ ПРОСТО ИЗ-БАВИТЬСЯ ОТ МЕНЯ?!

День тридцать третий

Судно продолжает идти. Я не могу подняться с матраса, не могу есть. Удалось набрать воды в ведро, пытаюсь пить.

Тело больше не слушается меня, я не могу пошевелиться. Мне кажется, у меня поднимается температура. Я весь в каких-то язвах, они ужасно болят и чешутся.

Кажется, что шторм забрал у меня все силы, мне постоянно мерещатся какие-то видения и звуки. Они перестали обретать образ знакомых мне людей. Видимо... Видимо, мозг сыграл со мной злую шутку. Осталась неделя. Мне кажется, что я утону совсем у берега.

Постоянно слышатся крики чаек. Такое чувство, что я уже у берега. Пытаюсь поднять голову и вижу на причале девушку, но каждый раз, когда всматриваюсь слишком долго, картина начинает превращаться в улыбки и оскалы. У меня постоянные галлюцинации...

На часах 23:59. Я смотрю на них уже очень долго, но время не идет. Они остановились, или мое время закончилось?

Эмилио, скотина... Если я выживу, то ты ответишь за все, что сделал со мной.

Сознание путается, мне холодно. Обогреватель залило водой, и теперь он почти не работает. Подложил его за спину, укрылся коробками. Я... Я не протяну. Семь дней – слишком долгий срок. Чертов шторм... Чертов шторм...

День тридцать пятый

Я нашел в углу небольшой кусок металла. Экхе-экхе! Кхэ-кхэ-кхэ! ЭКХЕ!

Чертов кашель...

Зачем я его поднял? Железка... Сам не знаю. Теперь я держу его в руке, будто это ключ к свободе. А вдруг он сможет открыть дверь? Я пытаюсь просунуть его в щель, но это глупо. Металл скрипит. Двери не откроются. Но звук... Звук не уходит. Это не металл. Это чей-то шепот.

Эй, Андрэ!

Кори? Кори, ты тоже тут?!

Почему ты бросил меня, Андрэ? Ты не представляешь, как мне тяжело без тебя!

День тридцать восьмой

Попробовал несколько раз встать с матраса, упал. У меня жар и началась лихорадка. В глазах все мутное, кажется, биореактор сбоит, на глазные импланты почти не поступает энергия. Процессоры не справляются... Я почти ничего не вижу, не могу посмотреть на часы. Мы где-то рядом с Мексикой.

Я... Я не переживу еще один день. Я... Мне конец...

Помню, как отец учил меня кататься на велосипеде... Вот бы сейчас вернуться в то время и провести с ним еще хотя бы несколько часов. Как же ты рано покинул нас, папа... У меня осталось еще так много вопросов к тебе... Прости меня, мама, я так хотел вернуться домой...

Прости, Мария, что подвел тебя. Я... Помню, как мы си-

дели на крыше нашей мегабашни и смотрели на Москву. Тогда я обещал тебе подарить весь мир... Но не смог.

Кори, я не хотел, чтобы все получилось вот так. Я сожалею, что даже не попытался тебе помочь... Если бы я мог вернуться назад и сделать все по-другому. Увидимся на той стороне, брат...

Мне не пережить еще один день... Тело горит, мне очень холодно. Я... Я... Чувствую, что смерть уже близко... Я... Я просто хотел вернуться домой. Простите... Прости меня, я...

Вла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.